

Калдовские

Миры

МИХАЭЛЛА И ДЕМОН ЧУЖОЙ МЕЧТЫ

КАТЕРИНА ПОЛЯНСКАЯ

Annotation

Если, спасаясь от преследователей и нелепых обвинений, ты случайно увидишь, как ведьма творит свои черные дела, мой совет: пробегай мимо, и чем быстрее, тем лучше! Я вот не смогла. Загляделась. Чем нечаянно ей помешала. И теперь за мной охотятся очень злые наемники, не менее злая ведьма и... озабоченный красавец, результат прерванного колдовства.

Последний, наверное, чтобы поблагодарить.

Хотя...

- [Катерина Полянская](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Эпилог](#)
-

Катерина Полянская
МИХАЭЛЛА И ДЕМОН ЧУЖОЙ МЕЧТЫ

Глава 1

Лежа на крыше ветхого, полуразвалившегося сарая, я старалась даже дышать как можно тише, поскольку всерьез опасалась, что постройка рухнет. Вот будет досада! Спрятаться больше оказалось негде: бежать в село страшно, чтобы закопаться в мох, нужно время, а лазать по деревьям я никогда особенно не умела. Что поделаешь, не было в моем детстве шумных игр в лесных разбойников. Вернее, они были, но я не участвовала, только подглядывала тайком.

Солнышко припекало, и спина под шерстяным платьем вскоре сделалась неприятно липкой. Еще неделю назад следовало купить обновку полегче, но Мьярина задержала жалование. В первый раз за четыре года, что я на почте служу. Но от этого прохладнее не становится.

В голове теснились самые разные мысли. Например, о том, что, если вдуматься, все истории начинаются примерно одинаково: сидела, никого не трогала — и тут... Далее возможны варианты, но суть все равно одна. Проблемы!

Свои я умудрилась найти, практически не выходя из дома.

Шаги.

Услышав хруст сухих веток и шорох иглицы под сапогами, я на миг обмерла и всем телом вжалась в ветхую крышу. Прогнившие доски угрожающе затрещали, вниз посыпалась труха. Это отрезвило и заставило внимательнее прислушаться.

И вскоре я поняла, что приближается всего одна пара ног. Вряд ли это за мной.

Еще через некоторое время из-за раскидистых елей, бормоча себе под нос какую-то песенку, вышла хорошо знакомая мне особа — чернявая, простоволосая, в пестром платье из лоскутов и красных сапожках на каблуке. Их острые загнутые носы словно норовили взглянуть на хозяйку, а амулеты на шее и вокруг талии молодой женщины мелодично позвякивали, будто подыгрывали ее песенке.

Арина. Или госпожа ведьма, как ее величали местные, и я в том числе.

Ее в селе уважали, как же, единственная ведьма на всю округу. Приехавший из столицы лекарь и две его помощницы, спасая народ от болотной лихорадки, отдали души покровителям, а студентики, которых в последние годы изредка присылали, вообще ни на что не годились, так что со всеми проблемами люд шел только к ней. Само собой, госпожа ведьма

не бедствовала. Мне на такие сапожки три года копить, и то с условием, что откажусь от еды.

Собственно, это я все к тому, что если она за меня вступится, может быть...

Додумать мысль, а тем более что-то предпринять не успела. Ведьма вытащила из наплечной сумки флягу, украшенную самоцветными камнями, и целенаправленно зашагала к просвету меж двумя соснами, аккурат напротив моего укрытия.

Обзор представлялся хороший, и с явлением себя я решила немного повременить.

Что плохого случится, если я немного подсмотрю? Я ведь не следила за ней, ведьма сама пришла. А хоть раз в жизни поглядеть на чародейский ритуал страсть как хотелось. Репутация у Арины исключительно хорошая, вряд ли она тут будет творить нечто такое, чего не следует видеть чужим глазам.

Успокоив себя таким образом, я обратилась во взор.

Тем временем ведьма добралась до нужного места и вылила содержимое фляги на землю.

Сгущающиеся сумерки, казалось, сделали приторный запах еще сильнее и слаще. Два вдоха — и к горлу подкатил ком. Я чуть не выдала себя! Чтобы этого не случилось прежде времени, пришлось утыкаться носом в рукав шерстяного платья и бороться с приступом тошноты. Кто же знал, что магия — эдакая мерзость?

А ритуал меж тем двигался полным ходом. Когда я вновь посмотрела в сторону основных событий, из земли как раз пробивался зеленый росточек. Делал он это стремительно и уверенно, что не свойственно нормальным растениям. А ведьма улыбалась и наблюдала за процессом так, будто ей самой было любопытно, что же в итоге получится. Можно подумать, не знает, что колдует! Мне снова сделалось интересно. А еще вдруг подумалось, что лучше бы мне здесь все-таки не быть и всего этого не видеть, но деваться было некуда, а потому прогнала разумную мысль подальше.

Росточек все увеличивался и уже скоро перевалил за привычный размер цветка. И все же это был цветок — стебель, листья, несколько закрытых бутонов. Диво доросло до размера клена, одного из тех, что у старого пруда стеной стоят, и остановилось. Бутоны медленно стали раскрываться.

— Лилия... — одними губами произнесла я, с трудом вспомнив название цветка. — И воняет так же.

В цветах я не особенно понимала, но этот узнала. Год назад такой, только розовый с пятнами, посадила у себя Виатта, купеческая дочка, прямо под окном. Так сама слегла и хворала, пока гадость не вырвали и не выкинули.

На наколдованной громадине распустились большие белые цветы. И запах был тоньше того, что я запомнила, но все равно слишком сильный.

Дальше началось совсем жуткое.

Арина отцепила от пояса нож, прошептала несколько слов над кривым лезвием и, вытянув руку, размашистым движением резанула запястье. Застонала от боли, но руку продолжала держать так, чтобы кровь капала на корни цветка.

Жуть какая-то...

Желание подсмотреть волшебство истаяло безвозвратно, как хмельное в кружке старика Базиля пятничным вечером. Я уже поняла, что ненароком увидела то, чего видеть никому не следовало, и запоздало уткнулась лицом в ветхую крышу. Кровь... Это наверняка темная магия! Запрещенная. Если узнают, Арине не сносить головы. А если она узнает, что я оказалась свидетельницей...

Но, очевидно, сегодня покровители смотрели в другую сторону.

Они и прежде особенно не баловали меня вниманием. Видимо, находились более достойные объекты.

Стоило решить, что я не хочу знать, что там дальше произойдет, как крыша подо мной затрещала.

Ведьма вздрогнула, обернулась.

Может, не заметит?

Ну нет, мне никогда так не везло.

Ругательства мы с Ариной прошипели одновременно.

А потом постройка, на которую я забралась со страху где-то с час назад, качнулась, сильно накренилась... и часть крыши вместе с одной стеной просто развалилась. Я с криком полетела вниз, размахивая руками в попытке ухватиться за что-нибудь. Но все, что попадалось под пальцы, тоже падало и служить опорой категорически не хотело. Из-за взметнувшегося облака пыли и трухи кругом видно ничего не было, и почему орет ведьма, для меня так и осталось загадкой.

Удар о землю, усыпанную остатками подгнивших досок, выбил из меня весь воздух. Дыхание не возвращалось долго, и я всерьез испугалась, что задохнусь. Когда же получилось глотнуть воздуха, в нос и рот набилась пыль, я отчаянно закашлялась. До хрипа и слез на щеках.

Как же больно... кажется, я что-то себе сломала. Только не пойму что,

руки-ноги вроде нормально двигаются...

С большим трудом мне удалось подняться на четвереньки, и тут гроыхнуло. Прямо над головой! Странно, кажется, небо светлое было... Или это кусок сарая развалился? Не успела я понять, что к чему, как прямо в лилию ударила молния и повторился громовой раскат.

Пыльное облако поредело, и стало возможно рассмотреть хоть что-то перед собой. А именно, ведьму, которую явно чем-то приложило и которая теперь лежала без сознания. Дышала, это я точно видела, но в себя Арина приходить не спешила. И ссадина у нее на лбу здоровенная краснела.

Цветок исчез. Вместо него на земле в странной скрюченной позе застыл беловолосый мужчина. Молодой, бледный и непривычно худой. Не то что по сравнению с кузнецом или плотником, он даже рядом с пекарем и его сыновьями мелким будет. Узкое лицо с тонкими чертами казалось непривычным. Вроде все как у всех — глаза, нос, губы, а все равно другое. И руки нежные, как у богатой барышни. Не болело бы все внутри, непременно бы потянуло смеяться.

«Как ведьма это проделала? Как он сюда попал?! А мне зачем это знать?!» — подумала я и подползла поближе.

Темная магия, случайная свидетельница, ведьма меня точно видела... Можно было понадеяться, что не признала, но это было бы волшебство похлеще цветка, политого кровью, из которого появился голый мужик. И зачем он Арине сдался? Почему было не начаровать ему хотя бы штаны, а то совсем срам... Не о том думаю! Осознав это, я заодно поняла, что пора убираться отсюда, и начала потихоньку отползать.

Совсем недалеко продвинулась, когда наколдованный мужчина разлепил глаза и недоверчиво уставился на меня.

Странные у него глаза... Страшные.

Ярко-голубые, холодные, как два озера, и в их кристальной глубине плавает вертикальный золотой зрачок. Узкий, будто ниточка.

Искры, рассыпавшиеся вдоль золотой полоски, словно прибавили мне сил. Я начала пятиться активнее. Наколдованный на нас с ведьмой внимания не обращал. Он повел голыми плечами, хрипло застонал, удивленно оглядел себя, потом вытянул руку и стал пристально разглядывать ее.

И тут ведьма решила, что мы без нее соскучились, и слабо пошевелилась.

Одновременно с этим в стороне слышались шаги, грубые голоса и басистый собачий лай.

Все, добегалась.

Лучше бы ведьма побыстрее приходила в себя! Эта хоть сразу убьет, а те еще помучают.

Хоть я и попыталась схорониться под обломками, заметили меня сразу. Перед носом клацнула зловонная пасть, и усатый дядька в неприметном черном плаще распорядился:

— Хватайте уродину!

— А эти как же? — Один из парней помоложе окинул внимательным взглядом постанывающую ведьму и наколдованного, который все еще разглядывал свою руку, будто на ней было нечто, видимое ему одному.

Усатый сплюнул себе под ноги и оттащил пса, пока тот меня не порвал. Здоровенный волкодав разочарованно засопел.

— Господин только насчет уродины распорядился. Берите ее и пошли.

Боль от падения все еще была такой сильной, что я не почувствовала ничего нового, когда меня грубо вздернули на ноги, заломили руки и потащили к богатому дому.

Вот так всегда... Уродина. Безобразная. Образина. Сомневаюсь, что жители села хотя бы помнят мое имя. Эти были не местные, но и они сразу сориентировались.

Путь предстоял не особенно быстрый. Чтобы добраться до дома господина Ффруа, требовалось частично обогнуть селение, вдобавок я еле ковыляла, и это тоже не добавляло скорости передвижению. Наемники ругались, грубо пихали меня в спину, но быстрее все равно идти не получалось. Пока я с трудом поднималась на ноги после очередного падения, самый молодой — прыщавый русоволосый паренек лет семнадцати на вид — не то с отвращением, не то с восхищением заметил:

— Никогда не видел такой страшной девицы.

Дружки разговор поддержали, и меня до самого дома оставили в покое. Ну, разве только держали крепко, чтобы не удрала.

Когда не пихают со всех сторон, идти, несмотря на боль во всем теле, куда легче.

Механически перебирая ногами, я изо всех сил старалась думать о платье. Одно из двух шерстяных, которые у меня имеются, теперь было измазано и порвано в нескольких местах. Надеюсь, получится выстирать и зашить. С моим жалованьем я еле на летнее наскрести смогу, а если еще и это...

И все равно совсем не слышать разговора мужчин не получалось.

К замечаниям в адрес своей примечательной внешности я привыкла давно и почти так же давно научилась делать вид, что они меня не задевают, но все же в глубине души было обидно. И понимание, что из-за

обезображенного лица мне никогда не узнать, каково это — иметь ухажеров или хотя бы подруг, никогда не выйти замуж, не стать матерью, не получить даже по деревенским меркам нормальную работу, а значит, всю оставшуюся жизнь едва сводить концы с концами, больно царапало. Но поделаться тут ничего нельзя, и я просто запретила себе об этом думать. Но иногда любопытная мысль — какой бы я была, если бы болезнь не обезобразила мое лицо? — нет-нет да и проскальзывала.

Пятнадцать лет назад в деревню с болот пришла лихорадка. Но не такая, которая случалась прежде и до сих пор является в конце почти каждого лета. Болеют немногие и почти никто не умирает. Один или двое, никогда не больше. Местные исправно льют слезы и несколько дней ведут себя так, будто жизнь кончилась, потом резко забывают, и все возвращается в свою колею. Я же давно научилась спокойно относиться к смерти.

В тот раз было иначе. Заразились многие, но вылечиться посчастливилось одной мне. Хотя лично я никогда не считала это везением. Каждый, кто соприкасался с больным, уже через несколько часов покрывался язвами. Жар, бред... смерть. Так половина деревни полегла.

Моя мать была помощницей лекаря, ее всего за несколько недель до того прислали в эти места. Как мне потом рассказывали, она умерла одна из первых. Оно и неудивительно, мэтр Говард и две его помощницы сутками не отходили от больных, но тех становилось все больше. Я заразилась уже позже, когда болезнь отступала. Наверное, потому и уцелела, как знать.

Следы от уродливых язв так и не исчезли с лица. И уже не исчезнут.

Я смирилась. Почти.

Когда все закончилось, село наше прозвали Черным Лесом. Название, как ни странно, прижилось. Не так много времени прошло, но прежнего теперь и не помнит никто.

Едва стало ясно, что опасность миновала, меня забрала к себе местная учительница. Из ее семьи не уцелел никто. Мама Мианна была добрая, все время кому-нибудь помогала, одной зимой даже детеныша какой-то лесной нечисти подкармливала. Пока она была жива, мы существовали вполне сносно, и самой большой моей бедой было то, что местные шарахались от меня как от чумной. Когда же я осталась одна, остро встала проблема пропитания. Хоть в школу меня не взяли, чтобы не пугала других детей, мама Мианна учила меня дома. Однако несмотря на все знания, устроиться получилось только на почту. И то мне доверялись лишь те письма, для доставки которых не требовалось входить в дом. Вечером я забирала сумку с посланиями к себе, а перед рассветом проходила по улицам и раскидывала послания по деревянным ящикам у домов.

Нашлась и еще одна работа. В конце лета, когда приходила лихорадка, мне доверяли ухаживать за больными, потому что болезнь меня больше не трогала. Арина забегала в лечебницу, оставляла снадобья и распоряжения, что, кому и сколько, и тут же спешила убежать, я же сутками могла находиться среди больных — и ничего. За это платили хорошо, но зараза через две недели уходила, иногда уносила с собой чью-нибудь жизнь. А после всякий раз меня начинали сторониться еще больше.

Следов на лицах даже у самых тяжелых больных больше не появлялось. Иногда это отзывалось глухой досадой в душе, и так хотелось, чтобы кто-то из перешептывающихся за моей спиной тоже побывал в моей шкуре, пусть ненадолго, двух недель бы хватило вполне... Но я одергивала себя и спешила получить честно заработанное вознаграждение. Если везло и болел кто-нибудь из семей побогаче, эти деньги вполне позволяли сносно протянуть зиму.

— Странно, как ее еще на костре не спалили, — ворвался в мысли голос одного из наемников. — По лицу видно, что черной магией промышляет.

Я чуть не икнула с перепугу. Вот только обвинений в запрещенном колдовстве и не хватало! Мне и обычное-то не под силу.

— Пытались, но я плохо горю, — ответила едко, а в душе порадовалась, что местным не пришлось в голову обвинить меня в чем-то таком. А может, все дело в том, что я нужна им каждый год во время очередного наступления хвори?

Определиться на этот счет не успела, тропа круто повернула, и перед глазами выросла громада старинного особняка. Когда-то Черный Лес и еще несколько деревень округи входили во владения какого-то вельможи. Но, по-видимому, прибыли они не приносили, поскольку никого из знати тут десятилетиями не появлялось. И вот, нате, пожаловал наследничек!

Ввели меня через дверь для слуг. Потом по узкому темному коридору к тяжелой дубовой двери, за которой отыскалась лестница, уходящая в подвал. Где-то рядом находилась кухня, и в коридоре витали такие запахи, что я едва устояла на ногах и дальнейшего пути почти не воспринимала.

Только оказавшись в комнатке, которая одновременно напоминала чулан и темницу, очнувшись, тяжело сглотнула, мазнула взглядом по сторонам. Каменная кладка, земляной пол, железная дверь с маленьким зарешеченным окошком, за которой уже стихали шаги и гогот наемников. Еще пыльный тюфяк и столик, шаткий, потому что одна из четырех ножек сломана. На столике горела лучина, совсем слегка разбавляя непроглядный мрак.

В этот раз они подготовились.

Обхватив себя руками за плечи, я так и осталась стоять посреди узкого помещения.

Угораздило же на ровном месте вляпаться!

Самое обидное, что я до сих пор не понимаю, с чего они ко мне прицепились. Письма разнесла, с начальницей из-за жалованья немного поцапалась, возвращаюсь домой — а у калитки эти поджидают. Утром за мной только двоих парней отправили и без псов. Молодые почему-то всегда самые противные, вот и эти с ходу начали обзывать, руки заламывать, все про какое-то письмо и какую-то тетку спрашивали. И про сокровища, кажется.

Смешно даже! Ну откуда у меня сокровища?! Я ведь даже на нормальное платье денег наскрести не могу, а сапожки, как у госпожи ведьмы, вообще несбыточная мечта!

И писем писать мне некому...

Жалеть себя или все-таки посмеяться над ситуацией, так и не решила. За дверью слышались новые шаги.

Напряглась и инстинктивно отступила вглубь темницы.

Может быть, сейчас недоразумение прояснится и меня отпустят?

В удачу верилось с трудом, покровители никогда не бывали ко мне столь добры.

Противно проскрежетал засов. Я поежилась. Что-то холодно стало... Дверь со скрипом отворилась, являя посетителей. Нетерпеливые какие! Могли бы и подождать, пока я тут поддамся панике. Не то чтобы мне нравился этот вариант, но сама я, будучи на их месте, выбрала бы его.

Минуту меня разглядывали и оценивали. Со своей стороны я, кусая губы и отступая все дальше, пока свободное пространство не закончилось, делала то же самое. Посетителей было всего трое. Ближе всех стоял мужчина лет тридцати пяти, с умным лицом, которое немного портили разве что непропорционально маленькие глаза — впрочем, мне ли судить о лицах? Рыжие колечки волос были зачесаны назад так, что ни один волос не выбивался из прически. Костюм на нем был дорогой, бархатный, с золотистой отделкой, а перевязь сделана из мягкой кожи. Правда, сидело все это слишком плотно, что свидетельствовало о том, что господин Ффруа, а это наверняка был именно он, недавно немного прибавил в весе.

За спиной хозяина маячил затянутый в кожу медведеподобный тип с бритым наголо черепом. В одной руке он держал факел, а второй любовно поглаживал висящий на поясе нож. И почти полностью заслонял миниатюрную рыжеволосую девушку в таком умопомрачительном платье,

что даже госпоже ведьме не снилось.

Я как раз мысленно пришла к выводу, что наряд достоин самой королевы, когда господин Ффруа заговорил:

— Вынужден принести извинения за своих людей, они неотесанны и грубы. — Слова подкрепляла обаятельная улыбка, одновременно с которой возле глаз богача возникли лучики-морщинки.

Признаться, я ждала услышать что угодно, от оскорблений до странных вопросов, но только не это. А потому малость растерялась и выдала первое, что на ум пришло:

— Что, и домой отпустите?

— Не все сразу. Попробуем договориться, — сверкнул глазами господин Ффруа. — Как тебя зовут, девушка?

О... Он это серьезно?!

— Михаэлла.

— Надо говорить «Михалена, господин», — твякнула из-за плеча огромного охранника рыжая девица, которая сразу перестала казаться мне такой уж красивой.

И ведь знала, что она нарочно исковеркала мое имя, а все равно зачем-то поправила:

— Не Михалена, а Михаэлла.

— Нахалка, — сморщила тонкий носик рыжая.

Но тот, кого предлагалось величать господином, только развеселился.

— А я — Джереми Ффруа. Девять лет уже хозяин этого дома и трех окрестных деревень, — представился он, потом повернулся к рыжей и скомандовал: — Беата, сестренка, поднимись наверх, распорядись насчет обеда и организуй мне стул.

И когда обладательница невероятного платья попробовала снова открыть рот, он продемонстрировал, что умеет быть не только обаятельным, но и жестким:

— Живо и без возражений!

— Как тебе будет угодно, брат, — ядовито прошипела она и унеслась прочь.

Внимание господина Ффруа вернулось ко мне. Он шагнул ближе, осторожно протянул руку и сдвинул с лица платок. Но вместо обидных слов, которые я уже приготовилась услышать, лишь сочувственно вздохнул.

— Трудно, наверное, с этим живетсЯ?

Подсохшие язвы покрывали лоб, нос, правую щеку и почти весь подбородок. Большую часть времени они не беспокоили, но в жару начинали жутко чесаться. В остальном же вели себя примерно как угри, с

той лишь разницей, что никогда не проходили.

— Я привыкла.

А вот жаловаться и вообще обсуждать это с кем-либо — не привыкла и сейчас чувствовала себя как рыцарь из детской сказки, если бы перед боем с шестиглавым змеем с него сняли все доспехи. Беззащитной.

— Зачем я здесь? — попыталась спастись от неприятной темы.

Господину Ффруа как раз принесли стул.

Джереми опустил на него, кивнул и задумчиво начал:

— Тебе знакома некая Аделина Бернежка?

Прямо так и почувствовала, как расширяются мои глаза.

— Нет. А кто это?

— А Марта Ритара? — Отвечать вопросом на вопрос, вообще-то, невежливо!

— Это моя родная мама, — нехотя подтвердила я. — Она давно умерла. Но при чем здесь она?

Сомневалась, объяснят ли, все же не такого я важного полета птица, но господин Ффруа снисходительно улыбнулся и пустился в разъяснения:

— Насколько знаю, эта Марта была помощницей лекаря и одно время работала на острове, куда ссылают преступников, приговоренных к пожизненной каторге. — Начало истории казалось захватывающим. — По проверенным сведениям, одна из заключенных сообщила ей, где находится весьма ценная вещь.

— Звучит как сказка, — пробормотала я, не зная, куда себя деть: тюфяк был слишком пыльный, но стоять ноги уже устали, и в груди до сих пор ощущалась тупая боль.

Нет, правда! Остров, каторга, какие-то ценности... Мой мир всю жизнь ограничивался Черным Лесом, а в последние годы еще и крайней бедностью. Теперь его границы размылись, мир стремительно стал расширяться, и от этого шла кругом голова.

— Две недели назад Аделина сбежала, — не обращая на меня внимания, продолжал господин Ффруа. — Нам удалось перехватить ее письмо Марте. Она собирается явиться за своим.

Перехватить письмо? Кажется, теперь понимаю, по чьей милости я жалование не могу получить... Мьярина наверняка подумала, что у меня неприятности, и решила не торопиться. Глядишь, потом и не придется расставаться с деньгами.

— Я-то тут при чем? — спросила тоскливо.

— Отдай мне ларец и все остальное. — Джереми Ффруа подался вперед и сверкнул глазами. — Я выпущу тебя, заплачу и избавлю от

встречи с Аделиной.

Обаяние этого человека постепенно переставало действовать на меня. Все чувства разом вопили об опасности. Что-то подсказывало, что дружелюбный и обходительный Джереми может оказаться куда неприятнее его грубой сестры.

— Говорю же, у меня ничего нет!

— Конечно, есть!

Мы обменялись решительными взглядами.

— Стала бы я прозябать в нищете, если бы у меня где-то были припрятаны сокровища? — Я решила воззвать к его здравому смыслу.

— Разумеется. — Здравый смысл у господина Ффруа оказался какой-то неправильный. — Все равно тут драгоценности не продать. А если Марта успела рассказать тебе о них, ты бы даже думать об этом не стала. Слишком много народу это ищет.

— Зачем иметь кучу денег, если ими не пользоваться?! — Меня стала разбирать злость.

Глаза Ффруа победно сверкнули.

— Рад, что ты это понимаешь. Ну что, давай договариваться?

Я мысленно взывала. Ведь нормально же жили! Сборщик податей иногда наглел, лихорадка раз в год наведывалась, я хорошую работу получить не могла, — но в остальном нормально. И принесло же этих Ффруа на мою голову!

— Нет у меня вашего ларца! В первый раз о нем слышу!

— Вот упрямая уродка! — Он наконец показал свое истинное лицо, но меня, едва ли не в первый раз в жизни, оскорбление совершенно не тронуло.

Пусть я на лицо уродлива, зато он на всю голову и на совесть!

— Кому еще, кроме тебя, мать могла сказать? — уже не утруждаясь тем, чтобы держать себя в руках, шипел новый хозяин наших земель.

— Понятия не имею, мне было четыре года, когда она умерла!

Расскажи мне что родная мама, я в том возрасте все равно бы не запомнила. Но, видимо, понимание этой простой истины было выше сил нашего хозяина, потому что он с полной уверенностью заявил:

— Ты опять лжешь.

— Почему — опять? — опешила я.

— Что, так привыкла, что за собой уже и не замечаешь?

Молчу. Перевариваю. Может, он правда чокнутый?

Видимо, молчание мое было красноречиво, потому что Ффруа, не скрывая отвращения, пояснил:

— Зачем ходить в лохмотьях, когда тебе принадлежит целый дом и ты каждый месяц получаешь с трех семей арендную плату? — Омерзение в его голосе и на лице мешалось с искренним недоумением. — Глупо было плести про крайнюю бедность. Первым делом, как только приехал в Черный Лес, я встретился с управляющим и навел о тебе справки. Он собирает с жильцов деньги, это ему еще Марта поручила, и передает их тебе. Так что не притворяйся нищенкой, не поверю. Испорченной мордашке еще мог бы посочувствовать, но твое вранье и упрямство отбило всякое желание. Ну же, Михаэлла, скажи, где ларец, иначе я разозлюсь!

Ну конечно, моя одежда похожа на лохмотья! Меня сначала по лесу гоняли, потом я на грязной крыше отлеживалась, потом с нее же летела, ползала по земле и еще несколько раз падала, когда его наемники вели меня сюда. А теперь этому хлыщу, видите ли, платье мое не нравится!

И тут в голове будто переключилось. Гневные мысли разом исчезли, в сознании установилась звенящая тишина, которую скоро заполнили вполне здоровые размышления.

Выходит, по документам мне принадлежит дом, который еще мама купила? И у простой помощницы лекаря откуда-то были деньги на целый дом? А, не важно. Главное здесь то, что я все эти годы вполне могла жить нормально и не переживать, как бы купить новое платье взамен заношенного до дыр и при этом не голодать.

Знала, конечно, что наш управляющий — жадный и подлый, но чтобы обобрать покалеченную сироту... это даже для него как-то слишком. А я ведь благодарна ему была, когда он работу мне давал, деньгам тем радовалась. А теперь оказывается, это были жалкие подачки. Но старый негодяй и этим не ограничился, рассказал про меня новому хозяину, преподнес свою версию событий. Конечно, ему-то выгодно от меня избавиться, тогда я точно про мамино наследство не узнаю и не смогу на него претендовать!

Поверят уважаемому управляющему, а не мне, смысла оправдываться нет. Поняла это и окончательно заскучала.

— Ну так что, будем говорить? — снисходительно уточнил Ффруа.

Молчу. Я уже все сказала. Не моя вина, что меня не пожелали услышать.

Наверняка в том ларце что-то важное, раз его так все ищут...

— Значит, не хочешь по-хорошему? — Джереми Ффруа вновь сорвался на шипение. — Ты понятия не имеешь, с кем связываешься! Я сгною тебя в этом подвале! Будешь сидеть тут без еды и воды! Прикажу сломать тебе пальцы, один за одним...

И ведь он и правда может все это проделать. Я втянула голову в плечи, но душевных сил не хватило ни чтобы заплакать, ни чтобы воззвать к покровителям. А может, все дело в том, что ни то ни другое никогда не срабатывало?

Глаза господина Ффруа загорелись каким-то предвкушающим огнем. Меня затопило бессильное осознание: мучить все-таки будут. Я была как никогда близка к грани, какой-то внутренней черте.

— Это должно развязать ей язык, — прошипел мой мучитель. — Орн, принеси щипцы.

Из моего горла вырвался сухой судорожный всхлип. Но никто из присутствующих не расслышал этого звука, потому что в тот же момент где-то над нами пронзительно заорала какая-то женщина.

Вот во мне нет магических сил... Интересно, если, умирая, я прокляну этих мерзавцев, им хоть что-нибудь будет?

Гулкая тишина висела, кажется, над всем домом целую минуту. Будто даже не дышал никто. Мужчины подозрительно уставились на укутанный мраком коридор, тянувшийся к лестнице, но ничего не происходило.

Орн отмер первый, очевидно, вспомнив про поручение хозяина и торопясь его выполнить. Он повернулся к креплению на стене, чтобы поместить в него факел...

Никто из нас ничего не видел, и вряд ли кто-то хоть что-то успел понять. Но порыв промозглого воздуха точно ощутили все. Блекло-оранжевое с проблесками синего пламя, окутывавшее верхний конец факела, сильно затрепетало и погасло. Орн грубо ругнулся. Один вздох. Узкое темное пространство озарила белая вспышка, похожая на молнию. И я увидела, как на стены летят кровавые брызги, а медведеподобный слуга господина Ффруа, хрипя, оседает на земляной пол.

Потом глазам стало больно, и происходящее на некоторое время скрыла пелена набежавших слез. Когда же удалось ее сморгнуть, Ффруа лежал на полу лицом вниз, а рядом с ним, заинтересованно оглядываясь по сторонам, будто силясь понять, где находится, стоял уже знакомый мне по подсмотренному ритуалу беловолосый тип. Он так и не озаботился разжиться хоть какой-нибудь одеждой.

Я думала, что научилась безразлично относиться к смерти.

Иногда даже считала ее избавлением. В самые тяжелые минуты.

Но сейчас, оказавшись на краю, ощутила не то что страх, самый настоящий ужас. Пожалуй, я бы даже от так и не обретенных денег снова отказалась и простила бы все мерзкому вору, лишь бы только сейчас выжить. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Я стану добрее! И

перестану мечтать о ведьминых красных сапожках!!!

Путанные панические мысли и испуг нисколько не мешали мне пятиться, пока не уткнулась спиной в стену.

Этих он убил быстро... Орна точно. Надеюсь, мне хотя бы не будет больно.

— Что застыла, пошли отсюда, — скомандовал беловолосый, схватил меня за руку и потащил к выходу. — Шевелись! Лучше убраться, пока эти курицы из кухни не очухались.

Глава 2

Как вышли из дома, в памяти моей не отложилось вообще. Соображать что-то начала в лесу, когда мы снова огибали селение, только на этот раз с другой стороны.

Сразу же дернула плечом, высвобождая руку. Беловолосый тут же отпустил. Впрочем, я так и продолжала следовать за ним, попросту не зная, как теперь быть.

Он все еще здесь.

И убил Ффруа и его слугу. Как минимум. Покровители! Худощавый мужчина с изящными руками, будто никогда не видевшими работы, легко и просто в считанные мгновения справился с двумя здоровыми мужиками! Это заставило присмотреться к нему внимательнее. Смущения почти не было, в лечебнице я чего только не перевидала, просто странно было, что он вот так запросто расхаживает нагишом, хоть и по лесу. В дом ворвался в таком же виде. И, судя по всему, отнюдь не испытывал по данному поводу никаких терзаний. Наши, деревенские-то, стыдливые, их даже на приеме у лекаря приходится уговаривать раздеться, и то всегда оставляют исподнее, и даже взрослые мужчины отчаянно краснеют.

Результат осмотра яснее ситуацию не сделал: кое-где под бледной кожей просматривались мышцы, что свидетельствовало о том, что мой спутник не увлекается обжорством и худо-бедно поддерживает себя в форме... уж не знаю, что для этого делают аристократы... но на воина он все равно не походил.

Страх в этот день было уже достаточно, и все же в моей душе хватило места еще для одного. Никто ведь не знает про наколдованного мужчину, возникшего из цветка! Сомневаюсь, что госпожа ведьма призналась в преступном ритуале. И теперь в доме два мертвеца, а я сбежала... Вдруг подумают на меня?!

Ноги так и подогнулись.

Словно почувствовав, что я не иду, спутник тут же остановился и оглянулся.

— Что ты сделал с женщинами в доме? — спросила напряженно, поправляя платок.

Чувствую себя увереннее, когда лица не видно.

— Запер в кухне, — пояснил мужчина так спокойно, будто не видел в случившемся ничего особенного. — А хозяйку закрыл в кладовке, она так

противно визжала, что у меня чуть голова не разболелась.

Фу-ты, какие мы нежные!

Хоть не убил больше никого, и на том спасибо.

— Почему у тебя ожог на щеке? — Его я успела заметить, пока переваривала новые сведения.

— Когда тебя увели, ведьма очнулась.

Если он думает, что сейчас что-то объяснил, то глубоко заблуждается. Но мне в голову уже пришел вопрос поважнее, так что о госпоже Арине я временно забыла. Да и глупо заботиться о сохранности того, кто почти наверняка захочет осложнить тебе жизнь.

— А меня ты почему спас? — В людское бескорыстие я не верила довольно давно. — Нет, ты не подумай, я благодарна, очень-очень, просто ничего не понимаю...

— Ты мне нужна.

И опять ну очень понятно!

— А зачем?

Наколдованный защитник как-то странно оглядел меня, шумно вздохнул, зябко поежился и обхватил себя за плечи руками.

— Слушай, как насчет поговорить в более комфортном и теплом месте?

Ему холодно, что ли? Оно и неудивительно, лето уже почти вошло в свои права, но по вечерам до сих пор прохладно, а сейчас за кромкой леса уже виднелись подступающие сумерки.

Я кивнула.

За что тут же и поплатилась: меня сцапали за руку и снова потащили вперед.

Но идти молча не получилось, шаге на десятом в голову пришел очередной очень важный вопрос:

— А куда мы идем?

Спутник глянул так, будто вот прямо сейчас боролся с желанием прибить одну не в меру разговорчивую особу.

— К тебе, конечно, — все же соизволил сообщить он. — Кстати, где ты живешь?

Изумление заставило меня опять остановиться, к вящему неудовольствию беловолосого. Видать, я ему и правда зачем-то очень нужна, раз он так старательно сдерживается. Но это мало утешало.

— К-ко мне? — переспросила тоненьким, будто чужим голоском.

— У меня тут жилища нет, поэтому к тебе. — Суждения наколдованного выглядели логично и в то же время как-то неправильно.

Прислушавшись к себе, я довольно быстро смогла понять, что именно мне не нравится в них больше всего.

— Нельзя ко мне. После того что ты устроил в доме Ффруа, нас будут искать.

Меня. Скорее всего, меня одну. Но говорить этого ему не стану, а то еще бросит самостоятельно расхлебывать все неприятности! А в них частично есть и его вина. Большей частью.

Беловолосый довольно долго раздумывал, после чего уверенно покачал головой.

— Что-то мне подсказывает, что не будут. — А вот это заявление показалось мне весьма странным. — Но если придут, выкрутимся. Я обещаю.

Видела я, как он выкручивается. Стоит представить — кровь в жилах стынет. Не нравится мне все это.

— Ну, не знаю...

— Есть предложения лучше? — Он держался так спокойно, будто вообще не способен испытывать эмоции, а недавно замеченное недовольство на его лице — лишь плод моего воображения.

— Нет, — призналась честно.

— Тогда идем. — Он снова потянул меня за руку. — Тебе надо умыться и... не знаю, что еще. А мне надо подумать.

Странный он все-таки. Хотя каким ему еще быть, учитывая способ его появления. Интересно, он появился откуда-то или просто появился?

Так и не придя к внутреннему согласию, я покорно поплелась к дому, заодно указывая направление. Когда вошли в селение, еще по сторонам глядеть стала, не хотелось, чтобы мой странный спутник попался кому-нибудь на глаза. Но народу на улице прямо сейчас не было ни души, а мой дом крайний, следующие два — бесхозные развалюхи, так что и из окна нас видеть никто не мог.

— Сюда? — с легкой тенью отвращения уточнил беловолосый, когда я направилась к незапертой калитке.

Понять его было можно. Домик маленький, ни за что не скажешь, что когда-то в нем жила семья из четырех человек. И стены его когда-то были выкрашены в красивый голубой цвет, но было это давно, еще при жизни мужа мамы Мианны. Последние же пятнадцать лет дом обходился без мужских рук. За это время краска облупилась, фигурка с крыши отвалилась, я уж и не вспомню, что там было, ставни покосились, да и само здание заметно просело. Но денег на то, чтобы привести тут все в порядок, даже при маме не было, так и жили. Нам терпимо, а соседи если и

шпыняли, то из-за моего уродства, дом на фоне его мерк. В общем, чувства своего гостя я примерно понимала, но все равно в глубине души стало обидно. А все старый скряга Ритхель виноват! Мама Мианна наверняка даже не знала, что мне что-то причитается.

— Не нравится, можешь оставаться на улице! — прошипела я, а сама настойчиво втолкнула его в скудный дворик.

Заметят еще, объясняйся потом, что это за голый мужик у моего дома вертится!

Нагнувшись, я достала ключ из-под крыльца и отперла дверь. Пропустила вперед гостя, а сама еще на мгновение задержалась, присмотрелась, прислушалась, удостоверилась, что по нашу душу никто не спешит, и тоже вошла. Сразу же опустила щеколду и зажгла лучину. Толстых ароматных свечей и тем более магических светильников в доме не водилось.

— Будешь морщить нос, выгоню, — пригрозила не очень-то правдоподобно и бросила беловолосому шерстяное одеяло.

Тот с легкостью поймал и сразу же закутался.

— Колючее, — пожаловался минутой спустя.

— Зато теплое, — правильно расставила акценты я.

— Угу. — Наколдованный украдкой почесал плечо, но смирился с судьбой легко, что внушало определенную надежду — может, мы и поладим. С любопытством оглядев скромную обстановку, он в очередной раз поставил меня в тупик: — Мне чего-то хочется...

— Мечтаешь, чтобы я угадала? — уточнила настороженно и устроилась на стуле, поближе к полке с тяжелыми статуэтками, изображающими покровителей. Мало ли что...

— Прости, я еще плохо соображаю и с телом не до конца освоился. — Он даже на извиняющуюся улыбку сподобился, что не убавило жути от сказанного им. — Дай мне пару часов.

Странное требование можно было исполнить. Мне и самой хотелось умыться, вылезти из грязного изодранного платья и осмотреть себя на предмет повреждений. Еще немного передохнуть и что-нибудь съесть. Но есть ли у нас эти часы? Вдруг вот-вот сюда вломятся? Впервые в жизни я чувствовала себя не в безопасности в собственном доме. И почему мой неожиданный заступник так уверен, что никто не придет? Думает, его побоятся?

Решив, что в подвешенном состоянии два часа точно не продержусь, я встала и из-под платка сверкнула на гостя упрямым взглядом.

— Нет уж, сначала объяснись! Кто ты?

Гость раздумывал мгновение, а затем начал перечислять:

— Мужчина. Аристократ. Примерно двадцати пяти или тридцати лет от роду. Волосы светлые, длинные. Глаза тоже светлые. Кожа бледная. Телосложение худощавое, ступни и ладони небольшие. Голос приятный. Умен, грациозен, обучен светским премудростям, как то: танцы и этикет. Люблю лошадей и собак. Не воин, но постоять за себя способен.

Угу, видела я, на что ты способен.

Но что он несет? Как будто юная девица перед гаданием в Ночь покровителей рассказывает, какого суженого ей хотелось бы получить от судьбы.

В глубинах души неприятно заворочался червячок сомнений, но я сперва решила рассмотреть более логичный вариант:

— Блаженный?

Гость целую минуту раздумывал:

— Вроде бы нет.

Предполагается, что я вот так на слово должна поверить? Если бы он не вытащил меня из очень неприятной ситуации, точно бы не поверила. А вытащил ли? Не засунул ли в нее еще глубже?

— Ладно, зайдем с другой стороны, — решила дать ему шанс я. — Что за ритуал проводила ведьма? Она тебя призвала? Откуда? Назад можно вернуть?

Кажется, он что-то сказал про свое аристократическое происхождение. В таком случае ему правда не страшны Ффруа. И меня он защитить сможет. И как знать, возможно, даже поможет вернуть наследство и наказать Ритхеля. Вот хорошо бы было!

— Не призвала, а создала, — поправил результат ведьминого ритуала, чем вдребезги разбил мои мечты.

— Живого человека из ничего?! — Я так и ахнула.

Лучше бы уж блаженный.

— Да. — Ответ оказался коротким и неутешительным.

— Но так не бывает!

— Именно. — Результат запрещенного ритуала неожиданно не стал спорить. — Поэтому я чувствую в себе как минимум две личности, спаянные в одну, а от разнообразных знаний голова, кажется, готова взорваться. Пожалуйста, дай мне немного прийти в себя.

Прозвучало так жалобно, что я невольно прониклась, даже всей душой захотела помочь. Но сделать я ничего была не способна, во всяких магических штучках совершенно не разбиралась, а потому только и могла, что разглядывать странное магическое явление в моем одеяле.

Нового ничего не увидела. Разве только ногти у него черные, и на руках, и на ногах. Жутковато выглядят. Сам же страдалец настолько глубоко погрузился в себя, что, казалось, ничего вокруг не замечал.

Ладно, если нагрянут непрошенные гости, буду громко кричать. Надеюсь, он очнется.

Прошел почти час, прежде чем я смогла немного расслабиться. Двигаясь на цыпочках, чтобы не мешать, я прошла к сундуку, взяла чистое платье и вместе с ним отправилась на кухню, не забыв задернуть плотную занавеску, служившую дверью. Здесь еще осталась вода, принесенная с утра, хватит, чтобы умыться.

Избавившись от одежды, превратившейся после бурного дня в кусок изодранной тряпки, я осторожно осмотрела и ощупала себя. Синяк на боку выглядел ужасно, от малейшего прикосновения к нему на глаза набегали слезы.

Прохладная вода не только смыла грязь, вроде бы даже и боль стала меньше ощущаться. Хотя, может, я просто начала привыкать к ней. Хотелось лечь и уснуть, а проснувшись, понять, что этого дня не было. Ведь за него произошло столько всего, чего вроде бы не могло случиться... Вот бы мне и правда привиделось!

Однако когда я влезла в чистое платье, желудок сжался вполне по-настоящему. Это заставило вспомнить о лепешке с зеленью, припасенной на завтрак, но так и не съеденной. Она, конечно, давно остыла, и гостю половину отделить придется, но от одного только запаха я почувствовала себя чуточку счастливее.

— Есть хочешь? — Я осторожно сунулась к беловолосому, который так и сидел с отсутствующим видом.

Но при моем появлении... вернее, когда запахло едой, сразу же оживился.

— Ага. Так вот чего мне хотелось! — и жадно потянулся за своей долей.

Ужин был скудный, но от комментариев по этому поводу кое-кто воздержался. Хотя свою половину лепешки умял в минуту и время от времени поглядывал на мою, но я не изъявила готовности ее уступить, а он не стал просить. Что ж, может, мы и поладим.

— Откуда зелень? — нарушил молчание он, когда я уже доедала.

Видимо, чтобы отвлечься.

— В кухне на подоконнике вырастила, — отозвалась я и торопливо запихнула в рот последний кусочек.

Голубые с золотом зрачка глаза оглядели меня как-то странно, и их

обладатель медленно произнес:

— У тебя бок сильно ушиблен. Но прости, лечить пока не рискну. Я точно не уверен, что умею это делать.

— Переживу, — отмахнулась я. Только бы наемники Ффруа не нагрянули, а остальное все не важно! — Кстати, надо имя тебе придумать, а то без него неудобно.

Мужчина наморщил лоб, но уже миг спустя уверенно покачал головой.

— Спасибо, но у меня уже есть. Тавиш.

Непривычно. Но ничего, запомнить несложно.

— А я — Михаэлла, — вспомнила, что так и не представилась.

— Красиво. — Никогда раньше даже близко применительно ко мне не говорили этого слова, и я, признаться, немного растерялась. Под платком щеки непривычно защипало. — Даже слишком красиво для простой деревенской девки.

Вторая часть похвалы прозвучала малость снисходительно, но восторг, захлестнувший меня изнутри, и смущение несколько от этого не померкли. А еще вдруг отчаянно захотелось узнать, какой бы я была, если бы меня не обезобразила болезнь. То есть, разумеется, я могла это себе вообразить, но сейчас, как никогда, захотелось хоть на миг увидеть свое лицо без уродливых следов.

— Моя родная мама была не из этих мест, — призналась, будто оправдываясь.

— Заметно, — пробормотал Тавиш, аккуратно придерживая одеяло, чтобы не сползло. А потом вдруг попросил: — Можешь снять платок?

— Зачем? — Такие просьбы у меня всегда вызывали резкое неприятие, и сейчас я инстинктивно вцепилась в свою защиту от мира. Крепко. Только ощутив легкую ломоту в пальцах, поймала себя на этом движении.

Мимика странного создания, сидящего передо мной, была не очень богата, будто бы он действительно к телу пока не привык и даже стеснялся им пользоваться, но сейчас он слабо улыбнулся. Наполовину. Одним уголком губ.

— На минутку. Пожалуйста.

Сначала хотела отказаться и уйти спать, но переборола себя. Это, наверное, на меня так подействовало его заступничество и еще то, что впервые после смерти мамы Мианны я вот так сижу с кем-то, ужинаю, разговариваю. Вот и мысли непрошенные выплыли: о том, что было бы, если бы лицо мое не было испорчено, как Тавиш, оказавшийся знатным и влиятельным, смог бы заступиться за меня... Надо это прекращать.

И я, словно противореча чему-то невидимому, упрямо сжала губы и

молча сдвинула платок назад, как если бы он был капюшоном.

Тавиш медленным изучающим взглядом прошелся по моему лицу.

— Да уж, — выдавил он через некоторое время.

— Ага...

Странная реакция. Непривычная для меня. Не было в ней ни отвращения, ни попытки обидеть, ужалить побольнее, ни даже сострадания. Он просто смотрел, как смотрят на прохожих на улице. Как на нормального человека смотрел.

Хотя чему я удивляюсь, он сам немного ненормальный!

Оправдав таким образом для себя странное поведение нового знакомого, я все равно не смогла побороть желания спрятаться и уже через минуту снова скрылась в недрах платка.

Пока мы ужинали и знакомились, вечер не просто наступил, но и плавно перетек в ночь. Я оставила в распоряжении гостя жесткий скрипучий диван и вытащила из шкафа подушку, а сама направилась в крохотную спальню, которую прежде делила с мамой Мианной, а теперь занимала одна. Опасность все еще пугала, и червячок сомнений в глубине души неприятно ворочался, но усталость была так сильна, что я согласна была упасть где угодно и немедленно уснуть.

Будь что будет...

— Не волнуйся, никто не придет. А если придет, я с ними разберусь, — словно почуяв мои мысли, заверил непонятный и немного пугающий гость.

Я не особо поверила, просто возражать не осталось сил. Это был очень долгий день.

— Надо будет завтра раздобыть тебе штаны, — пробормотала одновременно с зевком.

Скрывшись за шаткой дверью, я краткий миг жалела, что на ней нет замка, а потом прямо в одежде забралась под одеяло и мгновенно уплыла в темноту.

Утро началось внезапно. Привычка просыпаться в определенное время взяла свое.

Было еще темно, и я позволила себе минутку полежать, вспоминая, почему оказалась под одеялом в одежде и отчего чувствую себя не лучшим образом. Вспомнила. Весь вчерашний день чередой картинок промелькнул перед глазами. Совсем тоскливо стало.

Но делать нечего, письма за меня никто не разнесет, надо вставать и идти работать.

Осторожно выскальзывая из единственной в доме спальни, я старалась не шуметь, поскольку думала, что Тавиш еще спит, и не хотела его тревожить. И уж точно не ожидала застать гостя не просто бодрствующим, но сидящим за столом, притом в штанах и длинной рубаше. Ему не особенно шло, но главное — одежда была. А на столе лежали овощи, хлеб, сыр, яйца и кольцо домашней колбасы.

Э-э-э?! Может, я еще сплю? И мне снится красочный, на диво правдоподобный сон? Потому что такого съестного изобилия в моем домике еще накануне вечером точно не водилось. Я бы знала.

Желание по-детски потереть кулачками глаза подавила.

А тут и Тавиш меня заметил.

— О, рано ты. Чего стоишь, как не родная, садись, ешь и пошли отсюда.

Все же не сон. И что-то мне подсказывает, что в самое ближайшее время я еще не раз об этом пожалею.

— Мне письма разнести надо, — пробормотала я, обхватив себя за плечи — просто вдруг потребовалось куда-то деть руки.

— Забудь, — отмахнулся беловолосый результат ведьминского преступления и указал на стул.

— Что значит — забудь?! — Я искренне возмутилась, даже глазами из-под платка сверкнула. — Это моя работа. Другой мне не найти. Тебе-то что, может, ты вообще ненастоящий и завтра развеешься, а я тут с голоду умру!

Тирада бессовестного гостя не впечатлила. Вообще.

— Все сказала? — вкрадчиво уточнил он и, когда я кивнула, поделился своим видением ситуации: — Я настоящий и никуда деваться не собираюсь. Тебя не брошу, можешь не бояться. А теперь садись и ешь.

Желудок был с ним полностью согласен. У, предатель! Но половины лепешки, которую только и удалось съесть за вчерашний день, ему было как-то маловато.

— Но письма...

— Жить надоело? — вскинул тонкие светлые брови мужчина. Хм, а сегодня его лицо куда живее и эмоциональнее... — Ведьма уже наверняка восстановила силы. И Ффруа уже достаточно пришли в себя после моего визита. Не думаю, что тебя будут разыскивать официально, но все же лучше нам, пока не рассвело, убраться отсюда.

Чувство самосохранения пинком отправило меня за стол. Лучше когда-нибудь потом умереть от голода, чем прямо сейчас — от пыток. И вообще, почему он говорит о Ффруа во множественном числе? Там же одна Беата осталась. Или у них есть еще родственники? Сколько ни ломала голову,

ничего о хозяевах земель вспомнить так и не смогла. Впрочем, очень быстро у меня в голове, а потом и на языке возник иной вопрос:

— А откуда вся эта еда? И твоя одежда?

Лицо Тавиша озарила такая довольная улыбка, будто ему вот прямо сейчас как минимум орден вручали.

— Не назвал бы эти тряпки одеждой, но, согласишься, у тебя есть повод для восхищения.

Он отхватил себе половину колбасы, отломал хлеба и принялся жадно это все уминать, что нисколько не мешало ему ждать моей реакции. Вполне определенной реакции.

— Откуда? — переспросила с нажимом.

Внутри неприятно ворочался целый клубок сомнений, но я не хотела им верить.

— На соседней улице есть дом из красного кирпича, — скрывать своих подвигов эта жертва запрещенной магии не собиралась. — Я залез к ним на летнюю кухню. Ну и пару тряпок из тех, что на заднем дворе сушились, взял.

— То есть ты это украл?! — Я пришла в ужас.

Покровители, ну как я сразу не узнала эти штаны! В них зять купца Валея на охоту ходил, я из окна видела. И назад возвращался с несколькими зайцами. Они хорошо живут, везучие, что в делах, что в карты или на той же охоте, и из-за украденных продуктов не обеднеют, но все равно противно. И угораздило же связаться на свою голову!

А еще страшно: это же получается, он ночью уходил, я одна оставалась — что, если бы за это время ведьма или наемники Ффруа нагрянули?

— Взял, — назвал это так, как сам понимал, Тавиш.

Захотелось его стукнуть оставшейся колбасой по лбу.

— Украл! — рявкнула я. — Ты хоть знаешь, что за это розгами секут, а если повторно поймают, сажают в тюрьму?!

— Ну и как, многих посадили? — равнодушно уточнил мой кошмар.

Ответом ему стало насупленное молчание.

На самом деле, нет. Своей тюрьмы в селении не было, только старый сруб, похожий на сарай, при патруле. Там на пару суток запирали особенно буйных дебоширов. А мальчишек, которых постоянно ловили у торговых рядов, чаще сдавали родителям, всего пару раз на моей памяти кого-то действительно били.

— Меня не поймали, — оправдываться у Тавиша получалось из рук вон плохо. — И посмотрю я на того, кто рискнет со мной связаться.

Молчу. А живот предательски сжимается, что почти больно.

Ну за что мне все это?!

— Михаэлла, ну не будь такой букой, — не мог уговорить этот ворюга. — В следующий раз и тебе что-нибудь прихвачу.

— Что-о?! — ахнула я. — Да я иголки никогда чужой не взяла!

— Потому и прозябаешь в нищете, — парировал наколдованный. — Ешь уже. Ты же сама вчера сказала, что мне нужна одежда. Денег на нее у тебя нет, ты себе нормальное платье купить не можешь. Ну и где бы ты ее раздобыла?

Наверняка в «рецепте приготовления» беловолосого мужчины аристократической наружности совесть не значилась.

Сначала я не собиралась притрагиваться к украденной еде. Ни за что! Но Тавиш так аппетитно жевал, а мой собственный желудок отчаянно требовал его накормить, что здравый смысл взял верх. Будет лучше, если после нашего ухода продуктов тут не останется. И вообще, я ничего не крада, просто помогаю избавиться от всего этого. А муки совести куда удобнее терпеть сытой.

И, игнорируя понимающую улыбку напротив, я потянулась к хлебу и сыру.

— Есть идеи, где можно спрятаться ненадолго? — деловито спросил этот неугомонный, когда еды на столе почти не осталось.

Понятное дело, селения он не знает, так что с местом определяться мне. Первым в голову отчего-то пришел неизвестный дом, который, оказывается, принадлежал мне по праву, но эту мысль я сразу же прогнала. Понятия не имею, который. Не у Ритхеля же спрашивать! Дальше думала уже целенаправленно... и довольно быстро достигла вполне удовлетворительного результата.

— На болотах есть домики. Пойдем в дальний.

— Туда точно никто не сунется? — уточнил Тавиш.

— До самой осени, когда сезон охоты на койрна начнется. Это местная нечисть, мясо несъедобное, но мех ценный и яд на лекарства сцеживают, — с полной уверенностью пояснила я, поднимаясь из-за стола.

Тавиш сразу же последовал моему примеру.

Светать уже начало, и лучше бы нам поскорее убраться как можно дальше отсюда.

Когда беловолосый сотворитель проблем извлек из-под стола сумку с продуктами, я даже злиться не стала. Только закатила глаза и помогла сложить внутрь то, что мы не съели. А про себя подумала, что в таком размере кража точно не останется незамеченной. И на молодежь, которая

по вечерам собирается на улицах, тоже не спишут. Они если и таскали что, то не так много.

— Не воруй больше, — все-таки попросила, пока запирала дверь и прятала ключ в привычном месте под крыльцом.

— Обещать не могу, — безмятежно отозвался наколдованный, поправляя полотняную торбу на плече.

Я бросила прощальный взгляд на дом, долгие годы бывший мне родным, и уверенно зашагала к лесу. Покидать его было не жалко, жалко было оставленных здесь воспоминаний. В груди поселилось волнующее тянущее чувство, будто оставляю что-то важное позади. Что-то такое, к чему уже никогда не вернусь.

Пришлось углубиться в лес, чтобы обогнуть село и при этом точно остаться никем не замеченными.

— Странно, что нас еще накануне вечером не схватили. — Мне никогда в жизни так страшно не было, и этот страх требовал выхода.

— Поверь, после встречи со мной и ведьме, и Ффруа понадобится много смелости и тщательная подготовка, чтобы захотеть рискнуть во второй раз. — Тонкие губы на миг сложились в жутковатую улыбку. — По правде сказать, я не уверен, что они сунутся к тебе в ближайшие дни. Но лучше перестраховаться.

Что же такое сотворила Арина? Он разумный, сильный... опасный и пугающий! Вот уж не думала, что она настолько одаренная. Помнится, лет семь назад, когда на погосте умертвие объявилось, она сама еле ноги унесла, пришлось скидываться и вызывать мага из города. Но тогда Арина моложе была... Почем мне знать, может, у ведьм дар с возрастом крепнет?

Но неужели она не оставила себе какого-нибудь способа контролировать опасное создание? Я бы на ее месте точно оставила, и понадежнее.

Соблазн позволить беловолосому, которого, по идее, вообще не должно существовать, утонуть в болотах, честно признаюсь, имелся, но я довольно быстро переборола его. Что бы там ни было, он мне жизнь спас. И без него мне не выпутаться.

— Возьми меня за руку и старайся идти след в след, — предупредила спутника и подала ладонь. — Ступишь мимо тропы — тебя тут же начнет затягивать, а у меня сил вытащить не хватит.

Тавиш хмыкнул, будто каким-то образом подглядел мои недавние мысли, но просить дважды его не пришлось.

Дорогу я помнила хорошо и все равно дважды едва не оступилась. Оба раза наколдованный удержал. Сам же Тавиш двигался так уверенно, будто

это он, а не я тут не раз ходил и в провожатых совсем не нуждался. Признаться, это раздражало. Одно дело чувствовать себя полноправным участником действий, хоть и вовлеченным в них не совсем по своей воле, и совсем другое — быть чуть ли не обузой. Неприятно. И страшно. Вдруг странному беловолосому надоест со мной возиться и он мне шею свернет, а потом по-тихому скинет в болото, и поминай как звали. Впрочем, вряд ли многие припомнят эту малозначительную деталь.

Такой поворот не казался чем-то невероятным. Если украсть для него нормально, кто знает, что он думает о лишении жизни другого разумного существа? Помнится, после посещения дома Ффруа мук совести он не испытывал. Только есть хотел и подумать.

— Ты хорошо знаешь места, — отметил спутник, словно почувствовав, что меня пора отвлечь.

И, поразмыслив миг, я решила, что не прочь отвлечься.

— В детстве старый Алит брал меня с собой на охоту. Он приходился то ли дядей, то ли еще каким-то родственником маме Мианне и ко мне относился хорошо. — Я поддержала разговор, тщательно следя за тем, куда наступаю. — А потом уже одна сюда бегала, когда соседские дети сильно доставали.

— Тебя не приняли, — прозвучало скорее как утверждение, чем как вопрос.

Странно, но воспоминание о том, как изуродованную болезнью девочку не брали в игры, закидывали камнями и с улюлюканьем норовили загнать или в дом, или в лес, не отозвалось привычным уже едким чувством внутри. Прохладная ладонь служила неплохой опорой не только на едва различимой в траве тропе, но и в неожиданно ставшем зыбким, как болото, мире.

— Тогда, пятнадцать лет назад, от лихорадки половина села вымерла, а я осталась жива. Думаю, мне этого так и не простили. — После короткого раздумья я произнесла то, что, наверное, всегда знала, но никогда прежде не решалась сказать даже себе.

— Тебе не место здесь, — с неожиданной твердостью заявил живой результат нарушения магических законов и сжал мои пальцы крепче.

Хотела спросить, где же, по его мнению, мне следует быть, но с языка сорвалось другое:

— Ай!

— Что? — Опомниться не успела, как одной рукой Тавиш резко прижал меня к себе, обхватив за плечи, а вторую выбросил вперед — ее тут же окутал холодный белый свет, точь-в-точь как я видела в доме Ффруа, а

короткие черные ногти прямо на глазах стали отрастать и заостряться.

Потребовалась минута, чтобы восстановить дыхание. Чуть не придушил, злодеюка!

Но как защищать меня ринулся... прямо приятно!

— Я ногу порезала, — объяснила свой вскрик, как только голос снова стал послушным. — Тут трава острая.

Выходя из комнаты, я ведь письма разносить шла, а не на болотах прятаться, вот чулки и не надела. Поздняя весна на дворе, даже ночами уже сильно не замерзнешь.

Рука, обнимавшая меня, мгновенно исчезла.

— Не могла бы ты впредь контролировать свои эмоции? — Тавиш не сдержал раздражения. — А то у меня...

И замолчал.

— Что у тебя? — Не то чтобы я любопытная, но мне с ним под одной крышей несколько дней провести предстоит. Хорошо бы знать, с чем имею дело, чтобы нечаянно не нарваться.

— Магия нестабильная, — буркнул внезапно утративший разговорчивость беловолосый.

Прозвучало как ложь или отговорка, что нисколько не помешало мне изумиться:

— Ма-агия?!

— Ты еще на весь лес проори, а лучше в село вернись и объявление на новостном столбе повесь, — одернул меня Тавиш, ставший вдруг угрюмым и недовольным.

Что ему не так? Косой взгляд, брошенный на спутника, причин его испортившегося настроения не выявил, зато меня деликатно подтолкнули в спину, призывая не стоять на месте и двигаться дальше. Делать нечего, пришлось перебирать ногами. Подумаешь, цаца какая! Между прочим, это у меня нога болит и в туфле от крови мокро. Подол наверняка измазала, а другого платья нет, переодеться, чтобы это выстирать, не во что. По всему выходит, что это мне злиться надо на весь свет и на ситуацию в отдельности. Но я вдыхала не особенно приятный прелый болотный воздух и совершенно не к месту думала о том, что никогда еще со мной в считанные дни не происходило столько всего сразу. Ну, в сознательном возрасте. А Тавиш брел следом, время от времени недовольно сопел... но ловко подхватывал, когда я поскользнулась. Правда, сдерживался не всегда и иногда отпускал обидные замечания, но упасть же не давал!

Магия... В наших местах она только у Арины была, еще у покойной бабки ее. Некоторые местные старухи тоже баловались, но у них ничего по-

настоящему не получалось. Теперь вот еще Тавиш есть... И то, что он творит, не идет ни в какое сравнение с заговорами и простенькими ритуалами, которые практиковала наша ведьма. Получается, он сильнее? Как маг из города? Хотя ритуал с лилией простеньким и безобидным не был...

— Так понимаю, пришли, — выдернул меня из задумчивости голос магического создания, которое топало за спиной.

Вздрогнула, моргнула, обозрела полуразвалившуюся избушку.

— А... Да.

— Так бы сразу и призналась, что у тебя неестественная тяга к готовым вот-вот развалиться домам, — проворчал крайне недовольный Тавиш, подозрительно поглядывая на покосившуюся избушку, по сравнению с которой даже мой дом казался вполне приличным.

Я почувствовала почти незнакомый жар под кожей на лице и шее. Стыд.

Пф! Он что же, ожидал найти на болотах терем расписной?!

— Михаэлла, за последние два часа нам попались три охотничьих домика куда приличнее, — продолжал негодовать мой спутник. — Тебе обязательно было притащить нас в эту развалину?

— Зато тут искать точно никто не станет, — объяснила, чем руководствовалась, я. — Об этом месте мало кто знает, сюда трудно пробраться.

И, не дожидаясь очередной порции недовольства этого неженки, решительно направилась к почти вросшей в землю двери.

Морща нос и бурча вполголоса что-то страдальческое, Тавиш тем не менее покорно поплелся следом.

Поддержка тут мне была не нужна, можно было ступать, не опасаясь поскользнуться или провалиться. Домик стоял будто на небольшом островке, окруженный колючими зарослями дикой малины. Если бы дело было летом, можно было бы полакомиться сладкими ягодами, их тут всегда было много, потому что жители окрестных селений не совались к болотам, боясь страшной болезни. Почему-то считали, будто она отсюда приходит. Сейчас лакомства не было и оставалось разве только любоваться мелкими цветочками и отпечатавшимися в траве и грязи следами диких животных.

Дверь поддавалась легко и открылась только наполовину. Мне-то ничего, а Тавиш... тоже пролез. Пожалуй, и неплохо, что он помельче большинства знакомых мне мужчин.

Внутри же нас поджидало целых два открытия. Оба сделал наколдованный, пока я глазела по сторонам, восхищаясь тем, что ничего не

поменялось за несколько лет, которые я тут не была.

— А не так уж никто и не знает про этот домишко, — протянул Тавиш, продолжая морщить свой наколдованный нос.

Понадобилась целая минута, чтобы понять, что это он принюхивается, а не демонстрирует брезгливость.

— Мм-м? — Я слишком устала, чтобы говорить развернуто. Особенно когда не видела причин усердствовать.

— Обгоревшие тряпки в очаге. На столе и вон там, в шкафчике, остатки еды, — перечислил он и, не сходя с места, поделился выводами: — Недавно сюда кто-то навещался.

Спину облизал холодок, отчего шерстяное платье сделалось неприятно колючим. Этот домик не был моим, и уж тем более не был тайным, но от знания, что сюда приходил кто-то еще, я почувствовала себя неудобно.

Скрипя и треща половицами, Тавиш прошел к покрытому копотью очагу и подцепил пальцем кусок лохмотьев.

— Как интересно...

Меня же больше заинтересовали оставленные продукты: бекон, буженина, несколько видов сыров, черный и белый хлеб — ничего еще не успело испортиться. Значит, времени прошло не так уж много. Не больше суток.

И корзинку я узнала, такие в одном из соседних селений плетут. Там еще ферма, а при ней дорогушая лавка, где всякими деликатесами торгуют.

— Еда хорошая, а судя по остаткам одежды, тут будто бродяга побывал. — Я тоже пыталась рассуждать, но концы с концами плохо сходились.

— Я недавно тебе наглядно продемонстрировал, как можно добыть нормальной еды, — осклабился Тавиш.

Слова эти должны были вызвать во мне естественное отторжение, но вместо него внезапно нахлынуло облегчение. В чем-то наколдованный, конечно, прав. Не его вина, что ведьма про совесть забыла. К тому же нам нужна была еда, и он украл обычные продукты, а этот неизвестный ворюга позарился на дорогие яства, которые только проезжие богачи или успешные купцы могли себе позволить. Так, может, и есть в нем что-то человеческое?

Скрип-скрип-скриииип... Пол под его ногами опасно проседал.

— Наступай осторожнее, — взмолилась я. — И вообще, нам лучше уйти.

— Почему это? — тут же вскинулся Тавиш и, еще раз оглядев, забросил обгоревшую тряпку обратно в очаг.

Неужто это надо объяснять?!

— Наш предшественник может вернуться. — Я жалобно глянула на странного мужчину, волею непонятно каких сил оказавшегося единственным союзником и защитником.

Таинственный некто уже был уверенно отнесен к нехорошим, опасным людям, и встречаться с ним мне категорически не хотелось.

Однако Тавиш придерживался иного мнения.

— Отлично, пускай возвращается, — зловеще произнес он и многозначительно пошевелил в воздухе длинными черными когтями.

Пока шли, он успел научиться по своей воле отрацивать и скрывать их, и теперь откровенно забавлялся. Впрочем, смысл сказанного от этого менее жутким не стал.

— Ты не убьешь его! — заранее откуда-то зная, что ко мне не прислушаются, практически взвыла я.

— Прости, Михаэлла, но у меня не останется выбора, — буднично сообщил беловолосый монстр. — Не хочу, чтобы нас здесь видели.

— Так давай просто уйдем! — Я почти умоляла. — Тебе же не нравился этот домишко. Засядем в одном из охотничьих, они крепкие, в некоторых даже одеяла есть.

Дура я, дура, что сразу не повела его туда! Побоялась нечаянно натолкнуться на какого-нибудь смельчака, хоть таковых и не ожидалось, теперь вот не знаю, как спасти жизнь неизвестного вора. Ладно, на саму вороватую личность мне плевать, но не хочется, чтобы на Тавише была еще кровь.

— Сразу не нравился, теперь понравился, делов-то, — не сдавался этот упрямец.

— Почему? — почти простонала я.

Он всегда отвечал, если я прямо спрашивала. Вряд ли потому, что так сильно доверял, скорее всего, просто еще не научился как следует увиливать и выкручиваться.

Прямо ответил и сейчас:

— Я чувствую здесь магию.

Глава 3

Понятия не имею, что там чувствовал Тавиш, и уж тем более мне не дано знать, что он с этим сделал, но пол перестал жутко трещать и опасно прогибаться под его весом. Правда, заметила я это лишь на следующий день. Этот же провела в страхе и изо всех сил молила покровителей, чтобы таинственный хозяин хорошей еды и лохмотьев не вернулся.

Странно, но они слышали, даже помогли. До следующего утра никто так и не пришел. А потом меня отпустило, страхи улеглись, мысли снова вернулись к враз изменившейся жизни.

Мы провели в болотном домике без малого трое суток. Из них первые двое не происходило ничего. То есть почти ничего. Тавиш каким-то странным образом укрепил дом, я нашла и отмыла несколько засохших бурых капель с пола. Еду, оставленную предыдущим путником, я трогать отказывалась, как один беловолосый искушитель ни соблазнял. Ела то, что мы принесли. А он не стеснялся, еще и упоминать не забывал, что нашему предшественнику все это в любом случае больше не пригодится.

К вечеру ему, видимо, надоело меня изводить, и он, предупредив, что будет отсутствовать около часа, вышел из дома. Я потом еще слышала, как шуршат заросли. Зато смогла использовать это время, чтобы осмотреть ногу и вычистить одежду, насколько это было вообще возможно. Я, конечно, в бедности росла, но мама Мианна приучила не быть грязнулей.

Вернулся Тавиш с возмутительно довольной физиономией и, отыскав целый, хоть и ржавый котелок, натаскал немного воды. Он чистый источник нашел. Вот может же, когда хочет, быть нормальным! Когда никого не грабит и не порывается убить.

А на исходе второго дня его словно демоны покусали. Обычно тихий и задумчивый мужчина нервно мерил шагами единственную комнатку, то уходил, то возвращался, и все как-то странно поглядывал на меня. Так, что я даже в платок поглубже спряталась.

Помогло мало. Его взгляд прожигал. Сквозь одежду, через кожу, кажется, в самую душу пробирался.

Наконец я не выдержала и, чтобы как-то отвлечься и его заодно отвлечь, посоветовала:

— Ты бы так смело не разгуливал по болотам, а то еще подхватишь лихорадку. Мне она не страшна, я переболела, а вот тебе лучше остерегаться.

Дельный совет, как это с ними обычно и бывает, пропустили мимо ушей.

— Зараза ко мне не пристанет, — с полной уверенностью отмахнулся беловолосый.

Что же, ему виднее. Откуда мне знать, чем болеют, и болеют ли вообще наколдованные.

Опять вышел. И через минуту вернулся, громко скрипнув дверью.

Решительно подошел ко мне и, прежде чем я успела среагировать, стянул платок. Не назад откинул наподобие капюшона, как это я сама делала, а совсем снял.

— Что ты делаешь?! — Я поспешила отвернуться.

Не люблю быть беззащитной. Мне нужна хотя бы небольшая преграда между мной и миром.

Или лучше большая. Из плотной ткани.

Взгляд, которым прошелся по мне Тавиш, скорее почувствовала. Не понравился мне этот взгляд...

— У тебя красивые волосы, — вдруг выдало это творение ведьминово коварства. — Напрасно их прячешь.

Воспользовавшись временем, которое просто нечем было занять, и принесенной Тавишем водой, я их вымыла, а сплести в тугую косу, свернуть и заколоть ее на затылке пока не успела, оставила пряди сохнуть под платком. И вот, дождалась. Просто мороз по коже. Что этому ненормальному в голову взбрело?!

— Я все прячу, если вдруг ты еще не понял, — пробурчала враждебно. — Верни платок!

— Цвет лунного серебра... — пробормотал он и выполнить мое требование даже не помыслил, — кто бы мог подумать?

— Спасибо, что сказал, как это называется, а то я не знала, — еще более враждебно и очень обиженно.

В глазах противно защипало. Я уже давно не плакала, что бы кто ни говорил о моей внешности. Научилась отгораживаться, убедила себя, что мне все равно. Но стоило полунесуществующему человеку... да и человеку ли?.. сказать, что у меня волосы красивые, как все внутренние барьеры просто смело. Захотелось биться в истерику и рыдать в голос. Я из последних сил держалась.

А Тавиш все никак не унимался.

— Думаю, без этих следов у тебя было бы миленькое личико... Жаль. Очень жаль.

Ага. Я тоже так думаю.

Вот зачем он так?!

Хлюп, — очень тихо.

— И знаешь, — тот, кто еще несколько минут назад казался едва ли не единственной опорой во всем мире, решил меня добить, — сейчас мне вдруг захотелось узнать, что скрывается под твоим мешковатым платьем. Чутье мне подсказывает, что это будет лучше, чем я до этого представлял.

Слезы прогнала злость. Такая, которая напрочь сметает все страхи, отзывается крупной дрожью по телу и полупрозрачной алой пеленой перед глазами.

— Представлял?! — свистяще выдохнула, резко повернув к нему лицо. Пусть смотрит! Пусть подавится! Пусть его передергивает всякий раз, когда будет... представлять. — Меня?! Прямо так, со струпиями затянувшихся язв? А посимпатичнее предмета мечтаний что же, не нашлось?

Я не соображала, что говорю. Не думала о возможных последствиях. В тот момент ненавидела весь свет.

Сволочь он распоследняя! А я-то почти поверила, что он не как другие, он не обидит.

Оказалось, он еще хуже.

— Не так, — реагировал наколдованный в свойственной ему манере, моей вспышки даже не заметил. — Тебе нужно платье по сезону и по фигуре, чтобы было заметно, что у тебя есть грудь. И платок нужен другой. Или вообще не платок. И обувь нужна хорошая, желательно на каблуках. Может, хоть тогда ты перестанешь сутулиться и зажиматься. Глупо уродовать себя больше, чем уже есть.

Из приоткрытого от изумления рта вырывалось только дыхание, никаких слов. А пока я наполовину пребывала в каком-то ином измерении, Тавиш поймал и пропустил сквозь пальцы прядь моих волос, а потом, понизив голос, снова заговорил:

— Приоденем тебя позже. А сейчас меня интересует прямо противоположный процесс. Михаэлла... иди ко мне. — И поверх шерстяного платья на талию и бедро опустил его руки, попытались притянуть ближе, но я уперлась.

Страх дурманил, сводил с ума. Пожалуй, это даже хуже, чем если бы Тавиш меня убил и утопил в болоте...

Он ведь отчасти как ребенок сейчас: не осознает человеческих рамок, для него нет понятия «противно». Лет в пять деревенские дети все как один строят замки из грязи, устраивают импровизированные бои, таскают разных козявок. А станут чуть постарше, и те, кто побогаче, уже морщат

носы, если в храме приходится сидеть с кем попроще. Помню, Ялина, дочка одного не особенно удачливого купца, когда паука увидела, так визжала и с ногами на скамью залезла, а когда-то смело брала их руками. Так и Тавиш сейчас. Ну, я так думаю.

— Прекрати! — Мой голос сильно дрожал. — Сам же потом жалеть будешь!

— К чему жалеть о том, чего хочется? — пожал плечами наколдованный и попытался коснуться моей щеки, но я увернулась.

Ага, значит, бедные дома и моя одежда его не устраивают, а с безобразной девицей зажиматься — в самый раз? Ненормальный.

— Но мне-то не хочется! — Я вжалась спиной в стену, еще и ноги к себе на лавку подобрала.

— Значит, в процессе захочется, — отмахнулся Тавиш и еще решительнее потянул меня к себе.

Страх медленно сменялся паникой. Он хоть и тощий, но сильный, зараза. А если еще когти выпустит...

Я сжималась на лавке и уже готова была начать скулить.

— Прекрати. Пожалуйста...

— Слушай, это уже начинает злить. — Он тоже не пришел в восторг от моей реакции. — Ломаешься так, будто у тебя выбор большой. Толпа женихов под окном не стоит и, точно тебе говорю, уже не выстроится. Красотой не вышла. Так что давай, будь нежной с тем, кто о тебе заботится. Потому что мне может надоесть с тобой возиться...

Угрозы действовали, я так и чувствовала, как кровь отливает от лица. И Тавиш это прекрасно видел, вон какая морда довольная и предвкушающая сделалась.

И тут в меня словно демон вселился. Или проснулось что-то, что до сих пор чутко дремало на доньшке души. Что-то злое, решительное, сильное. То, чего мне так остро сейчас не хватало.

Воодушевленный успехом, наколдованный медленно потянулся ко мне.

Другого шанса может и не представиться. Поняв это, я изо всех сил двинула обеими ногами ему в живот.

Не ожидавший нападения Тавиш с руганью опрокинулся на спину.

А я, забыв про платок и обувь, бросилась прочь из дома, еще недавно казавшегося вполне надежным убежищем.

Лучше в болоте сгинуть!

Ишь, выбора у меня нет... уродливая... бери, что дают. А меня спросили? Может, оно мне и не надо вовсе! Мне и так хорошо!

— Стой, куда понеслась?! — Минуты не прошло, как Тавиш появился в дверном проеме, но догонять не спешил. — Бешеная!

Оглянулась, лишь чтобы удостовериться, что он не преследует. От быстрого бега дыхание безнадежно сбилось, и воздух, который я жадно глотала, казался раскаленным. Длинные волосы облепили лицо, лезли в глаза, цеплялись за ветки. Острые травинки безжалостно резали босые ступни.

— Эй, побегала и хватит, возвращайся! — Тавиша я больше не видела, но меня нагнал очередной крик. — Михаэлла! Демоны тебя возьми, да понял я, понял, больше не повторится...

Ага, не повторится, пока не поймаете!

Обида жгла сердце, слезами струилась по щекам, но от этого становилось только хуже. Волосы прилипли к мокрому лицу, мешая разглядеть, куда бегу и на что наступаю. Но в ушах все еще звучали обидные слова, болезненно пульсировали в голове, гнали вперед, как можно дальше от наколдованного создания, для которого окружающие, как выяснилось, лишь средства сделать так, чтобы ему было удобно. Нужны еда и одежда — украл, одолели желания тела — накинута на первую попавшуюся девицу, ничего, что лицо попорчено, зато далеко ходить не надо!

Не то мысли и душасщие рыдания слишком уж отвлекли, не то демоны, к которым воззвал мой обидчик, среагировали и потянули потусторонние лапы за добычей, не то я все-таки поранила ноги до крови и от этого стало скользко, но одно неверное движение — и ступни неумолимо заскользили. Я только коротко вскрикнуть успела и отчаянно забилась, отодвигая спутанные и грязные волосы с лица. А в следующий миг оказалась по пояс в зловонной болотной жиже.

Дальше все было будто в страшном сне. Меня медленно затягивало. Онемевшие от внезапно нахлынувшего холода пальцы хватались то за обломанную ветку, то за мох или длинную мясистую траву, но я только руки исцарапала и увязла еще глубже. От ужаса горло сдавило, я даже хрипеть толком не могла.

И этот холод... Он, кажется, был везде. Словно сами мысли заledenели и наполнили голову десятками ледышек Она тут же отяжелела, перед глазами поплыло.

Новый вдох отозвался болью, что-то вязкое забилося в нос.

Сознание стремительно падало в темный омут.

— Михаэлла!.. Да очнись же ты, бедствие ходячее! Девушка, ты меня

пугаешь...

Кашель, кажется, только что перестал сотрясать тело, от него еще болело в груди. Я помнила, как что-то прохладное скользило по коже. Но теперь все прекратилось, в темноте было уютно и спокойно, только мерзкий привкус во рту раздражал. И еще голос. Но на все это я бы не стала реагировать, если бы кто-то «добрый» от души не хлестал меня по щекам.

— Мм-м...

Покровители, как же мне плохо! И жарко, кажется, сейчас кожа плавиться начнет. Но при этом меня почему-то трясет. И на душе погано, плакать хочется. Еще чьи-то настырные руки то тормозят, то по щекам лупят, то обтирают чем-то влажным. И голова разламывается. И тошнит. И...

— Вот умница. — Тихое бормотание обволакивало. В губы ткнулся край кружки, и я послушно сделала пару глотков. Больше не смогла, опять накатила дурнота. — Ты выбрала этот мир. Потерпи, скоро уже станет легче.

Голос я, естественно, узнала. Тавиш.

Произошедшее не забылось, поэтому я тут же попыталась вывернуться, но сил пока было маловато для таких подвигов.

— Пусти!

— Чтобы ты опять от меня в болоте спрятаться решила? — Он старался говорить насмешливо, но за этой насмешкой в тихом голосе слышалось что-то еще. Тщательно скрываемое.

Да уж лучше на дне болота, чем рядом с этим негодяем! Хотя, если честно, жить все-таки хотелось больше, чем сохранить честь. Но если он опять станет приставать... Ох, как плохо. Кажется, я умираю...

— Прости, это больше не повторится, — бормотал тем временем наколдованный, зачем-то поглаживая меня по волосам. — Я научусь справляться с реакциями тела. Без твоей помощи. Думал, что уже научился, но оно каждый день преподносит что-нибудь новое.

Теперь извиняется. А если б я не удрала...

— Я приличная девушка, — сообщила, еле ворочая языком.

— Не сомневаюсь, — радостно согласились где-то справа.

— Я хочу мужа и детей. Настоящую семью. — Никогда и никому в этом не признавалась, а тут вдруг накатило.

Открыть глаза все еще не было сил.

— Однажды тебе обязательно попадетсЯ подходящий человек. — Тавиш, конечно, всего-навсего заговаривал мне зубы, но слышать это было

неожиданно приятно.

Я же поскользнулась, когда он отправил меня к демонам. Вдруг и сейчас сбудется.

— Только тронь еще раз! — Как плохо мне ни было, но задремать, не удостоверившись, что я в безопасности, не могла.

К счастью, Тавиш это быстро понял.

— Обещаю решать проблему вождения без твоего участия, — серьезно выговорил он. — Расслабься, Михаэлла. Ты мне даже близко не нравишься. Просто я поддался порыву, да еще этот злосчастный ритуал...

— Какой еще ритуал?!

Глаза наконец удалось приоткрыть, но все вокруг будто дымкой было покрыто.

— Видимо, меня должно было подчинить ведьме, но вместо этого замкнуло еще и на тебя. Привязка крайне слабая, но она есть.

Так поводок все-таки есть? И один его конец в моих руках. От этого понимания стало спокойнее. И даже логичный вывод, что на другом конце того поводка отнюдь не ошейник, а тоже вроде как поводок, уснуть мне не помешал.

Что скрывается под платьем, наколдованный все-таки узнал, потому что проснулась я в его рубаше, а под ней не было совсем ничего.

Утро началось со слабости, противной головной боли, виноватого Тавиша и заваренных в кружке трав. Лекарство или хотя бы нормальный чай готовить он не умел, посему пойло было совершенно безвкусное. Просто вода с плавающими в ней травинками. Они не давали ни цвета, ни вкуса, ни приятного запаха, только раздражали. Но я все же выпила, чтобы прогнать мерзкую горечь во рту и избавиться от жажды. Хотя бы жар спал, уже хорошо.

Стыдно или неловко не было. Вряд ли он мог увидеть там что-то ужаснее, чем мое лицо. И хорошо, что не уложил на лавку прямо в липком грязном платье, искупавшемся вместе со мной в болоте. И что вытащил, тоже хорошо.

— Повезло, что в корзине нашлось спиртное, — избегая на меня смотреть, первым заговорил Тавиш. — Если бы не растер тебя, ты бы точно с горячкой на неделю слегла.

— Вряд ли. — Разговаривать с ним больше необходимого я не собиралась, но зачем-то все равно ответила: — Я крепкая. За последние пятнадцать лет вообще ни разу не болела.

После той самой лихорадки. Какая ирония.

Спорить он не стал, только бросил на меня любопытный взгляд и тут же отвернулся к окну.

В следующий раз тишину нарушила уже я сама. Был один вопрос, требующий прояснения:

— А где моя одежда?

Тавиш не ответил, только белобрысой головой в сторону очага мотнул.

Там тлели какие-то тряпки. Смутно знакомые тряпки! Вот почему минувшей ночью так жарко было! Ну, помимо горячки.

Вся слабость от злости улетучилась вмиг.

— Ты издеваешься?! — взвилась я и тут же закашлялась, поперхнувшись. Продолжала уже сквозь кашель и навернувшиеся слезы: — Что же мне теперь, голышом ходить?

— Ничего ты не голая, на тебе моя рубашка, — возразил беловолосый и скрестил руки на обнаженной груди.

На ней совсем не было волос и, помимо выпирающих костей, кое-где просматривались бугорки мышц, но все равно он оставался слишком худым.

Я его почти ненавидела. И это «почти» все еще держалось только из-за постоянных напоминаний себе о том, что этот мужчина не совсем настоящий, он появился в результате ведьминого ритуала и наверняка для него многое вокруг странно и непонятно. Но почему страдать от этого должна я?!

— В ней только здесь ходить и можно, — вздохнула я. — В деревню не сунешься. И... где мой платок?!

Старенькие, грубо сшитые туфли стояли возле лавки, где я их вчера и оставила, а платка не было. Но он здесь же лежал, я точно помню! Большой, шерстяной... надежный...

Тавиш не ответил, даже мой полный негодования взгляд проигнорировал.

Знает, мерзавец, что ничего я ему не смогу противопоставить, и этим пользуется!

— Как чаек? — невинно осведомился этот недомагиченный.

— Мерзкий. — Настроение было паршивое, поэтому я сказала правду.

Не руками же мне теперь лицо прикрывать?!

— Увы, это тело не умеет готовить. Ему раньше не приходилось, — пожаловался беловолосый и, так и не найдя во мне сочувствия, направился к выходу. — Ты пей пока, отдыхай, можешь сходить к источнику и умыться. А я наведаюсь в селение, раздобуду одежду.

— Может, хоть ночи дожدهшься? — испугалась я.

— А ты обо мне беспокоишься? — поддел наколдованный нахал.

Пф! Еще чего не хватало.

— Не хочу остаться здесь одна, — сказала чистую правду. — Так что не попадись там. И укради мне новый платок, я без него не могу.

Покровители, как низко я пала! Уже сама поддерживаю воровство и собираюсь пользоваться его плодами.

— Будет сделано, моя госпожа, — широко улыбнулся Тавиш и исчез на несколько часов.

Покончив с противным чаем, я решила провести время одиночества с пользой и побрела к источнику.

Но едва вышла за порог, как всеми фибрами души ощутила — что-то не так. На самом деле это чувство подкрадывалось едва ли не с первой минуты здесь, но тогда голова была занята другим. Теперь же выдалась минутка, свободная от страхов, переживаний, и от Тавиша, — и вот оно, накатило. Странное что-то. Чужеродное.

Я остановилась, прислушалась, повертела головой по сторонам. На первый взгляд все было как обычно: птицы трещали, где-то далеко верещала безобидная дневная нечисть, булькало болото. Звенела особенная лесная тишина. Но в самом воздухе разлилось что-то опасное, и кожа, несмотря на довольно жаркий день, покрылась пупырышками.

Кабы не запекшаяся кровь на ладонях и ступнях и не слипшиеся волосы, я бы никуда не двинулась, а так пришлось. Лучше сейчас, потому что мыться, когда где-то поблизости околачивается мой ненадежный союзник, я не решусь. Только надо идти медленнее и внимательно смотреть, куда наступаю...

Предчувствие подвело, до источника я добралась без приключений. Ничего не произошло и там. Холодная вода взбодрила, смыла часть страхов, окутала тело крупной дрожью. Из-за нее приходилось сдерживаться, чтобы не броситься бегом к натопленному дому. Но как знать, когда еще получится вымыться спокойно, поэтому я стиснула зубы и, невзирая на холод, пробирающийся до костей, долго терла себя пучком сухой травы, а потом тщательно вымыла волосы.

И возвращаться заставила себя медленным шагом, хоть и тряслась вся, и зубами стучала.

Как раз на обратном пути почувствовала едва уловимый запах. Пахло чем-то сладковатым и одновременно гнилью. Тогда же поняла, что запах этот был тут всегда, просто я внимания на него не обращала. И еще внезапно пришло четкое осознание: я не хочу здесь быть. Надо уйти как можно дальше!

Разум оказался сильнее паники и каких-то там предчувствий. Я еще раз огляделась, так и не сумела определить, что так странно пахнет, и решительно зашагала к временному пристанищу. Куда я одна, да еще без одежды? Дождусь Тавиша, если повезет, он вернется не с пустыми руками, тогда и поинтересуюсь у него обстановкой в Черном Лесу и заодно нашими планами.

Достигнув внутреннего согласия, я затворила за собой дверь, для этого пришлось навалиться на нее всем весом, потом соорудила перед ней на всякий случай гору из котелка и двух кружек и только после этого с чувством выполненного долга рухнула на лавку. Недолго терзалась муками совести и придумывала, чем буду замаливать у покровителей вину за воровство. Потом разомлела под просачивающимися сквозь не слишком чистое оконце солнечными лучами и провалилась в глубокий крепкий сон.

Надолго. Успела по-настоящему отдохнуть, а потом еще увидеть красочный сон, в котором у меня было нормальное лицо и я путешествовала в летучем экипаже.

Подумать, что видение окажется вещим — хотя бы одна его часть, — мне и в голову не пришло.

Ближе к вечеру меня разбудил грохот. Спросонья не разобравшись, где нахожусь и что вообще происходит, я схватила первое попавшееся и швырнула в ту сторону, откуда слышался звук. Уже после, постанывая, села, вспомнила, как сама же возвела баррикады у входа, и обозрела поднимающегося с пола очень злого Тавиша.

Наколдованный потирал лоб. Судя по гримасе на породистом лице, больно ему было вполне по-настоящему.

Первым попавшимся оказалась ложка.

— Это месть за вчерашнее? — подозрительно спросил он, отодвигая ногой котелок, но подходить ближе не спешил.

Никогда никому не мстила, просто не задумывалась ни о чем подобном. Но сейчас ощутила нечто похожее на то чувство, которое испытывала в день, когда мне выдавали жалованье. А приятно!

Но улыбку лучше спрятать, а то наколдованный разозлится еще.

— Я спала, а это поставила, чтобы слышать, если вдруг кто придет. Мало ли какой человек по лесу шастает. — Среди всех других выделялось и еще одно чувство — неловкости из-за собственного поведения и глупейшей ситуации. — Прости, я не специально.

— А глаза блестят так, будто это все-таки месть. — Прощать легко Тавиш не собирался. — И ты губы кусаешь, чтобы не улыбаться.

Наблюдательный какой. Но извиняться дальше не стала. Подумаешь,

шишка на лбу и на полу чуток повалялся! Меня вчера чуть не обесчестили, а потом я едва в болоте не утонула.

Мы еще не квиты.

Определив для себя, что опасности нет, Тавиш все же прошел к лавке, на которой сидела я, и принялся разбирать сумку.

Первым из нее возник белый хлеб. Ароматный, теплый еще, с хрустящей корочкой, мм-м... Тавиш разломал булку пополам, отдал одну часть мне и жадно вгрызся в свою половину.

— Сегодня ты ограбил пекаря? — Восторг, вызванный теплой выпечкой, помешал мне разозлиться из-за кражи или хотя бы осудить вора.

Покровители, что он со мной сотворил! Еще немного, и сама поверю, что красть не зазорно, если тебе нужнее.

Но как же вкусно!

Теплый хлеб — еще одно благо, которого я была лишена. Тот, что только из печи, стоит почти в два раза дороже, и я, естественно, брала, который дешевле, часто даже вчерашний. И сама никогда не пекла. Возни много, а результат всегда получался кривым, сплюснутым и малосъедобным даже на мой непритязательный вкус.

— Почему сразу украл? — Тавиш вроде бы даже обиделся. — Купил.

— На что? — вяло осведомилась я, уминая свою долю.

В глубине души мне было все равно, и это вызывало протест. Я не такая! Никогда не была такой! И не хочу становиться.

Лучше б не спрашивала! Тогда бы и не подавилась, услышав ответ.

— Тебе жалованье выдали, — сообщил Тавиш, запустил руку в сумку... и ко мне на колени посыпались звонкие монетки. — Держи. Тут все, что осталось после покупки еды и одежды.

Мои глаза, в которых все еще стояли слезы, выступившие от кашля, округлились.

— Но тут все равно слишком много!

— Считай, это компенсация за задержку, — заявил беловолосый наглец и вызывающе мне подмигнул.

Я мысленно застонала. Он неисправим.

Хотя наши, конечно, заслужили. Издевались, обворовывали, потом еще попытались всех собак на меня повесить. И использовали во время болезни, когда им это было нужно. Так, может, не такой Тавиш и негодяй? Может, это покровители ниспослали справедливость в его лице?

Противный внутренний червячок со мной не согласился, но я упрямо продолжила есть хлеб. Терзаться муками совести можно и на полный желудок.

Тавиш проявил невиданную учтивость и дождался, когда я проглочу последнюю крошку, прежде чем удивить меня снова.

В этот раз даже слов не понадобилось. Он просто вытащил из сумки...

— Штаны?! — Как-то даже не предполагала, что способна так визжать.

— Сама видишь. — Наколдованный был горд собой, но моя реакция внушала ему некоторые опасения.

Вижу. Но отчаянно надеюсь, что это какие-нибудь болотные испарения вызвали галлюцинации. А потому сижу неподвижно и жду, пока обман воспаленного разума развеется.

Минута, вторая пошла... Что-то не торопится он.

— Михаэлла, что не так? — По-видимому, наколдованному недодали не только совести, но и терпения.

— Приличные женщины не ходят в штанах!

Но возмущение мое осталось не только безответным, но и не понятным.

— Правда? — приподнял светлые брови Тавиш. — А я думал, что приличные не ходят без штанов. Зря только монеты потратил.

Вот так бы и прибила, честное слово! И откуда только смелость взялась? Впрочем, ее было не столько, чтобы перейти к активным действиям.

— Не смей надо мной издеваться! — прозвучало жалко, даже я сама это почувствовала. — Это же срам! Мне нужно платье. Или юбка, на худой конец.

— Тебе нужно то, что я принес, — непререкаемо и как-то непривычно жестко заявил Тавиш. — И не смей реветь! В дороге удобнее в такой одежде. Посмотри внимательно, они женские. И если, по-твоему, их нельзя надеть, то зачем тогда их продают?

— Ну...

Возразить тут было нечего. К тому же другой одежды не предполагалось, а сверкать голыми коленками мне уже надоело. Пришлось брать, что дают.

— Думаю, пришло время поговорить о наших проблемах и определиться с планами на будущее, — направил мою энергию в нужное русло беловолосый.

Правильно. Не вечно же на болотах скрываться.

Одежду я положила на лавку рядом с собой, даже проверять не стала, что там к штанам прилагается.

Выжидательно уставилась на бледное лицо напротив. Правильно поняв посыл, Тавиш начал первый:

— С наступлением темноты пойдем в селение. Мне надо разобраться с ведьмой.

Прозвучало зловеще. Настолько, что по коже рассыпалась морозная дрожь.

— Как разобраться? Зачем?! — всполошилась я.

— Да не трясись ты, просто поговорить, — уточнил он. — Она не для себя тот ритуал проводила. Хочу выяснить для кого и убедиться, что ведьма не повторит попытку.

Вполне логичное желание. Я выдохнула и медленно кивнула:

— Хорошо, пойдем. — На самом деле вопрос и так был решенным, но мне важно было оставить хотя бы мизерную иллюзию того, что от меня хоть что-то зависит.

Тавиш это понял, глянул на меня почти с сочувствием и отпустить едких замечаний не стал. Потом и вовсе спросил неожиданное:

— А у тебя остались какие-нибудь важные дела?

Я замаялась. В голову разом пришло столько всего и ничего конкретного. В смысле, ничего, что имело бы значение по-настоящему.

— Разобраться с Ффруа? — подсказал Тавиш.

— Разобраться... — эхом повторила я, ощущая странную пустоту в голове.

— Не волнуйся, это я беру на себя, — вызвался мой странный заступник. — Что они от тебя хотели? Почему заперли в камере?

И тут словно щелкнуло что-то. Как тогда, когда я оттолкнула Тавиша и бросилась бежать. Страхи ушли, прихватив с собой глупые запреты. Я четко осознала, чего именно хочу, и, пока настрой не ушел, поспешила сообщить об этом сообщнику:

— Не с ними. Меня оболгали. Оказалось, что от мамы остался хороший дом, а управляющий это утаил и пятнадцать лет присваивал арендную плату, — слова лились и лились, и так складно получалось, так уверенно, что я сама себя не узнавала.

Отстраненно отметила, что к завтрашнему утру на моей совести может появиться еще нечто, за что придется выпрашивать прощения у покровителей. Но совесть промолчала. За эти злосчастные штаны почему-то было стыднее, чем за планируемую справедливость.

— Хорошо, наведемся и к нему, — кивнул наколдованный, дослушав до конца. — Одевайся, пора выдвигаться.

Глава 4

Штаны были ужасны. Они плотно обтягивали ноги, непривычно льнули к коже, смущали и жутко раздражали. И даже светло-зеленая туника, прикрывшая почти весь зад, не спасала моего мнения о собственном облике.

Ниже падать уже, кажется, некуда!

— Ну долго еще? — раз, наверное, в десятый послышался из-за двери нетерпеливый окрик. — Михаэлла, ты там что, записной красавицей заделалась?

Дособиралась. Тавиш начал злиться. Он со мной терпелив и деликатен, насколько вообще на это способен, но и у его выдержки есть предел, и сейчас этот предел, кажется, наступил. А значит, пора завязывать со смущением и выходить. Ну кто меня увидит в лесу? Да и темно уже, может, и в селении никто не встретится. Или не узнает во всем этом.

Вещи были хорошие, но непривычные.

И ходить в них наверняка жутко неудобно...

— Иду, — печально вздохнула я, пока он дверь не высадил.

Руки быстро обернули шаль таким образом, чтобы она скрывала большую часть лица. В ней было не так жарко, как в моем платке, и намного удобнее. Хоть в чем-то наколдованный угадал.

Стыд-то какой, мне покупал вещи мужчина! Даже белье!

На ворованные деньги!!!

Но как я ни пыталась раззадорить ее соответствующими мыслями, совесть мирно спала и просыпаться не торопилась. Больше того, в тайном уголке души поселилось что-то сродни предвкушению.

— Быстрее, — рыкнул Тавиш, отчетливо скрежеща зубами. — Только не забудь ничего, мы сюда больше не вернемся.

Эти слова подействовали лучше плетки. Я молниеносно сунула ноги в свои туфли, казавшиеся в сравнении с новой одеждой слишком грубыми и массивными, подхватила зеленый плащик, сумку и высунулась из дома.

— В Черном Лесу останемся? Уже можно? — Вспыхнувшая надежда заставила сердце забиться сильнее.

— В город уедем, — огорошил меня наколдованный, перехватывая сумку.

Станным его создала ведьма. Для него украсть или убить — что мне почесаться. Кажется, он не испытывает страха или мук совести. Но при

этом всегда сам носит тяжелую сумку, подхватывает, если я поскользываюсь, придерживает за руку в опасных местах. Опять же, вызвался разобраться с Ритхелем, хотя лично ему это не надо.

Словно две противоположности, склеенные воедино. Для чего можно было использовать кого-то с такими качествами?

— Мне не надо в город! — Я даже отпрянула.

— Еще как надо, — зловеще усмехнулся мужчина, ловко поймал меня за руку и буквально выволок из нашего временного убежища.

По коже прогулялся холодок нехорошего предчувствия.

— Зачем? — спросила, с трудом подстраиваясь к его шагу.

— Тебя и так разыскивают, а после этой ночи у местной стражи появится несколько поводов прилагать к этому больше усердия, — сообщил Тавиш.

Только меня? Вот как знала, что в итоге окажусь единственной крайней.

Но это не напугало. В местной страже служило всего четыре человека: двое бывших вояк, которых еще лет десять назад отправили домой из-за возраста, дежурили днем, и дюжие сыновья кузнеца — ночью. Я их всю жизнь знала, и хоть друзьями или приятелями мы не были, представить, что они сделают мне что-то плохое, не могла. В крайнем случае, объясню, как все было.

— Твоя мордашка висит на новостном столбе, — словно подслушав мои мысли, поспешил развенчать всяческие надежды на благоприятный исход дела спутник — И должен заметить, там она выглядит раз в пять страшнее, чем на самом деле. Похоже, у рисовавшего на тебя зуб. А знаешь, в чем тебя обвиняют?

Я мотнула головой, не определившись, как еще реагировать.

— Перечислю по порядку. — Тавиш, видимо, получал удовольствие, запугивая меня. — Нападение на Джереми Ффруа и его сестру, убийство телохранителя Ффруа. Кражи из нескольких домов в селении. Сглаз коровы какой-то Авриты и сглаз дочки купца... не то Ослова, не то Мулова, уж прости, не запомнил, вследствие чего она никак замуж выйти не может, а ей уже сорок один. Черная магия и запрещенные ритуалы. И да, самое главное! В том, что ежегодно с болот какая-то зараза приходит. В связи с последним тебе же отвечать и за всех от нее умерших. Ну как списочек? Впечатляет?

Горло сжалось, некоторое время я не могла выдавить ни слова. За эти мгновения меня опалило злостью, окатило кисловатой обидой и так жалко себя стало, что остатки совести, вернее, воспитания, к этим остаткам

взывавшего, тихо загнулись. Что бы Тавиш ни выкинул... поделом им!

— Я же их лечила, а они... — прошептала, когда голос вернулся. Предательство людей, которым вроде как помогала и которые вроде бы даже были благодарны, злило куда больше того, что мне приписали и подвиги наколдованного. — Если бы умела, точно бы сглазила! И прокляла! И еще что-нибудь сделала.

Ниточки, связывающие меня с этими местами, рвались одна за другой. Словно что-то гнало прочь. Но перебираться в город все равно было страшно. Кто знает, как он примет меня... такую?

— Уроды, — подобрал определение Тавиш, безгласно сплюнул себе под ноги и сжал мою руку. — Забудь. В большом городе проще затеряться, там мало кому есть дело до твоего лица. А когда обустроимся, найдем хорошего мага, может, получится подправить тебе мордашку.

Если до последнего предложения я еще настроена была сопротивляться и отнекиваться, то сейчас затихла, пришибленная надеждой. Покровители, этот наколдованный точно знает, на какие точки давить!

— Думаешь, это возможно? — пролепетала, зачем-то втянув голову в плечи.

— Не узнаем, если не попытаемся, — рационально заметил Тавиш. — Я бы и сам взялся, но просто не представляю, как лечить. Боюсь, только хуже сделать.

Больше до самой околицы не разговаривали. Уж не знаю, о чем думал Тавиш, но мои мысли вертелись вокруг предстоящего путешествия и похода к магу. Сама мысль затеряться в толпе, зажить новой жизнью казалась соблазнительной. Но если мне еще и внешность исправят...

За деревьями стали проглядываться редкие огни, и Тавиш резко остановился. От неожиданности я влетела ему в спину.

— Что это за песни? — Наколдованный будто не почувствовал удара.

Я перевела дыхание, прислушалась.

Вспомнила!

— Сегодня Ночь покровителей. Молодежь устраивает гулянья, делают чучела из соломы, вместе с ними идут в лес на пикник, потом ближе к утру чучела сжигают и прыгают через костры. Еще ищут мифический клад. Весело, наверное... Я ни разу не ходила.

Даже не вспомнила о празднике, пока Тавиш не услышал песни на другом конце селения.

— А по-моему, глупость несусветная, — бросил беловолосый и решительно зашагал дальше.

— Это дань уважения покровителям! — возмутилась я, как и пристало всякой дочери Лунной Матери и Солнечного Отца, но в этот раз почему-то почувствовала себя до крайности глупо.

Насмешливый взгляд Тавиша лишь добавил сомнений.

— Скорее повод нажраться дешевой выпивки, поорать песни и позажимать девок в лесу. — У моего спутника имелось свое видение традиции. — Не думаю, что этим вашим покровителям приятно, что их изображают соломенными куклами, а потом сжигают. Ну, если на минутку допустить, что они вообще существуют.

— Ничего святого для тебя нет! — ужаснулась я.

— Есть, — к огромному моему облегчению, не согласился наколдованный.

Вот зря я все-таки на этом не остановилась! Не стоило спрашивать.

— Что же?

— Мои желания. Счастье и безопасность для меня и моих близких. Достаток. Справедливая месть, — перечислил он все то, что старый жрец из храма снисходительно называл мирской суетой. — Да много чего еще можно придумать. Но позажимать девок в лесу я тоже не откажусь, даже если ради этого надо притвориться, что следуешь каким-то там традициям!

Если отбросить шелуху, правдивое зерно в его словах было. По старым верованиям, в эту ночь можно было все или почти все.

Сказать что-нибудь еще я не успела, мы как раз подошли к красному дому с вырезанными кошками на оконных рамах. Да с чего он вообще взял, что Арина в праздник никуда не пошла? Но Тавиш, поправив на плече сумку и крепче перехватив мою руку, уверенно прошел в калитку и распахнул дверь, ведущую на веранду. Рука его при этом вспыхнула белым, мой слух уловил еле слышный звон.

— Что бы ни происходило, держись за мной и не влезай, — сквозь зубы процедил наколдованный.

Наверняка происходить будет какое-то гадство. Но даже если захочу, повлиять на Тавиша все равно не сумею. А прислушавшись к себе, поняла, что и не хочу. Ведьма — его дело. И магия у него. Ему же и виднее, как со всем этим быть.

Ходить далеко не пришлось. Арина нашлась на веранде, рядом с огромным котлом. Запах вокруг витал знакомый, было жарко от огня, а сама ведьма выглядела уставшей, даже измученной. Значит, она тут давно.

— Ну здравствуй, Арина, — обозначил наше присутствие Тавиш.

Ведьма медленно повернулась.

Но почему-то не стала колдовать. Даже не попробовала.

Взгляд ее вцепился именно в меня.

— Я и представить себе не могла, что без тебя будет так трудно ухаживать за больными, — выдохнула Арина и вроде бы даже пошатнулась. — А мне еще отвары лечебные делать. Еле на ногах держусь.

В подтверждение своих слов она тяжело опустилась на низкий табурет и принялась обмахиваться рукой. Сомневаюсь, что от этого стало прохладнее.

— Лихорадка? — ужаснулась я. — Уже? Но еще же только конец весны...

— Вчера четверо заболели, — поведала ведьма.

— Потом посеCRETничаете, девочки, — едко оборвал нас Тавиш. — Сейчас я хочу видеть описание ритуала, который ты провела перед моим появлением, и знать, кому предназначался такой подарочек.

Ведьма прикусила губу, болезненно сглотнула и вполне правдоподобно соврала:

— Мне. — Я знала, что это ложь, потому что Тавиш как-то обмолвился, что чувствует еще кого-то. Не верить ему не получалось. — Я женщина одинокая, вот и решила...

Выкрутиться не получилось. Тавиш даже дослушивать не стал. В одно смазанное движение оказался рядом с ведьмой, а в следующий миг словно котенка вздернул ее с табурета и наклонил над котлом. Так низко, что красивое лицо с высокими скулами покраснело от пара. Пузырьки, лопаясь, жгли кожу брызгами. Арина пронзительно вскрикнула и забилась в руках своего создания.

— Пр-р-равду, — в голосе беловолосого явственно послышались рычащие нотки. — Иначе даже Михаэлла рядом с тобой красоткой покажется.

Ситуация приняла опасный оборот, но даже сейчас ведьма не воспользовалась даром.

— Беата Ффруа!.. — почти прокричала Арина. — Мой дом стоит на их земле. Здесь замыкается моя сила. Я практически принадлежу им. Я не могла отказать! Прости-прости-прости меня!

— Ближе к делу, — отстраненно потребовал Тавиш и хорошенько потряхнул пленницу, отчего та в отчаянии заскулила.

— Она хотела себе ручного любовника. Полностью подконтрольного ей, но в то же время сильного, мужественного и все такое, — лепетала ведьма, отчаянно изворачиваясь в руках мучителя. Ее лицо цветом уже напоминало спелый помидор. — Это она принесла ритуал. Да пусть же, мне больно!

Арину было искренне жаль. Так ведь подумать, они тут все зависят от Ффруа. Кроме меня, потому что моя родная мама выкупила дом и клочок земли под ним. И получается, что Джереми Ффруа не имел права хватать меня и запирать в камере.

Легкая зависть, которую я прежде испытывала к ведьме, ее красным сапожкам и тому уважению, что оказывают ей обитатели Черного Леса, пропала, не оставив и следа. Не слишком-то выгодное у нее положение.

— Описание ритуала есть? — требовательно встряхнул ведьму сотворенный ею монстр.

— В кармане плаща листок! — взвыла Арина.

— Михаэлла, проверь, — скомандовал Тавиш.

Плащ висел тут же, на вешалке, приделанной к стене. Мне только и требовалось повернуться и запустить руку в карман.

— Есть. — Развернув листок, я вгляделась в неровные строчки и разочарованно добавила: — Тут какие-то символы, я не понимаю.

Пришлось подойти к Тавишу и показать.

— В старину маги писали такими знаками, — всхлипнула Арина. Она уже не сдерживала слез, и те частыми капельками бежали по щекам, некоторые из них падали в готовящееся снадобье.

Его придется переделывать. А это еще несколько часов работы.

Да, ведьму мне было жаль. И в то же время во мне загноившейся занозой сидело понимание, что, будь сила на ее стороне, она бы меня не пощадила. Никто из них.

Окинув трясущуюся в его руках женщину презрительным взглядом, Тавиш швырнул ее на стул. Арина теперь рыдала в голос, тонкие пальцы ощупывали покрасневшее лицо.

Фу ты, какая неженка! Серьезного ожога там нет. А краснота скоро пройдет...

Отвлекаясь на ведьму, я сразу и не заметила, как Тавиш вооружился ритуальным ножом. Только когда Арина затихла, в ужасе округлила глаза и отчаянно взмолилась:

— Пожалуйста, не надо!

Нож был большой, потемневший от времени. Видимо, достался Арине от бабки, которая тоже ведьмой была. На широком острие слабо мерцали черные с оранжевыми проблесками символы, но стоило Тавишу бросить на них недовольный взгляд, как незнакомые мне знаки вспыхнули белым.

— Я не хотела... Больше никогда... Клянусь!!! — скулила ведьма.

— Надо разорвать связь, — сжалился над ней результат ее колдовства и снизошел до объяснений. — Потому что три привязки много даже для

меня. Михаэлла, подай кружку, пожалуйста.

Не глядя, взяла со стола первую попавшуюся кружку и протянула ее Тавишу. Когда же он полоснул ножом запястье Арины, алый ручеек ударил по дну кружки, а Арина зашипела от боли, я испытала приступ дурноты. Пришлось привалиться к стене, чтобы не упасть.

Словно почувствовав мое состояние, Тавиш коротко глянул на меня и кивнул. Я восприняла это как разрешение и, шатаясь, побрела к выходу. Мне надо на воздух. Тут слишком жарко, слишком много разных запахов.

Ночная прохлада не спасла. Пара вдохов — и меня вывернуло наизнанку. Отдышавшись и выждав немного, я подошла к колодцу, чтобы умыться и попить. У Арины красивый большой дом и свой собственный колодец во дворе. Краем глаза видела в окне веранды всполохи белого света. Колдуют. Надеюсь, у них получается.

Как раз привела себя в порядок и собиралась вернуться, когда Тавиш показался на крыльце. Привычно бледный, по лицу и не поймешь ничего. Разве только красное пятно на рубахе о чем-то говорило.

— Эй, ты тут жива? — Он вроде бы по-настоящему беспокоился.

— Задумал сразу и от второй привязки избавиться? — От смущения я начала язвить.

Но воспринято это было нормально, никаких обид.

— Вторая будет не твоя.

— Идем к Ффруа? — Не требовалось быть провидицей, чтобы догадаться о его планах.

Но особняк, принадлежащий землевладельцам, преподнес нам сюрприз. Он был тих и погружен во тьму. Только на первом этаже два окошка горели. Охрану и большую часть прислуги Ффруа привезли с собой, в доме же постоянно жила только одна семья, которая убирала и смотрела здесь за всем. Даже не в самом доме, а в сделанной специально для них пристройке.

Невнятное предположение шевельнулось во мне, но оформиться не успело — Тавиш сделал выводы раньше:

— Похоже, их здесь нет.

— На праздник ушли? — Я сама понимала, насколько это маловероятно.

Беловолосый посмотрел задумчиво на меня, с неприязнью — на дом и велел:

— Стой здесь. Только тихо. Я сейчас вернусь.

Мало ли куда человеку понадобилось? Я притихла и послушно замерла в тени старых деревьев. Только вздрагивала, когда ветки над

головой трещали.

Тавиш вернулся через пару минут, хмурый и задумчивый больше обычного.

— Ну что?

— В город уехали. — Ответ поражал лаконичностью. И просто поражал.

— А... я думала, они тут насовсем останутся. — Я правда так считала. Не знаю почему.

Смешок, вырвавшийся из горла мужчины, был где-то даже обидный.

— С чего бы им менять комфортную городскую жизнь на прозябание в этой дыре?

Окинув взглядом большущий дом, который местные называли богатым или господским, я все-таки успела вовремя прикусить язык. К чему лишние споры? Да и не стоят Ффруа того. И так понятно, что у нас с Тавишем разные представления о комфорте. И об остальном тоже. Если для меня красные ведьмины сапожки — это роскошь, то он даже на особняк Ффруа поглядывает снисходительно.

— Ничего, от меня все равно не уйдут, — пробормотал наколдованный, и было в его голосе, взгляде, самом профиле что-то такое, что не оставляло места сомнениям — врага он достанет. Рано или поздно. Пока же это не представляется возможным, Тавиш решил переключиться на мои дела: — Ну что, показывай, где живет твой обидчик.

— Раз пришла лихорадка, Ритхель, наверное, в конторе, — подправила наши планы я и торопливо зашагала в нужном направлении.

Шла предусмотрительно закоулками, опасаясь попасться кому-нибудь на глаза. Собственно, за этого кого-то и опасалась, потому что, пока мы связаны, Тавиш меня в обиду не даст. А потом... Впервые в жизни мне не хотелось думать о загадочном «потом». Как-нибудь все устроится, все равно я сейчас ни на что повлиять не могу. А вот справедливость, до которой осталось всего две улицы, приятно грела душу, делала воздух будто бы слаще и заставляла кровь быстрее бежать по венам.

Тавиш не отставал ни на шаг. Больше того, как выяснилось, внимательно за мной наблюдал, вот только выводы в этот раз получились не совсем правильные.

— Только не говори, что жалеешь старого мерзавца, — не выдержал он, когда идти оставалось совсем немного.

Два дома. И отсюда было видно, что в конторе окошко светится. Значит, Ритхель там.

И в большой лечебнице все окна горят, а сквозь одно даже видно, как

молоденькая помощница очередного нового лекаря разбирает снадобья.

— Не скажу, — думая о своем, откликнулась я.

— Вот и умница. — Такую позицию спутник полностью одобрял.

— Но все равно не убивай его, ладно? И не калечь.

Недовольство Тавиша было таким сильным, что я почти могла ощущать его кожей.

— Михаэлла! — тихо, но внушительно рыкнул мужчина и возвел глаза к безучастному небу в мелкой россыпи звезд.

— У него жена и две дочки, — пояснила ход своих мыслей я. — Они-то чем виноваты?

— А ты думаешь, твоими деньгами он пользовался один? — Голос Тавиша так и сочился ядом.

Я насупилась и затихла. Все равно мысли сейчас больше лечебница занимала, и взгляд не отлипал от нее же.

Уже у самого входа я не выдержала и поделилась тем, что буквально жгло изнутри:

— В селении лихорадка, я одна могу ухаживать за больными и не заразиться. Но знаешь, я так зла на них, что не испытываю никакого желания помогать. Вообще ничего не испытываю, кроме отвращения. — Замолкла на мгновение, перевела дух и спросила... глупость, конечно, но важную лично для меня: — Я плохой человек, да?

Получилось жалобно. Даже жалко.

— Нет, — серьезно прошептал Тавиш. А потом в своей обычной манере добавил: — Слава... как их там... покровителям, ты не безнадежна! Хотя при чем тут они, наверняка это мое положительное влияние сказывается. Пошли уже, хватит нюни распускать!

Действительно, нашла, кому душу изливать. Но разобидеться не успела, Тавиш цыкнул и втолкнул меня в распахнутую дверь.

Охраны тут отродясь не водилось, управляющий землями Ффруа — не такая уж большая шишка, а деньги и важные документы Ритхель прятал в ржавый ящик, гордо называемый сейфом. Вроде бы там даже магическая защита имелась. Но она не могла помешать нам добраться до самого главного человека в селе.

Мы обогнули стол, за которым раз в сезон принимали подати, прошли по короткому темному коридору, после чего Тавиш, не церемонясь, взял и выбил дверь. Надобности в этом не было, она не была заперта, но устрашающий эффект получился на славу.

Ритхель побледнел, привстал со своего места и тонко, по-бабьи, взвыл. Это его горящие золотом глаза и руки, окутанные белым светом, сквозь

который устрашающе торчали когти, так впечатлили.

— Вы кто? Что вам нужно? Михаэлла?! — Голос старика звучал визгливо.

— Преступница, за которую объявлена награда, сама к тебе в руки пришла. Что же ты не радуешься? — любопытствовал Тавиш.

Судя по тому, как позеленел Ритхель, обрадоваться у него упорно не получалось.

Но быстро сориентировался, надо отдать ему должное. И одна рука управляющего потихоньку потянулась к статуэтке, стоящей на краю стола, — простенькому шарiku из цветного стекла на резной деревянной подставке. Со стороны это выглядело нервным движением, не более, поэтому я поспешила предупредить сообщника:

— У него там сигналка для вызова патруля и вообще всех, кто услышит.

Парни-то наверняка в лес ушли, но мало ли кому взбредет в голову погеройствовать?

— Пусть не надеется, она не сработает, — самоуверенно заявил Тавиш.

Однако надежду так просто было не убить, и трясущаяся ладонь Ритхеля сжала подставку, а большой палец принялся тереть стекло. Я втянула голову в плечи, готовая услышать противный оглушающий звук. Но миг прошел, другой, а ничего так и не произошло... Разве только Тавиш разозлился.

— Я же сказал, не сработает! Куда руки тянешь?!

Жутковатые глаза полыхнули, и, словно им в ответ, свет вокруг ладоней разлился ярче. Стекланный шарик взорвался, осколки брызнули в разные стороны. Кажется, один даже меня царапнул, но я была слишком поглощена происходящим, чтобы обратить на это внимание.

— Давай без глупостей, — миролюбиво предупредил Тавиш, закрывая окно и дверной проем белесыми щитами.

Ритхель активненько так закивал:

— Ч-что вам нужно?

— Угадай, — предложил мой... ну почти герой. — Предупреждаю, попытка всего одна.

Желания срочно проститься с жизнью у Ритхеля раньше не наблюдалось, и подлость он явно за собой знал, но вместо ожидаемого и единственного верного ответа начал блять что-то совсем уж невнятное:

— Я сниму листовки... И позволю вам уехать... Даже денег в дорогу дам. Только пощадите!

Так противно стало. Даже не от его воплей, а от ощущения, что меня за дуру держат. Опять.

Негодяю неоткуда знать, что ограбленная сиротка в курсе его делишек. А признаваться в них он явно не планирует.

— Ответ неправильный, — отстраненно отметил Тавиш и медленно направился к управляющему, поигрывая когтями.

Тот тяжело упал на стул, отчего несчастный предмет мебели жалобно скрипнул. Полными неподдельного ужаса глазами Ритхель следил, как неумолимо приближается его личное наказание.

Возможно, и мое тоже, но об этом думать стану потом.

Изогнутый коготь медленно прошелся по лоснящейся от пота щеке. Будто замороженная, я следила, как медленно набухает кровью царапина, а потом частые капельки стекают вниз и теряются под воротом несвежей рубахи.

Чувство сострадания так и не пришло. Но и удовольствия от процесса восстановления справедливости получить не удавалось. Мерзко. И страшно. Как будто лихорадка, только жара нет и язвы внутренние. И справиться с ней сложнее, потому что гниющую совесть никакими снадобьями не излечишь. Пусть бы это закончилось поскорей!

А вот Тавиш откровенно наслаждался.

Отнял палец от кровоточащего следа, некоторое время порассматривал коготь, только что не облизал его, после чего участливо спросил:

— Ну что, попробуем еще раз?

Подлое сознание покидать Ритхеля не собиралось, пришлось ему отвечать.

Снова неправильно.

Еще одна царапина.

Но и это вора ничему не научило. Покровители, как же глупо! Это же просто деньги! Сказать по правде, мне уже не так и хотелось их. Хотелось просто уйти, зря мы все это затеяли. Но и справедливости хотелось. И отвернуться что-то не давало.

Беловолосому чудовищу игра наскучила после четвертой царапины и обещания дать нам очень много денег. По сельским меркам, конечно. У нас это кошель с серебром. Небольшой. Тавиш явно тоже смекнул, в чем считать, и в ответ на «заманчивое» предложение брезгливо фыркнул:

— Дом Михаэллы.

— К..

— Если сейчас спросишь какой дом, я разорву тебе горло. — Угроза была произнесена тихо и буднично, даже скучно, что не оставляло ни

малейших сомнений в ее правдивости.

Когти возле шеи подействовали на Ритхеля, словно ушат ледяной воды. Похоже, Тавиш наконец нащупал нужную точку. С этого и надо было начинать!

— Ах, этот дом! — почти пропел измазанный в собственной крови управляющий. — Да забирайте, конечно. Сразу бы сказали. Я же просто присматривал за ним.

Пальцы непроизвольно сжались в кулаки и снова разжались. Стало даже немного жаль, что когтей у меня нет. И магии нет. Чтоб этому подлецу неизлечимыми язвами с головы до пят покрыться!

— Хоть сейчас не ври! — зашипела не своим голосом. — Присматривал! Ты поэтому наследство от меня утаил? Оставил жить в нищете? Сдал дом и прикарманил арендную плату? Оговорил перед Ффруа?

От злости ломило в висках. Хотелось подойти и пнуть мерзавца ногой. Но это желание я, конечно, подавила. И в тот самый миг, когда мне почти уже удалось успокоиться, Ритхель с лживой заботой, как это делал всегда, принялся заговаривать мне зубы:

— О тебе же заботился, дуреха. Куда тебе деньги? Молодая, глупая, просадишь все. А так я их придержал, думал, замуж выйдешь, тогда и отдам.

Убедительно. Было бы, если бы не следы болезни на моем лице. Но они есть и деваться никуда не собираются. А значит, замуж я не выйду никогда. А это, в свою очередь, значит, что кто-то только что, можно считать, признался.

Кажется, он собирался добавить что-то еще, но Тавишу надоело слушать и он практически воплотил мое недавнее желание — впечатал кулак в подлую морду.

— У-у-у-у... — взвыл управляющий землями Ффруа.

— Ну, раз деньги в целости и сохранности, — наколдованный даже сделал вид, что поверил, — тебе ничего не стоит прямо сейчас отдать их Михаэлле.

С когтями у горла все пошло быстрее в разы. Нет, Ритхель честно попытался затянуть дело до утра, а то и на несколько дней: мол, деньги в банке, в городе, их заказывать надо... На что Тавиш предложил пока позаимствовать нужную сумму у Ффруа, а потом уже заказать и возместить взятое. Веским аргументом стали кончики когтей, до крови пропоровившие кожу. В общем, деньги нашлись тут же. Ладно, не совсем тут, пришлось за ними спуститься в опечатанное магией хранилище. Я и не знала о нем!

Один за другим в полотняную сумку на плече наколдованного перекочевывали тугие кошель. Сначала вернулось украденное. Потом проценты за пользование моими деньгами. А после Тавиш заставил Ритхеля выкупить у меня дом обратно. Все равно, будучи беглой преступницей, воспользоваться им не удастся. Я даже документ какой-то честно подписала.

Управляющий пытался стенать о том, что хозяева ему голову оторвут, но Тавиша это волновало мало. Меня, если честно, тоже. Сам дел наворотил, вот и пусть теперь разбирается. Может, эти Ффруа больше и не наведаются сюда. Тогда проблемой будет только свести концы с концами, но он пронырливый, справится. Да и село у нас большое, себя как-то содержит. Разберутся.

Все шло слишком хорошо. Но я была занята мыслями о потерянном, вернее, так и не обретенном доме — единственном, что осталось от родной мамы, о другом просто не думала.

Мы уже выходили из хранилища, в котором помимо запасов денег на хозяйственные и всяческие непредвиденные расходы хранился разный хлам вроде старой мебели из конторы, книг, бумаг и тому подобного. Видимо, это все дополнительно прикрывало тайник. С Ритхелем любой мог войти и выйти, о защите беспокоиться не стоило. Даже Тавиш в какой-то момент немного расслабился.

Зря, как оказалось. Этого короткого мгновения Ритхелю вполне хватило, чтобы с полки одного из сломанных шкафов схватить что-то острое и с неожиданной для человека его возраста прытью броситься на Тавиша.

Я только вскрикнуть успела, как на новой светлой рубаше расплылось уродливое бордовое пятно.

Наколдованный с ярко выраженным осуждением обзрел длинный нож без рукояти в своем боку и пошатнулся. Воодушевленный успехом, Ритхель засадил острие поглубже. Страшно чавкнуло. Я зажала себе рот руками, чтобы не заорать.

Нет, только не он! Все не может оборваться вот так...

Полубезумный страх за наколдованного смешался со страхом потерять хоть и призрачный, но шанс на новую жизнь. В меня будто вселилось что-то. Не осознавая толком, что делаю, я схватила полуотломанную полку одного из шкафов и приложила мерзкого Ритхеля по голове. В удар вложила все силы.

Ритхель захрипел. Это Тавиш выполнил угрозу и использовал когти. Кровь алым дождем брызнула во все стороны.

В последний раз неверяще оглядев нас, Ритхель сполз на земляной пол.

— Ну а ты чего полезла? — Как только стало ясно, что враг больше не опасен, Тавиш направил свое недовольство на меня.

И это вместо благодарности! Почему-то стало стыдно.

— Я хочу в город. И к магу, — пробурчала еле слышно. — И не хочу, чтобы ты развееялся.

Такое объяснение было наколдованному понятнее, чем если бы я просто сказала, что испугалась за него.

— Ничего со мной не случится, — преувеличенно безразлично заявил он и одним движением вытащил нож. — Вот тварь, новую рубаху испоганил.

Опять чавкнуло. И хлюпнуло. Кровь обильно текла, хоть Тавиш и зажимал рану. Я дышала с трудом, к горлу подкатывала тошнота. Странно все-таки: на окровавленного Ритхеля смотрю без лишних эмоций, а вполне живой Тавиш вызывает такую панику, что все внутри холодной дрожью сводит.

— Надо перевязать. Поставь сумку.

Не скажу, что взяла себя в руки, но годы работы в лечебнице сказывались. И хоть там я помогала в основном, когда приходила лихорадка, обращаться с резаными ранами тоже умела. Так уж устроены люди, что даже во время болезней жизнь не останавливается.

Знакомые действия заняли несколько минут. Испорченная рубаха пригодилась на бинты. Повязка, конечно же, сразу промокла, но это лучше, чем совсем ничего.

— А ты сильная. — Чтобы отвлечься от боли, Тавиш начал болтать. — Доску запросто выломала и плотную ткань сейчас легко порвала. Признаться, не ожидал. С виду кажешься заморышем.

Несмотря на холод, сковывающий все внутри, в лицо бросился жар.

— Полка была сломана, на одном честном слове держалась, — зачем-то принялась оправдываться я.

Миг, когда я бросилась защищать своего странного союзника, теперь помнился будто в тумане.

— Ну да, — не поверил раненый. — Ладно, пошли отсюда. Надо до рассвета убраться как можно дальше.

Глава 5

Сумку Тавиш мне отдать отказался, так и тащил сам. Я пыталась пререкаться, потом даже обиделась, но он остался непоколебим. Заложенные ведьмой качества в его натуре преобладали даже над здравым смыслом.

Впрочем, ему мучиться, а мне дуться довелось недолго. Рана хоть и не была опасной для жизни в той ее форме, в которой существовал мой спутник, но причиняла страдания и сильно замедляла наше передвижение. Тавиш уже через две улицы не выдержал:

— Михаэлла, подумай, где прямо сейчас можно достать лошадь. Хотя бы одну.

Достать, в смысле, украсть. Но вопреки обыкновению мне в голову не пришло ни единой мысли о моральной стороне такого поступка. Тавиш ранен, он не может сам идти. Сейчас это казалось главным. Так что я правда стала думать, кто из сельчан легче всего переживет потерю четвероногой собственности.

И довольно быстро вспомнила:

— Купец Трофем за товаром еще неделю назад уехал, сыновья с ним. Его жена строгая, так что на время праздника, чтобы девчонки тайком на гулянье не удрали, наверняка увезла дочерей на отдаленный хутор к своей матери. А работники, конечно, вместе со всеми в лесу, пусть Марьяра и запретила.

Тавиш одобрительно заулыбался, хоть радость на его лице и была соединена с гримасой боли.

— Умница. Веди.

Неприятностей не ожидалось, их и не последовало. Видно, покровители тоже празднуют, иначе чем еще объяснить такое везение? Все было в точности так, как я надеялась. В купеческом доме и во дворе ни души. Тавиш сбил замок магией, после чего опять пошатнулся, и бледность его приобрела легкий оттенок синевы. Я мысленно записала себе еще одно преступление, конокрадство, мысленно же пожала плечами и вполне реально решительно шагнула в сарай.

Там наколдованный обзрел богатство из четырех лошадей и вывел из стойла двух. Спорить опять желания не возникло.

— А теперь скажи, каким путем лучше выбираться из этих мест? — прозвучал новый вопрос, пока мы общими усилиями седлали лошадей. В

теории умели оба, а вот на практике все оказалось не так легко, поэтому дело двигалось из рук вон медленно.

Это просто. На востоке болота, там и пешком-то не всякий пройдет. На юге заброшенные рудники и граница с Доргисом, несколько приграничных селений и еще рудники, только принадлежащие уже соседнему королевству. Собственно, туда наши купцы и ездят торговать, порой привозят домой какие-нибудь диковинки. На севере леса и редкие селения, ближайшее в четырех днях пути. Значит, остается только одно.

— По большой дороге, через два дня будем в Гилхе, — уверенно сообщила я и улыбнулась, крайне довольная собой.

Но Тавиш спрашивал вовсе не для того, чтобы последовать моему решению.

— Отлично! Значит, так мы точно не поедem.

— Эй, я не глупая! — не сдержала возмущения.

Мужчина чуть улыбнулся и... будто погладил меня взглядом по щеке. Странно так...

— Не глупая, — согласился он. — Но опыта побегов у тебя немного, ведь так? И ум у тебя работает примерно как у всех местных, так что выбираем другой путь.

— Все равно через несколько дней окажемся в том же Гилхе, — примирительно повела плечами я, но и тут меня поджидало разочарование.

— Зачем это? — приподнял белесые брови Тавиш.

Разобравшись с упряжью, он вывел лошадей во двор и магией исправил замок, насколько это было можно, чтобы пришедшие с гулянки работники так сразу ничего не заметили. На бледном лбу выступили частые бисеринки пота.

— Ты ведь сам сказал, что нам нужно в город! — Чувствовать себя неотесанной деревенщиной было очень неприятно.

Издевается он надо мной, что ли?

— Да, но я не говорил, что именно в Гилх, ведь так?

Я явственно ощутила, как краска в очередной раз расплзается по лицу. Точно, не говорил, это я сама додумала. Просто как-то привыкла, что если говорят про город, это всегда Гилх. По эту сторону границы здесь больше ничего нет поблизости. Ну, разве только Терой, но туда целую неделю добираться.

— Нет, — повесила нос я.

Разницы, куда именно ехать, для меня не было, просто в очередной раз стало страшно. Я безобразная, непривычная к другой жизни, кроме сельской. Что я там делать стану? И даже то, что теперь у меня есть деньги,

не особенно радовало. Откуда мне знать, вдруг для города это не такая уж большая сумма?

— Мы отправляемся в столицу, Михаэлла, — добил меня беловолосый нарушитель спокойствия.

В состоянии запредельного изумления я как-то взобралась на лошадь и тряхнула поводьями. Смирная кобылка коричневой масти покосилась на меня хитрым черным глазом и живо потрусилась со двора.

Когда выехали за околицу, я оглянулась, но села за деревьями уже не было видно. Может, поэтому и не дрогнуло внутри ничего.

Мама Мианна занималась со мной географией. Она вообще обучила меня всему, что знала сама. Покопавшись в памяти, я отыскала там названия крупнейших городов королевства, имя короля и даже названия соседних стран. Но все это было сродни одной из сказок из потрепанной книги, которую в детстве мама читала мне перед сном. Словно кусочки чужой реальности. Мой же мир был узок и ограничивался Черным Лесом, болотами и Гилхом, название которого было на слуху. Я точно знала, что в ту же столицу никогда не попаду. Да что уж там, я будто даже не верила в ее существование!

Сейчас границы привычного мира распались, и меня захлестнули растерянность и страх.

По широкой укатанной дороге мы все же поехали, но только до соседней деревни. На самом деле это был придорожный рынок в месте, где сходились две дороги на Гилх, и располагались несколько вольных хозяйств, кормящихся от проезжающих по тракту. В одно из них напросились на завтрак и короткий отдых. Там же за небольшую доплату обменяли лошадей на других.

Одежда на нас была городская, и хозяева с легкостью приняли нас за путников издалека. Тавиш эту легенду поддержал, назвал штук пять совершенно незнакомых мне городов, а потом поведал, что везет сестру к целителю-отшельнику неподалеку от Тероя. Мол, порча на мне. Лицо я старательно прикрывала, а на каждую попытку содрать с меня шаль начинала кашлять. Раза после третьего от меня отстали и, боясь подхватить неведомую заразу, постарались отделаться от нас поскорее.

Уверенность крепла с каждым мгновением. Односельчане меня одну ищут, а тут двое путешественников. И волосы у нас обоих светлые, комплекция костлявая, никто не сомневался в родстве.

Платили мы хорошо, так что в комнату на пару часов нас все-таки пустили. Хотя потом, подозреваю, белье сожгут и ведьму позовут, чтобы ритуал очищения провела. Просто так, на всякий случай.

Спать хотелось мучительно, ну или хотя бы просто полежать неподвижно. Верхом я ездила третий раз в жизни, но впервые так долго. Ноги и спина противно ныли, а попа, которая за последние дни натренировалась чувствовать неприятности, тихонько подсказывала, что это только начало. И все же часть времени, отведенного на отдых, пришлось потратить на то, чтобы осмотреть и заново перевязать рану Тавиша. Она выглядела получше и уже почти не кровоточила. И это совсем без лекарств! Само собой, воздержаться от вопросов я не могла:

— Кто же ты? Как ведьма могла создать мага, который сильнее ее? — Интерес тем более насущный, что мне с Тавишем еще много времени предстоит провести.

— Создать человека... вообще живое существо никакая магия не поможет, — сквозь зубы ответил Тавиш.

Это он от боли.

— Знаю. — Я кивнула. — В смысле, раньше я была в этом уверена.

— Говорю же, ты просто умница, — непонятно чему умилился наколдованный. — И Арина наверняка это знала. А вот Беата — нет, или ей было плевать. Тот ритуал, скорее всего, специально для нее создавали. А значит, в столице у нас есть как минимум еще одно дело: найти идиота, считающего себя умником, и доходчиво объяснить, что так делать нехорошо.

Правильно звучит, но слышать это от того, кто получился в результате того самого ритуала, было забавно. Если только не...

— Все пошло не так, да?

— Угу. И дело даже не в твоём появлении, — подтвердил мою догадку беловолосый. — Просто ничто не появляется из ничего. Один из основных законов магии, между прочим.

Догадки закончились. Я даже бинтовать перестала — притихла и во все глаза взидала на мужчину в ожидании объяснений.

Сжалился он довольно быстро. Наверное, и сам хотел уже наконец поделиться.

— Мне досталось тело парня, который погиб как раз в момент, когда Арина проводила ритуал, — медленно начал он. — Его личность мертва, я получил только тело, основную память и некоторые предпочтения и привычки.

Сглотнуть получилось с трудом. Вот когда вороватая натура моего сообщника проявилась. И, надо заметить, не по его вине. Не зря я всю жизнь магии остерегалась. Жуть берет от таких дел.

Остается только надеяться, что тому, другому, это тело правда было

уже не нужно.

— А внутри? — Желание дотронуться пальцами до лба Тавиша подавила. Даже в процессе работы с раной я старалась лишний раз его не касаться.

Тяжелый взгляд существа, человеческого в котором была разве что оболочка, камнем упал мне на голову. Я даже дернулась.

— Скажу, если пообещаешь, что не сбежишь от меня с воплями.

Надо же, ему тоже бывает страшно! Кто бы мог подумать...

— Л-ладно. — Я испытывала то же чувство, только причины были другие.

— Заодно дай слово, что этому обещанию можно верить. — Требования становились все более абсурдными.

Издевается он, что ли? Не хочет рассказывать?

— Хорошо, — скрипнула зубами я. — Даю.

— Учти, ты пообещала, — тоном ребенка, который собирается сознаться в большой шkode, но лелеет надежду отвертеться от нагоняя, напомнил Тавиш.

Захотелось его стукнуть, даром что раненый!

— Могу еще и клятву на крови принести, — фыркнула я. — Рассказывай уже!

Тяжелый взгляд стал каким-то затравленным. Его золото и лазурь будто поблекли. Тавиш набрал побольше воздуха и быстро выговорил:

— Не надо клятвы, я верю. Ты только не бойся... Я — простейшая демоническая сущность с низшего уровня. В смысле, половина меня. Была, прежде чем попасть в это тело, соединиться с остатками прежней личности и стать мной. Ну вот, сказал. Михаэлла?

Он сразу же принялся тормозить меня, ожидая хоть какой-то реакции, но прямо сейчас реагировать не получалось. На меня напал ступор, еще и дар речи, что называется, пропал.

Вот это меня угораздило! И его. Но меня все-таки больше.

— Так это твоя страшная черная морда нарисована на стене храма, где расписан запрет на темную магию? — сама не знаю, зачем спросила.

Храм в Черном Лесу был старый, еще тех времен, когда богатый землевладелец Ффруа с семейством жил в своем особняке, а на площади перед храмом проводились показательные казни. Лихорадки тогда и в помине не было. Я знаю, потому что наш жрец любит вспоминать те времена, хотя ни он сам, ни его предшественник их не застали. Так вот, стена с запретом еще с тех лет сохранилась. Выцвела, конечно, поскольку никто ее не обновлял, но сохранилась. На ней по-старинному написано, что

если не уничтожать темных магов и позволять им проводить их кровавые ритуалы, то грань истончится и в наш мир смогут прорываться опасные существа с демонического плана. Ну и ужасы такого прорыва подробно нарисованы. Там до того страшные морды, что я в детстве даже ходить мимо боялась.

— Нет, — улыбнулся Тавиш. — Демонические сущности с низшего плана, переходя в этот мир, не получают осязаемой оболочки. Наша же пригодна только для нашего измерения. Жуткие морды и уродливые туши придумали ваши жрецы. Но занимать тела в момент, когда человек умирает, как выяснилось, мы можем. Этому миру повезло, ритуал на меня повлиял, и привязка свое дело сделала. Но поверь, будет лучше, если никто из мне подобных больше здесь не появится.

Я припомнила кражи, мучения Арины, смерть Ритхеля и сочла везение сомнительным.

— То есть возвращаться домой ты не хочешь? — недоверчиво уточнила я.

Перемены бывший демон воспринял слишком легко. Я этого не понимала, потому что сама бы многое отдала, лишь бы только все вернулось на круги своя. Как было до его появления в моей жизни.

— В этот кровавый свинарник? — Наколдованного даже передернуло. — Ни за что! Там кто сильнее, тот и правит балом. Мое же место было... лучше не стану рассказывать где. Что-то вроде твоего статуса в деревне, с той только разницей, что нас таких там сотни, если не тысячи. Лучше умереть, погибнуть, развеяться на всех планах, чем снова хоть на день попасть туда. А вот тут с прежними силами и новым телом у меня есть шанс на нормальную жизнь... Только сначала надо разобраться с Беатой и убедиться, что никакой другой демон сюда не пролезет.

От новой информации голова шла кругом. Пока Тавиш говорил, руки привычно действовали. Я закончила бинтовать и аккуратно разгладила повязку, и только задев ладонью прохладную кожу пациента, пришла в себя и резко отдернула руку.

— И у тебя нет родных или друзей, которых хотелось бы снова увидеть? — И чему, интересно, я удивляюсь? У меня же нет.

— В месте, откуда я пришел, каждый за себя и против всех. Сильные в итоге оказываются на самом верху, хотя все равно прислуживают высшим демонам, нашей аристократии. — Тавиш вытянулся на узкой кровати и прикрыл глаза. Обнаружив, что я не рвусь к ближайшему жрецу или магу и вообще не поменяла к нему отношения, он расслабился и охотно делился воспоминаниями. — Но если хотя бы парочка моих собратьев просочатся

сюда, ты даже не представляешь, какой хаос начнется.

Ладно, ему виднее. Значит, еще и неведомого мага искать. Что-то многовато дел у нас в столице. Но они занимали мысли и отгоняли страхи, так что я не возражала. Потянулась, разминая затекшее тело, и с еле слышным стоном заняла свою кровать. Еще успела порадоваться, что их тут две, прежде чем окончательно упала в глубокую черную пропасть сна.

Но даже там меня не покидала уверенность: постепенно мы со всем разберемся. Вместе у нас неплохо получается.

Отоспаться не удалось. По ощущениям, только глаза успела закрыть, а чья-то назойливая рука уже трясет за плечо. В тот момент я Тавиша почти возненавидела. Но ничего не поделаешь, пришлось глотать зевки, прилагать нечеловеческие усилия, чтобы просто держать глаза открытыми, и лезть на новую лошадь.

Надеюсь, столица стоит этих мучений...

Четыре дня прошли в пути. Мы ехали с раннего утра до позднего вечера. Двигались быстро и не по главной дороге, а по узким тропам, поэтому почти не разговаривали. Ночевали в небольших селениях или, если таковых поблизости не попадалось, вообще в лесу. Тавиш часто менял лошадей и везде, где бы мы ни остановились, прислушивался к сплетням, но о погоне за нами не было слышно ничего.

Ритхеля еще не нашли? В город не сообщали? Слишком заняты дележкой лакомой должности управляющего? Оставалось только теряться в догадках.

Гилх обогнули, а в большой деревне с говорящим названием Болотница сделали привал. Приехали туда в полдень, напросились на постой к одинокой вдове и пробыли до утра следующего дня.

Я хоть отоспалась и разжилась мазью для ноющих мышц, а Тавиш наконец рубаху взамен испорченной купил.

Пока бродили по рынку, прислушивались, о чем люди говорят.

— Хворь... Столько лет не было, и тут на тебе!

— Говорил Ноксане, не надо было пускать ту путницу на постой, недобрая она. Может, черная колдунья, может, еще тварь какая.

В торговых рядах царила тихая паника. Женщины и даже некоторые мужчины замотали лица платками, словно сам воздух мог быть отравлен. Покупателей не было вообще, только мы и еще один путник, съехавший с близлежащей дороги, но он, как услышал про болезнь, сразу уехал, даже не купил ничего.

Страшные подозрения копошились в душе, словно растревоженный

муравейник.

— Не дергайся. — Тавиш слегка сжал мою руку. — Может, это совсем другая болезнь.

— Ты веришь в совпадения? — Сама я верила, но не сейчас.

— Нет, — вынужденно признался беловолосый и уверенно подошел к ближайшему прилавку.

Там продавали творог и молоко, но мы даже не глянули на продукты.

— Что происходит? — поинтересовался наколдованный у торговли.

Однако тучная тетка, только что оживленно переговаривавшаяся с дедком из-за соседнего прилавка, поболтать с приезжим настроена явно не была.

— Иди куда шел, не загораживай мне товар.

— Может, я купить что-то хочу? — возмутился Тавиш.

— Не продается! — рявкнули на него, правда, смотрели неприязненно при этом больше на меня. — Шастают тут всякие, заразу разносят. Твоя девка больная небось.

Приехав в новое место, мы рассказали уже привычную легенду про больную меня и целителя-отшельника. Кто ж знал, что у них тут лихорадка?

Тело стоящего рядом со мной мужчины опасно напряглось, необычные глаза вспыхнули, короткие черные ногти стали отрастать и заостряться.

Торговка заметила нечеловеческие глаза. Цвет ее лица почти сравнялся с цветом творога, который она продавала.

Пока не случилось ничего непоправимого, я поспешила вцепиться в рукав спутника.

— Идем отсюда. Лучше хозяйку расспросим, она-то должна знать.

Взгляд жутких глаз переместился на меня. Тавиш медленно кивнул.

— Спасибо, — прошелестел он, когда мы отошли от рынка на несколько шагов.

— За что?

— Что не дала наделать глупостей.

К человеческой жизни он еще не привык. И не всегда знает, как надо реагировать, не всегда может справиться с собой. Но, как ни странно, страха я почти не испытывала. Только сочувствие и немного беспокойства. Надеюсь, его приняли за мага, а не за «какую-нибудь тварь».

В свете новой информации как-то даже странно, что нам сдали комнату. Тавиш щедро платил и вообще умел убеждать, но ведь не могла вдова не осознавать опасности. Вдруг я правда больная? Впрочем, отчаянных людей, жаждущих заработать, всегда хватало, может, и эта из

таких.

Заразиться мы не боялись, так что еще некоторое время походили среди прилавков и все-таки нашли того, кто продал нам еды на сегодня и в дорогу. А на пути к временному пристанищу встретили проезжего торговца, у которого купили сменную одежду.

К дому подошли уже в сумерках.

— Ешь и ложись отдыхать, завтра разбужу перед рассветом, — скомандовал Тавиш.

Не то чтобы я подчинилась, просто есть и спать действительно хотелось. Но он, удостоверившись, что я делаю, как велено, направился к выходу — не среагировать на такое было сложно.

— А ты? Куда ты вообще?!

— С хозяйкой поговорю, — мирно отозвался наколдованный.

Так и планировалось, но что-то мне беспокойно стало.

— Я с тобой!

— Оставайся здесь. — Тавиш оглянулся и грозно сверкнул на меня глазами.

— Но...

— Только мешать будешь, — церемониться он не собирался. — Вдруг она побоится заразиться от тебя и не станет говорить. А так я хоть обстановку разведую.

Решив, что в его словах есть доля правды, я послушно вернулась к еде.

Дом был поделен на две части. Одну когда-то занимали свекор со свекровью, а другую Адлава с мужем. Это вдова рассказала, когда показывала нам комнату. Входы были отдельные, и чтобы увидеть хозяйку, Тавишу пришлось выйти из дома, обогнуть его и войти с другой стороны.

Перед внутренним взором всплыл образ молодой еще вдовы. Она была даже моложе, чем ведьма Арина, и, пожалуй, такая же красивая. Впрочем, мне все казались красивыми, кто не имел страшных отметин на лице. На миг я задумалась, с чего бы молодой женщине было идти замуж за старика. Но меня это не касалось, и я скоро снова вернулась к еде.

Закончив, оставила порцию Тавиша на столе, аккуратно прикрыв салфеткой, а остальное уложила в сумку, чтобы завтра с этим возиться не пришлось. Потом, опасливо оглядываясь, разделась и растерла болящее тело мазью. От одной мысли, что завтра вновь придется трястись в седле целый день, плакать хотелось. Казалось, эта дорога не кончится никогда.

Терпеть было бы легче, если бы далеко впереди меня ждало что-то стоящее. Но в то, что столичный маг избавит меня от уродства, верилось не больше, чем в одну из сказок, рассказываемых когда-то мамой Мианной.

Будущее виделось туманным и не особенно радостным.

Под эти унылые мысли меня затянуло в сон.

А когда проснулась, кругом было темно, тихо... Тавиша на его койке не было, а его ужин так и стоял на столе.

Спина моментально покрылась испариной. Так страшно стало, что даже вдохнуть не сразу удалось. Хоть бы он не натворил чего! Или с ним не натворили! Подгоняемая невнятным, но сильным предчувствием, я выпуталась из одеяла, сунула ноги в туфли и на цыпочках прокралась к входу на хозяйкину половину.

Небольшое расстояние преодолевала, кажется, целую вечность. Ноги тряслись и так и норовили соскользнуть с натоптанной тропинки туда, где были посажены яркие душистые цветы. Кожу покалывало от глупого детского страха: будто бы за каждым яблоневым стволом, за забором и за углом дома обязательно притаилось по монстру. Большому, зубастому и очень кровожадному. И сейчас они все как выскочат... как набросятся...

Пока дошла, вконец запыхалась.

Не до двери, всего лишь до окна. Оно было распахнуто, а там... Я не хотела подглядывать, честно! Просто они так громко дышали... А еще смеялись и перешептывались между поцелуями.

— Мм-м... Да... Еще! — Звуки, которые издавала вдовушка, смутно походили на предсмертные всхлипы, только смысл разнился.

— Дорогая, да ты просто огонь. — Тавиш урчал, как довольный зверь.

— Кто бы говорил, — хихикнула женщина и, не стесняясь наготы, перевернулась так, чтобы расположиться на любовнике. — Сам накинулся на меня, будто год женщины не видел. Ладно я в этом захолустье, но ты-то... мм-м... мм-м!

Она затронула опасную тему, и Тавиш поспешил переключить внимание не в меру наблюдательной особы на другое. Два обнаженных тела покатались по грубым простыням, прижимаясь друг к другу, сплетаясь, ритмично двигаясь.

Прижав ладони к пылающим щекам, я отпрянула от окна и прислонилась спиной к стене рядом с ним. Было жутко стыдно. Почему-то мне. Слава покровителям, эти двое были слишком заняты, чтобы меня заметить, а то потом не знала бы куда глаза деть! Но все равно как-то... не так. Тавиш-то каков! Не получилось со мной, накинулся на другую первую встречную. А она... девка развратная! И ведь им обоим все равно, что завтра он уедет и они больше даже не увидятся никогда.

А я... Дура. Редкостная. Среди ночи проснулась, испугалась за него. А он в это время развлекается!

Небось эта вдовушка с радостью комнаты сдает всем проезжим мужчинам, и ее не волнует, заразные они или нет!

Закусив губу до боли, я торопливо направилась к себе, где спряталась с головой под одеялом, но укрыться от мыслей об увиденном так просто не удалось. Они упорно лезли в голову, мелькали перед глазами яркими образами, не давали снова уснуть.

Странно, вообще-то. Я всегда легко относилась к тому, что происходит в Ночь покровителей в лесу. И вообще ко всему подобному. Сама развратницей не была, где мне с таким-то лицом, и когда Тавиш на меня набросился, жутко испугалась, но других никогда не осуждала. Теперь же чувствовала стыд, злость и какую-то непонятную обиду. Раздражало и поведение красивой и одинокой женщины, и то, что Тавиш решил воспользоваться ситуацией. Но больше всего злил тот факт, что мне самой не все равно.

Понять почему, получилось не сразу. Вдове я не завидовала, велико счастье — переспать с почти незнакомым... демоном. Вот бы я посмотрела на ее личико, если б она узнала, с кем спуталась! Что Тавиш не будет отказывать себе в плотских удовольствиях, тоже предполагалось. Он сам об этом прямо сказал. И меня, если уж на то пошло, это никак не касалось. Тогда что? Промаявшись часа два без сна, пришла к выводу, что просто боюсь остаться одна в большом городе. Вдруг там ему вскружит голову какая-нибудь красотка, он и бросит меня с моими проблемами наедине? Что тогда стану делать?

Разобралась в себе, и стало легче. Но уснуть все равно не получилось, так и промаялась до утра. Вернее, до того момента, когда наколдованный появился в комнате и громко сказал:

— Соня, подъем! Адлава завтрак готовит, сейчас поедем — и в путь.

Поганец был бодр, полон сил, возмутительно доволен жизнью и сиял, как свежееотчеканенный медяк. В смысле, не очень заметно, но я уловила.

Он как раз приблизился, чтобы потормошить меня за плечо, но я и сама пошевелилась, потом медленно села. Почему-то не хотелось, чтобы он меня коснулся. Медленно, будто воздух вокруг стал густым и двигаться в нем было тяжело, Тавиш убрал уже протянутую ко мне руку.

— А что это она вдруг такая добренькая? — недоверчиво сморщила нос я.

Нет, я-то прекрасно знаю. Просто интересно, что он скажет.

— Какая нам с тобой разница, — невозмутимо пожал плечами бывший демон. — Надо пользоваться, пока есть возможность.

Признаваться в ночных похождениях он не собирался. Может, так и

относится ко всему — пользуется, раз подвернулся шанс? И мной наверняка тоже пользуется. От этой мысли что-то едкое разлилось внутри. Впрочем, что это я, мне самой наш союз спас жизнь и свободу, так что глупо жаловаться.

Вытолкав шутливо сопротивлявшегося мужчину за дверь, я наспех оделась.

После нескольких дней пути штаны сели как родные. Будто бы я всю жизнь в такой одежде ходила. А ведь еще неделю назад даже не подозревала, насколько это удобно...

За завтраком хозяйка с Тавишем вели себя как совершенно чужие люди. Она делала вид, будто просто оказывает нам услугу, накормив. Не бесплатную, разумеется. И если, когда он не смотрел, Адлава так и облизывала наколдованного взглядом, то Тавиш интересовался исключительно едой. Притом ел он, как настоящий демон, — много и жадно. Хорошо, хотя бы аккуратно. Но и говорить при этом успевал.

— И что сделали с той женщиной? — по-видимому, это продолжался не законченный вчера разговор.

Я жевала оладушки с медом, совершенно не чувствуя вкуса. Так и подмывало спросить, что он вчера полночи у хозяйки делал, раз не удосужился расспросить о главном. Но я прикусила язык и в очередной раз напомнила себе, что меня это не касается. Я бывшему демону в няньки не нанималась.

— Странно с ней получилось, — поджала губы Адлава. — Она пешком пришла. Наши все еще удивились: тут ведь рядом ничего нет и обозов в тот день не было. Но одета была хорошо, за комнату вперед заплатила, вот моя соседка ее и пустила. Потом уже оказалось, что девка больная была, Ноксана вместе с ней тем же вечером слегла. А постоялица ушла, правда недалеко, мужики два дня назад в лесу тело нашли.

Вдова еще какое-то время удивлялась, мол, откуда странная болезнь взялась, у них такой отродясь не случалось. Жар, бред, страшный кашель, а вчера вечером у одного из заболевших лицо стало язвами покрываться. Точно такие были на теле, которое сожгли, чтобы зараза не распространялась.

Интерес к еде я окончательно растеряла.

Знакомая болячка. Но откуда?! Да еще в том самом виде, в каком бушевала пятнадцать лет назад в совершенно других местах...

Бедные, они пока разберутся, как за больными ухаживать, чтоб у них были шансы и зараза не распространялась, полдеревни вымрет.

Надо как-то помочь.

Как раз на этой мысли Тавиш встал из-за стола.

— Спасибо, Адлава, но нам уже пора, — вежливо, но безразлично кивнул он женщине. — Некогда рассиживаться, если хотим через два дня быть в Терое.

— Конечно-конечно, — понимающе, но как-то уж очень разочарованно закивала та и даже проводила нас до калитки.

Тут лошадей не меняли, нашим хватило времени отдохнуть.

Адлава стала ему уже не интересна, и Тавиш даже не смотрел на нее, в то время как я еще долго ощущала спиной пронзительный взгляд. Когда же отъехали достаточно далеко, бывший демон нагнулся в мою сторону и прошипел:

— Тебя это не касается. Пусть разбираются со своими проблемами сами.

Надо же, как хорошо меня изучил. Я насупилась.

— Хотя бы расскажу местному лекарю, что надо делать.

— Для начала — не пускать на постой всякий сброд, — фыркнул бывший низший демон. Хотя, посмотреть на его поведение, так не такой уж и бывший. — Даже за деньги. Даже за очень большие деньги.

Высказывание возмутило и повеселило одновременно.

— Эй, вчера утром мы с тобой сами во все двери стучались! — напомнила я.

Однако признавать свою неправоту Тавиш не умел.

— Но я же не заставлял нас впускать, — заметил он. — Даже когти не показывал.

В другое время я бы сдалась и потом еще некоторое время испытывала из-за этого муки совести. Но сейчас была такая злая... а бывший демон такой довольный... в общем, некоторое время мы еще пререкались, после чего я, не предупреждая и не спрашивая разрешения, направила лошадь в сторону деревянного сруба с табличкой, на которой значилось, что там принимает лекарь.

Позади раздался глухой рык, но уже через несколько мгновений стало ясно, что Тавиш следует за мной. И вовсе не с намерением взять за шкуру и вернуть на правильный, по его мнению, путь.

— Упрямая девчонка, — пробормотал себе под нос демон.

А потом и вовсе вызвался самолично поговорить с лекарем. После случая на торговых рядах он смело мог назвать себя магом, ничего ему не сделают, самое худшее — забоятся. А вот как ко мне отнесутся, особенно если увидят лицо, неизвестно.

Пришлось рассказывать, что сама знаю, ему. А потом вставать у окна и

прислушиваться, не перепутал ли чего.

Но память у наколдованного оказалась отличная, и не прошло и получаса, как мы наконец покинули деревушку.

— Это была последняя дыра, в которой мы останавливались, — с видимым облегчением сообщил беловолосый.

Посмотреть на большой город в глубине души хотелось, я ведь даже в Гилхе ни разу не была. Но и страшно было. И за людей в деревне, одолеваемых хворью, я переживала. А потому на душе скребли кошки и вообще не было никакого желания разговаривать.

Тавиш же, напротив, хорошего настроения не растерял и то и дело пытался завести разговор. Я не реагировала. В конце концов он обреченно вздохнул и попытался переключиться на осмотр окрестностей.

Ненадолго, потому что я опять отличилась.

В ветках колючего кустарника будто блеснуло что-то... Под одежду пробрался холодок неясного предчувствия, но я не успела обратить на него внимание. Уж слишком быстро все произошло.

Лошадь, на которой я сидела, внезапно заинтересовалась тем самым кустом, ее даже колючки не смущали.

Я не сразу заметила запутавшуюся в ветвях цепочку с простеньким медальоном, а когда заметила, растерялась и не сообразила одернуть животное.

Тавиш, который ехал всего на пару шагов впереди, тоже это увидел, побледнел и стремительно рванул ко мне:

— Михаэлла!

А?! Что?

Зеленая вспышка ослепила.

Лошадка взбрыкнула. Меня сильно мотнуло, потом вообще швырнуло в сторону. Еще и ногу больно вывернуло, когда она выскальзывала из стремени.

Ну все, сейчас точно убьюсь...

Я зажмурилась, даже дышать перестала.

Но за миг до болезненной встречи с землей за воротник плаща успела схватиться сильная рука.

Еще раз полыхнуло. И стало будто бы больше места.

— Цела? — пропыхтел в макушку Тавиш, втаскивая меня на лошадь и сажая перед собой.

— В-вроде... — Только ногой ударилась, глаза до сих пор жжет и испугалась так, что даже дрожать не получается, но жаловаться я как-то не привыкла.

— Вот и ладно, — пробормотал мужчина и прижал меня к себе так крепко, что дышать стало трудно.

Сморгнув пелену слез, я разглядела, что второй лошади рядом нет. В смысле, вообще нет! И цепочки тоже нет.

— А что это вообще было? — спросила, чувствуя, как сердце испуганно трепещет в груди.

— Амулет переноса с большим зарядом, — буднично сообщил Тавиш. И, поразмыслив немного, добавил: — Понятно теперь, как та больная попала в деревню.

Понятно ему! Как по мне, вопросов с каждым днем становится все больше. Еще и амулет какой-то... В общем, действительно ясно было только одно: лошади у меня теперь нет, взять ее негде, так что два дня придется ехать с Тавишем. Особой радости по этому поводу я не испытывала, но прижавшись затылком к его груди, неожиданно почувствовала себя в безопасности.

— Впредь будь внимательнее, — прозудел над ухом опомнившийся от потрясения наколдованный.

И мы наконец поехали.

Глава 6

Два дня пути до Тероя прошли спокойно, и единственным неудобством так и осталось то, что ехать приходилось на одной лошади. Но оба понимали, что это всяко лучше, чем идти пешком. И ночевка в лесу никого не смутила. Тавиш разжег костер, погода стояла сухая и теплая... и тут не было хозяек сомнительного поведения, готовых соблазнить симпатичного постояльца.

Наколдованный по этому поводу печально вздохнул пару раз, а я потом весь вечер над ним подтрунивала.

Приезд в город мы восприняли по-разному.

— Ух ты!

Мы как раз въехали в огромные ворота, охраняемые стражниками в форме, и я вытягивала шею, чтобы получше рассмотреть высокие каменные здания, платья попадающих на пути дам, красноватые закатные блики на стенах. Все такое красивое, будто бы я все-таки попала в сказку. Нам даже настоящая карета встретилась.

— Очередная дыра, — скривился Тавиш, отгоняя от лошади нескольких мальчишек, которые предлагали ее почистить за монетку.

— Тебе не угодишь, — нахохлилась я.

Нет, ну красиво же! Что ему не нравится?

Народу на улицах было не особенно много, но достаточно, чтобы на нас не обращали внимания. В Терое вообще люди друг на друга не особенно засматривались. Это мне понравилось, но я все равно поплотнее завернулась в шаль.

— В столице будет в самый раз, — ответил Тавиш, хотя этого от него никто и не ждал. — Поехали сразу на вокзал, узнаем, есть ли билеты. Может, удастся уехать еще сегодня.

Идея мне не понравилась. После двух дней в седле все тело ныло, хоть и значительно меньше, чем в самом начале нашего путешествия. Хотелось помыться и спать, ну, в крайнем случае, можно еще поесть, но уж точно не ехать еще куда-то. Но капризничать не стала, вместо этого смиренно кивнула. Ни к чему корчить из себя неженку.

— А долго до столицы добираться? — Ждать легче, когда точно знаешь, на что рассчитывать.

Я готовилась услышать что-то о нескольких днях, а то и неделях, но Тавиш меня в очередной раз поразил:

— Часа четыре.

От удивления я чуть с лошади не бухнулась, хоть он и держал.

— Что же мы сразу туда не поехали? — переспросила опасливо. Не покидало чувство, что вот сейчас он рассмеется и скажет, что пошутил над доверчивой деревенской дурочкой. — Зачем было заезжать в Терой?

— Разумеется, чтобы купить билеты в летучий экипаж, — снисходительно улыбнулся мужчина. — Я хотел сказать, четыре часа лету, при условии, что пойдем через сеть порталов.

В этом месте нижняя челюсть стала какой-то уж очень тяжелой, пришлось сосредоточиться на том, чтобы не выглядеть глупо с открытым от изумления ртом. Тут уж не до болтовни!

Сельской жительнице, непривычной к шуму и широким улицам, город казался просто огромным, однако до вокзала мы добрались быстро. Там я пришла в еще больший восторг, онемела и едва не упорхнула в какое-то другое измерение. Я знаю, такие точно есть, Тавиш же откуда-то явился!

Большое трехэтажное здание казалось бордовым в лучах заходящего солнца. Стены так и искрились блестящими вкраплениями в камне, из которого они были сложены. Окна затемненные... и зачем такие вообще нужны? Не видно ведь ничего. А крутом столько народа, что голова идет кругом. И все спешат, бегут куда-то, галдят...

Суматоха наколдованного не смутила. Он остановился у коновязи, бросил подбежавшему мальчишке поводья и пару монет, потом взял меня за руку и решительно потащил внутрь. Мне только и оставалось, что втянуть голову в плечи и семенить следом.

Растолкав всех, кто мешал, и невозмутимо проигнорировав последовавшую за этим ругань, Тавиш остановился перед магической таблицей с направлениями и принялся ее изучать. Я умела читать, но тут ничего не разобрала. Надписи мерцали, часто сменяли друг друга, сползали вниз, громко объявляли что-то координаторы, носились, играя в салочки, дети. В отличие от меня они совершенно не боялись происходящего и ничему не удивлялись, а их родители спокойно наблюдали за чадами, сидя на скамейках. Некоторые что-то жевали, другие читали газету или переговаривались вполголоса.

Переведя взгляд с расписания полетов на веселящуюся малышню, я отметила нарядные платья девочек и щегольские костюмы мальчиков. Нашим сельским такие даже по праздникам не надевали, не то что в дорогу. Испортят ведь! А тут никого это, кажется, не волновало, родители даже не ругали безобразников, когда те падали или цеплялись за что-нибудь.

В общем, я в очередной раз почувствовала себя здесь чужой. Но

впервые ощутила зарождающееся желание влиться в эту незнакомую, но такую притягательную жизнь.

— Ну что там? — осторожно тронула Тавиша за рукав.

А то он, кажется, вознамерился выучить расписание наизусть.

— На сегодня в нашу сторону ничего нет, — не скрывая разочарования, сообщил демон. — Ближайший экипаж завтра в полдень.

Значит, спать. И мыться. И есть. А жизнь-то налаживается!

Ни на шаг не отпуская меня, он подошел к кассе, купил билет, после чего мы отправились искать место ночлега. Можно было прямо тут на втором этаже поселиться, но кто-то привередливый сморщил нос и заявил, что ему шум спать не даст. И потащил меня в город. Прогуляться и поглазеть по сторонам я была совсем не прочь, вот и не стала спорить.

Местные постоянные дворы чем-то походили на особняк Ффруа. Но угодить моему спутнику было не так-то легко. В первом, на его притязательный вкус, было слишком шумно, во втором, попавшемся нам, — грязно, третий он вообще обозвал дырой и без всяких объяснений поволок меня дальше. Справедливости ради стоит отметить, что не мы одни перебирали, я лично заметила одну семью, которой тоже все три места не понравились. А значит, может быть, Тавиш прав, а мне после моей избушки все, что чуть больше и богаче, дворцом кажется. Но усталость нарастала, а вместе с ней и раздражение.

В конце концов я не выдержала и, когда наколдованный собрался отместить и четвертый вариант, недовольно спросила:

— Твоя демоническая половина что, в хоромах жила? Не в королевском дворце, часом? А то мне что-то припоминается про свинарник.

Тавиш слегка поморщился и чуть слышно ответил:

— Это у меня от человека. Говорил же, многие черты новая личность переняла от него.

— Так понимаю, скромность, непритязательность и терпение тебе не достались? — Слегка задевать его оказалось даже интересно.

— Понятия не имею, что это такое, — весело подмигнул мне этот невозможный бывший демон. — Ладно, так и быть, поселимся здесь.

Комнатка с двумя узкими кроватями была чистой и окнами выходила во внутренний дворик, а не на шумную улицу. Умывшись и растянувшись на матрасе, я оказалась совершенно счастлива и больше не хотела ничего, вообще до утра не собиралась шевелиться... пока в поле зрения не появился свежeweмытый Тавиш и не потащил меня ужинать.

Я стенала, ругалась и вяло сопротивлялась, но когда это его

интересовали чужие желания?

Впрочем, у двери наколдованный остановился и подал мне шаль. Ох, чуть не забыла! Но не успела я в нее укутаться, как ловкие пальцы подцепили прядку моих волос и высвободили ее из тугого узла.

— Ай! — Больно, между прочим! — Что ты делаешь?!

Сонливость как рукой сняло. Да с таким спутником расслабляться нельзя, с ним глаз да глаз нужен!

— Любуюсь, — как ни в чем не бывало признался Тавиш, пропуская светлую прядку между пальцами, так и эдак забавляясь с ней, пока я не потеряла терпение и не отобрала у него игрушку. Но запретить болтать я ему не могла, так что меня в очередной раз поразили: — Тебе не стоит прятать эту красоту, распусти волосы.

— Вот еще, это неприлично! — возмутилась я. — Не хватало, чтобы меня приняли за девку сомнительного поведения!

— В окно посмотри, темнота! — Бывший демон терпеть не мог, когда с ним не соглашались. — Многие женщины так ходят. А незамужние девушки особенно. Этим они как бы дают понять, что готовы обзавестись поклонником, а то и женихом.

— Но я не... — попробовала еще поспропротивляться, но это было быстро оборвано.

— А кто мне по секрету признался, что хочет замуж, детей и вообще стать приличной матроной?

Я же не в себе была! Но что ему доказывать! Это то же самое, что беззубой старухе пытаться сгрызть камень. Так что я одарила противника разъяренным взглядом и демонстративно принялась приводить прическу в порядок.

Но что полностью извиняло Тавиша в моих глазах, так это то, что он единственный не считал меня убогой или второсортной. Он искренне думал, что я могу получить все то же, что и другие девушки моего возраста. Не делал между нами никакой разницы, будто мое испорченное лицо не имело никакого значения. Это было ново и приятно. И не давало нормально на него разозлиться.

Руки торопливо выполняли привычные действия, а перед мысленным взором в это время мелькали образы женщин, которых я сегодня рассматривала на вокзале или на улицах города. Только сейчас, хорошенько повспоминав, заметила, что действительно многие из них не делали никаких причесок, просто оставляли волосы свободно лежать на плечах. И это было красиво.

Значит, Тавиш не соврал и не подшутил надо мной.

Но это ничего не меняет!

— И шаль нелепую сразу по приезде в столицу можешь выкинуть. — Почему-то вопрос моего внешнего вида волновал Тавиша едва ли не больше, чем меня саму.

— Предлагаешь поразить взоры столичных жителей моей красотой? — фыркнула я, закрепила последнюю шпильку и, да, завернулась в шаль. И ничего не нелепо! Может, я скромная воспитанная девушка! — Они могут и не выдержать такого зрелища, а я на костер по обвинению в колдовстве что-то не хочу.

Этот наколдованный определенно плохо на меня влияет! Чуть больше недели в его обществе, а я уже пререкаюсь и ничего не боюсь.

— Нет, предлагаю купить несколько шляпок с вуалью и кружевную маску, — уточнил Тавиш и категорично добавил: — Даже не предлагаю, настаиваю!

На первом этаже постоялого двора располагалась таверна, туда мы и отправились. И если, спускаясь по лестнице, я еще собиралась пискнуть, что приличной женщине в такое место даже заглядывать не следует, то увидев, как прямо перед нами в распахнутую дверь прошло вполне респектабельное семейство — муж, жена и двое сыновей-близнецов лет двенадцати, — я прикусила язык и твердо решила, что с отношением к жизни пора что-то делать.

Тавиш выделяться не стал, сразу занял свободный стол и заказал жаркое, яблочный пирог и травяной чай. От запахов, витающих в полутемном зале, даже у меня аппетит проснулся, так что свою тарелку я ждала с нетерпением, а пока разглядывала убранство и людей. Тавиш занимался точно тем же, но если меня интересовали искусственные цветы, наряды и поведение женщин, то его взгляд подолгу задерживался на смазливых подавальщицах, и отнюдь не по лицам блуждал!

Решив, что упыря только осиновый кол исправит, я постаралась не обращать внимания.

Ели молча, но от этого было только уютнее. Гомон таверны отошел на второй план, блюда оказались настолько же вкусными, насколько ароматными, и Тавиш наконец перестал глазеть по сторонам.

Но мыслей своих не оставил, в этом я убедилась, когда принесли пирог.

— Милая, — наколдованный аккуратно придержал за локоток работницу, составляющую тарелки с подноса, — передай от меня во-о-он той чернявой, что ее глаза как два бездонных черных озера, а губы я готов целовать всю ночь до рассвета. — И указал на столик в центре зала, где

ужинали две девушки примерно моего возраста.

Подавальщица хихикнула и кивнула:

— Хорошо.

Я подавилась. Нет, он все-таки неисправим!

Пирог после этого оказался уже не таким вкусным, как жаркое, но отказывать себе в сладком я не стала. Тем более пить и вправду хотелось, тут чай пришелся очень кстати.

Краем глаза следила, как служанка подошла к указанной Тавишем девушке, забрала у нее опустевшую чашку и, склонившись к самому уху, сказала несколько слов. Очевидно, передала послание, потому что в наколдованного на миг уперся взгляд незнакомки. Он ответил ей своим — вызывающим.

Она криво усмехнулась, встала из-за стола и стремительно направилась к нам.

Злорадство во мне предвкушающе потерло ладоши. Сейчас кто-то будет бит!

И этот кто-то, пожалуй, заслужил хорошую оплеуху.

Но ему неоправданно везло. И несправедливо!

— Прошу прощения, господин, — с вежливой улыбкой начала черноволосая красотка, — не сможете разобраться с картой? А то мы с подругой совсем запутались...

Держалась она уверенно, из чего само собой следовало, что первой заговаривать с мужчинами ей не впервой.

Другая девушка, оставшаяся за столом, как раз вытащила из кармана свернутую трубочкой карту, выразительно постучала ею по столу и смущенно улыбнулась.

— С радостью. — Тавиш поднялся, вальяжно, словно хищник, вышедший на охоту, поймал ручку незнакомки и слегка коснулся ее губами. — Но думаю, наши географические изыскания лучше перенести в номер. К чему портить хорошую карту липким столом.

Предложение было воспринято благосклонно, только одно еще волновало темноволосую участницу этого маленького спектакля:

— А ваша спутница не станет возражать? — Мне достался опасливый взгляд.

— Нисколько, — ослепительно улыбнулся бывший демон, а ныне просто искуститель. — Моя сестра относится снисходительно к маленьким слабостям своего брата. — Тут он посмотрел на меня едва ли не с обожанием.

— В таком случае, ждем вас через час в восьмой комнате. — Она даже

намек на реверанс изобразила. — Я — Кэлла, а мою подругу можете называть Нарьей.

— Тавиш, — представился наколдованный и проводил девушку долгим взглядом.

А когда она ушла, снова занял свое место и как ни в чем не бывало продолжил есть.

Я наблюдала вопиющее действо с приоткрытым от изумления ртом, тихо радуясь, что шаль все скрывает. Но пока приходила в себя, кто-то прожорливый успел умять весь пирог. Хорошо хоть в мою чашку не залез!

Обозрев оставшиеся на тарелке крошки, я дала волю вредности:

— И тебя не смущает, что их двое?

— Так еще пикантнее, — не прекращая жевать, сообщил этот... неудавшийся магический эксперимент, вот!

Зла на него не хватает. Ну неужто больше заняться нечем, кроме как волочиться за каждой юбкой?! Раздражает.

— Ведьма тебя бабником не колдовала, — не могла прекратить ворчать я. — Это остатки демона?

— Не-а, еще одна привычка этого тела. — Тавиша вторжение в личное ничуть не смутило. — Оно хочет часто и много. Из-за проклятой ведьмы, желательно бы с одной, но за неимением подходящей сойдут и разные женщины. Надеюсь, ты не завидуешь?

Задал провокационный вопрос и попытался заглянуть в недра шали, но в зале царил полумрак, и куталась я умело, так что ничего у него не получилось.

— Нет уж, мне вполне комфортно в роли сестры, — ответила прочувствованно.

Правда, так и есть. Вот если бы брат еще попался более разборчивый в связях... А лучше, скромный и воспитанный юноша. О большем и мечтать было бы нельзя.

— Славно, — с какой-то непонятной интонацией ответил наколдованный и поднялся со своего места. — Допивай быстрее, а то у меня свидание.

Тавиш ушел к назначенному часу, а я осталась одна. Поначалу усталость просто свалила с ног, но вот странность — на то, чтобы выспаться, хватило пары часов, остальное время я ворочалась, чутко дремала, потом снова вертелась на ставшем вдруг жестким и неудобным матрасе. Страхи будоражили, казалось, кто-то обязательно крадется по темному коридору. Каждый шорох заставлял вздрагивать и нервно ежиться.

Мысли о будущем дне тоже получались какие-то заполошные. Предстоящий полет нервировал, а большой город теперь внушал больше опасений, чем любопытства.

Как можно заставить экипаж летать? А вдруг он упадет?

И что, если в столице меня уже поджидает науськанная Ффруа стража?

Ой, мамочки, страшно-то как... Даже ладошки вспотели.

Притихла я, только когда Тавиш вернулся. Под утро. Но отнюдь не потому что успокоилась, просто не хотела, чтобы этот развратник заметил, что не сплю. Еще подумает, что правда завидую! Или еще какую гадость. Он может, тут без сомнений.

Наколдованный рухнул на свою кровать и сразу же мирно засопел. Я же подавила желание его чем-нибудь хорошенечко треснуть и еще некоторое время изображала сладкий сон. Пока в окно не прокрался первый золотистый лучик рассвета.

С его появлением все страхи будто бы испарились.

Я улыбнулась новому дню, влезла в чистую одежду — синий дорожный костюм, нижняя часть которого была представлена узкими штанами, удлиненную белую блузу с множеством мелких черных пуговиц и... удивилась до вскрика, найдя на дне сумки мягкие коричневые сапожки. Размеры у нас с Тавишем были очень разные, несмотря на его кажущуюся худобу, так что сомнений в том, что красота предназначена именно мне, не возникло.

Какой же он все-таки... замечательный.

Но гад порядочный. Что и говорить, бывший демон и вообще ошибка магии.

Однако лучшего спутника, сообщника... друга? Да кого угодно! Кем бы он ни был, лучшего пожелать было нельзя. Себе можно и признаться.

Зависть к ведьме Арине и ее красным сапожкам исчезла. Ее место в душе заняло что-то приятное, щекотное и немного пьянящее.

Из чувства благодарности будить отсыпающегося после бурной ночи «братца» не стала. Завтракать пошла одна.

А в таверне произошло невероятное...

Сначала я наткнулась на уезжающих Кэллу с Нарьей. Девицы шли к выходу, а местный слуга тащил за ними большущие чемоданы.

При виде меня обе они жутко смутились, покрылись густым румянцем и отвели взгляды, но стоило нам разминуться, как обе развратницы тихонько захихикали.

Через минуту девушки погрузились в наемный экипаж и уехали, а мне будто стало свободнее дышать. Что ни говори, а к городским нравам я еще

не до конца привыкла. Две незамужние девушки путешествуют одни... и весело проводят время с полузнакомым мужчиной... Бр-р!

Заняла свободный столик, заказала блинчики с джемом и чай и в ожидании заскользила взглядом по небольшому залу. Сейчас здесь было светло, солнце било прямо в окно, отчего каменная кладка стен и деревянные столы казались будто подсвеченными золотым сиянием. Кругом было чисто, из кухни прилетали вкусняющие ароматы, и народ все прибывал и прибывал. Скоро свободных столов не осталось.

А если свободных нет, значит, можно подсесть к кому-то. Логично, вообще-то, но я все равно подпрыгнула, услышав рядом с собой тихий от смущения голос:

— Можно к тебе сесть? — И, заметив мою реакцию, обладатель тихого голоса еще более смущенно пояснил: — Мест нет, а в такое раннее время тут самая вкусная еда. Прости, что напугал.

Улыбка наползла на губы сама собой. Еще мгновение мне потребовалось, чтобы сообразить, что ее под шалью не видно, и кивнуть.

— Да, пожалуйста.

Аккуратно повернув голову, я смогла рассмотреть нарушителя спокойствия. Молодой человек лет двадцати на вид сразу же занял свободный стул, но небольшой рост парня заметить я успела. Он был немного полноват и, похоже, стеснялся этого, но некоторую несуразность окупали лучистые голубые глаза, светлая улыбка и ямочки на пухлых щеках. Костюм был дорогой, бархатный, в застежках сияли дорогие камни, а на пальце — кольцо-печатка со знаком торговой гильдии. Из-за близости к границе в Черном Лесу бывали, а то и вовсе селились многие купцы, так что я знала, что такое колечко — огромная редкость. Получить его почти невозможно. Их сейчас можно увидеть только у потомков основателей торговой гильдии, новые в лучшем случае раз в десять лет вручают.

Завидев обеспеченного посетителя, к нашему столу тут же подпорхнула подавальщица, и ближайшее время парень был занят тем, что делал заказ. Но в отличие от некоторых смотрел он при этом исключительно в лицо девушки, ни разу не соскользнул взглядом к внушительных размеров декольте, к ее большому разочарованию.

Когда же служанка ушла, он чисто из вежливости вновь обратил внимание на меня:

— Прости, пожалуйста, я не представился. Видел бы меня отец, точно бы дал оплеуху, — затем встал и галантно поклонился: — Гордик Изенк, купец в девятом поколении. Будете в Кальпоте, непременно заходите к нам в ювелирную лавку, синие сапфиры вам очень пойдут.

Покровители, я понятия не имею, где это...

— Михаэлла, — пролепетала чуть слышно.

Вот так, без фамилии, потому что до смерти боялась, что он мог видеть ее на листовке с припиской «Разыскивается!». А еще не встала и не сделала реверанс, просто не умела.

Одновременно улыбалась и отчаянно краснела под шалью.

Зачем только вышла из номера одна? Почему не дождалась Тавиша? Как же неловко!

Но Гордик сделал вид, что не заметил моих оплошностей. Он снова сел и продолжил разговор:

— Не прими за бестактность, но нехорошо, что такая симпатичная девушка путешествует одна. Опасно. И неприлично.

Сказано это было до того естественно, немного осуждающе и даже самую малость обеспокоенно, что я опять разулыбалась. Какой же он все-таки смешной!

И воспитанный. Ничего, что слегка старомодный.

— А я не одна, брат в номере спит, — поспешила заверить собеседника, чтобы не думал, будто я какая-то там... — Он устал, вот я и пожалела будить, одна завтракать пошла.

Не обязательно ведь уточнять, от чего именно он устал.

— Тогда ладно. — Гордик вздохнул с облегчением и заметно расслабился. — С братом оно надежнее.

Угу, в особенности с таким, как у меня.

Заказ принесли довольно быстро, но это совершенно не препятствовало оживленному разговору. И полчаса спустя я уже знала, что новый знакомый — наследник богатого купца и уже семь лет помогает отцу с делами. Воспитан строго, от природы скромен, а потому невесты пока не имеет. Родители же в этом вопросе проявили небывалую гибкость и позволили сыну выбирать самому, вместо того чтобы заключить какой-нибудь выгодный союз и прибавить деньги к деньгам.

Мне было предложено присоединиться к их обозу и безопасно доехать почти до самой столицы, если брат, конечно, согласится. А узнав, что мы собрались лететь и билеты уже куплены, Гордик не смог скрыть огорчения.

Так вот как, оказывается, живут обычные девушки... Почувствовать себя одной из них было неожиданно приятно. От меня не шарахались, со мной разговаривали, подавальщицы были услужливы, а сейчас даже с парнем познакомилась.

И он назвал меня симпатичной. Ну, это, наверное, из-за модной одежды да еще оттого, что я последовала совету Тавиша и распустила

волосы. Теперь они светлым палантином укутывали плечи. Даже мне понравилось.

Нет-нет да и представится шляпка с вуалью, красивое платье... и что там еще предлагал наколдованный? Сама себя не узнаю! К хорошему быстро привыкаешь.

— Не жарко тебе в платке? — Неожиданный вопрос заставил меня вздрогнуть. — Может, снимешь?

Однако если еще неделю назад я непременно ощутила бы прилив паники, то сейчас лишь холодок спустился вниз по позвоночнику, и с тем я справилась, слегка поведя плечами.

— Я переболела недавно, не хочу снова застудить горло и уши. К тому же лекарь велел пока ходить так. — И спряталась поглубже в недра шали.

Милостивые покровители, это когда ж я так врать наловчилась?!

— Ну, если лекарь наказал...

Сама я о себе старалась особенно не распространяться, а молодой купец снова заговорить не успел. Вернее, ему помешали.

— Какого мрака, огненную лаву мне в глотку, тут происходит? — Тавиш нависал над нами гневным изваянием.

Выглядел бывший демон, надо признать, угрожающе. Сама не пойму почему. Вроде и ростом не отличается и в кости узок, а поди ж ты... Гордик едва уловимо побледнел и вжался в спинку деревянного стула. Я же второй раз за утро ощутила мимолетный озноб. Но отнюдь не потому, что испугалась, просто вторая часть ругательства явно демоническая. Не хватало еще так глупо попасться, особенно после того, как проделали путь от приграничья до Тероя!

— Завтракаем. — Я повернула голову к «братцу» и одарила его улыбкой, больше смахивающей на оскал. — Присоединишься?

Но он вообще не смотрел на меня. И не слушал, что гораздо обиднее.

— Ты! — Пальцы со стремительно отрастающими когтями ухватили Гордика за шиворот и невежливо выдернули из-за стола. — Чего тебе от нее надо?

— Других свободных мест не было, — пролепетал застигнутый врасплох парень.

— Эй, отстань от него! — Я несколько раз стукнула Тавиша по плечу, но он будто вообще не почувствовал.

— У меня и в мыслях не было как-то обидеть вашу сестру.

Лишь упоминание моего ложного статуса заставило злой огонь в золотых с лазурным глазах немного померкнуть.

Нарушитель границ частной собственности был не особенно

деликатно возвращен на место.

— Чтоб я тебя больше не видел рядом с ней! — рыкнул бывший демон, как если бы в этом был какой-то смысл — все равно сегодня уезжаем. Даже улетаем. А миг спустя очень недовольный взгляд уперся уже в меня. — В номер. Живо.

— Я еще не доела. — На самом деле, наестся успела, но на тарелке оставалось еще три блинчика, щедро облитых сладким джемом. Жаль было их так оставлять.

— Купим тебе пирожок по дороге на вокзал. — И злыдень блондинистый задвинул мой стул.

Едкие капельки досады расплескались внутри, кажется, самую душу опалили. Ему, значит, можно за юбками волочиться, не стесняясь никого и ничего, а мне даже поесть нормально возбраняется?!

— Хочу блинчики и сейчас! — уперлась я и даже успела сделать движение по направлению к насиженному месту, как вдруг меня схватили... а потом пол с потолком поменялись местами.

В спорах или ином цивилизованном выяснении отношений Тавиш не был силен, а потому просто взвалил меня на плечо и поволок к лестнице.

Слух разобрал позади несколько сдавленных смешков.

С досады я сильно стукнула вредного «братца» по спине и мысленно пожелала споткнуться, но он даже не покачнулся. Сильный, зараза, даром что тощий такой.

Когда грохнула дверь, отгораживая нас от шума постоянного двора, мир перевернулся во второй раз, и я ощутила под ногами твердость пола. Колени дрогнули, пришлось подержаться за стену, чтобы вернуть равновесие. А разобравшись с этим, я тут же накинулась на виновника переполоха:

— Совсем страх потерял? Ты чего на людей кидаешься?

— Ну а чего он?.. — Тавиш вроде бы даже смутился.

— Не он, а ты! — Злость все нарастала, кружила голову, алыми искорками вспыхивала перед глазами. — Ворвался, приличного человека обругал, сам опозорился и меня опозорил. Не знаю, как там у демонов заведено, но нормальные люди так себя не ведут!

Блондинистая жертва магии смутилась еще больше, но извиняться все равно не собиралась.

— Прекрати припоминать мне демона, я теперь человек, точно такой, как ты и все эти внизу, — нашел к чему прицепиться он. — Этот кабан мне не понравился. Чего он к тебе полез? Надо было проучить его получше.

Что я там думала про самого лучшего, невероятного и вообще? Беру

свои мысли обратно!

— Ага, чтоб тебя стража забрала. — Я не удержалась, подпорхнула к нему и совершенно безнаказанно отвесила подзатыльник. — Ничего он не кабан и не лез ко мне, мы просто завтракали. Между прочим, он купец, уважаемый человек и обращался со мной вежливо.

— Все равно мне не понравилось, — буркнул Тавиш. И, поразмыслив немного, все же не удержался от замечания: — Для него ты волосы распустила, а когда я просил, каждую прядку убирала.

Злость сменилась смехом, но я постаралась его скрыть, отвернувшись к окну.

— Я их перед завтраком распустила, еще в комнате, — сообщила, не скрывая обиды. — Ты что же, на каждого мужчину рядом со мной будешь вот так реагировать?

Их большого количества не ожидалось, как не было известно, удастся ли исправить мой облик, но после знакомства с Гордиком внутри появилась какая-то незнакомая раньше уверенность. Вера в будущее, что ли? В то, что и у меня может все быть как у людей? Посему этот вопрос хотелось прояснить.

— Ну ты же хотела самого лучшего, — окончательно смутился наколдованный. И пока я еще что-нибудь не сказала, скомандовал: — Собирайся, мы уже опаздываем!

— И ничего не опаздываем, больше трех часов в запасе!

Золотые с тонким лазурным зрачком глаза посмотрели на меня так, будто примеривались запихнуть в сумку, чтоб не болтала и не противоречила. Ну очень выразительно! Пришлось спешно эту сумку заполнять, а то мало ли что ожившему магическому творению в голову взбредет...

Несмотря на во всех смыслах бурное утро, неловкости между нами не возникло. По дороге на вокзал действительно пришлось купить пирожков, потому что Тавиш хоть и утверждал, что уже не демон, аппетит явно перенял от этой части своей натуры, а голодный так и вовсе зверел. Я тоже слопала пару штук, с яблоками, поразились, куда столько влезло, учитывая завтрак, еще раз пожалела, что извиниться перед Гордиком не удалось, и решила перевернуть эту страницу своей жизни. Впереди меня ждет столица, там-то всяко будет интереснее! Как знать, может, мне даже повезет...

Размечтаться, как именно, не успела. Отвлечшись на миг от этого, без сомнения, очень важного занятия, я обнаружила, что Тавиш не обходит

вокзал, чтобы с другой стороны подойти к экипажу, а уверенно двигается ко входу. Да и экипажей что-то не видно... Тут уж не до радужных дум стало.

— Разве экипажи не должны останавливаться где-то здесь, чтобы путники могли занять свои места? — вконец разнервничалась я.

На что Тавиш лишь снисходительно улыбнулся.

— Потерпи немного, сейчас все своими глазами увидишь, — пространно ответил этот коварный тип и даже не потрудился скрыть предвкушающие нотки в голосе.

Лично я бы предпочла объяснения, но деваться было некуда. Не пытаться же его! У меня для этих целей даже когтей нет...

Еще раз окинув привокзальную площадь взглядом, я в очередной раз пришла к выводу, что какая-то она уж слишком тихая и аккуратная. Приезжих утром было немного, по этой причине и наемные экипажи попадались на глаза нечасто. А тех самых, летучих, — и вовсе ни одного!

Нутром чую какой-то подвох!

Обдумать хотя бы одну версию не успела, мы как раз вошли внутрь.

По широкой лестнице сразу же поднялись на второй этаж, а потом и на третий, пока путь не преградил светящийся магический щит. По обе стороны от широкого дверного проема, который этот щит прикрывал, дежурили мужчины в форме, а чуть в стороне за высоким столом в удобном кресле сидела пожилая ведьма в круглых очках. К ней-то Тавиш и направился, увлекая за собой и меня.

— Тавиш Дивальд с подопечной. — Он достал билеты и положил их на стол.

Ведьма поправила прическу, потом очки, с минуту внимательно изучала билеты, после чего заставила Тавиша приложить руку к большому прямоугольному кристаллу, вделанному в стол. У меня душа в пятки скакнула: а ну как сейчас выяснится подмена?! Однако ничего ужасного не случилось. По кристаллу от Тавиша к ведьме пробежала полоска золотых искр... и все.

Не дожидаясь разрешения, он отнял руку.

Ведьма вернула нам билеты.

— Надеюсь, вы понимаете, почему понадобилась процедура подтверждения личности? — Синие глаза настороженно сверкнули из-за стекол.

— Как раз еду решать эту проблему, — губы наколдованного искривила опасная усмешка.

— Успешного полета, господин Дивальд, — совершенно по-змеиному

улыбнулась ведьма. Не забыла кивнуть и мне. — Леди.

Неуловимое движение худых морщинистых пальцев — и щит истаял. Тавиш уверенно устремился в открывшийся проход.

Я шла будто во сне. Только из-за близости ведьмы и охраны еще хватало сил не трястись слишком заметно.

Покровители! Это было то, о чем я подумала?!

И о чем говорили эти двое?

Стоило нам пройти, щит восстановился.

— Ты не предупреждал, что будет какая-то проверка! — тут же накинулась я на безответственного спутника.

— Чтобы ты начала нервничать и завалила все дело? — фыркнул этот гад. — Еще чего не хватало.

Естественно, меня это не успокоило.

— А если бы она и меня решила проверить?

— Ну... были бы проблемы, — буднично отозвался непробиваемый тип, с которым меня как-то угораздило связаться. Будь проклят тот день!

Вдох... Выдох... Не помогает!!!

— Ну ты и... демон! — прошипела с чувством.

Вот теперь немного полегчало.

— Милая, — сладко пропел Тавиш, склонившись к самому моему уху, — приличную девушку совершенно не красят подобные выражения.

— Чтоб тебя порвало!

— И такие тоже.

Той же участи я пожелала ведьме, Беате, которой почему-то нормальных мужчин не хватило, а заодно и Ффруа с его ларцом. Жила себе тихо, никого не трогала... и тут они все! Я уже сбилась со счета, сколько раз за последние недели оказывалась в почти смертельной опасности.

— Ладно тебе, ничего же не случилось... — Вину за собой Тавиш вряд ли почувствовал, но смотреть, как я дуюсь, всю дорогу явно не хотел, вот и сделал первый шаг к примирению.

Всплеск злости прошел, и как-то сразу стало не до того... Щеки обжег прохладный ветер. Я огляделась и тихо ахнула.

Как выяснилось, большая часть третьего этажа представляла собой открытую площадку. Сюда-то и прибывали летучие экипажи. Не в пример обычным, они были длинные и блестящие, каждый украшен разнообразными узорами. Некоторые имели только странную пристройку впереди, где сидел возница, и сквозь открытое окно просматривались какие-то рычаги. К другим еще прилагались животные — похожие на сказочных драконов, только размером с лошадь, три, четыре, а в одном

даже семь штук Они хлопали кожистыми крыльями, хлестали себя по бокам хвостами, увенчанными пушистой кисточкой, и издавали непривычные гортанные звуки.

Поодаль выстроились столы, за которыми чинно восседали ведьмы, но, к моему облегчению, никаких кристаллов и проверок больше не предполагалось. У них отмечались прибывшие и отбывающие возницы, они же проверяли билеты. И все. Еще дальше находились лотки со всякой всячиной и что-то наподобие таверны, только очень маленькой, всего на пять столов. Там прислуживала всего одна подавальщица... и я почувствовала, как земля уходит из-под ног, когда увидела ее лицо. Всю левую щеку пересекал кривой шрам. И ничего, работает. Путешественники иногда поглядывают косо, но никто ее не задирает, и девица кажется вполне довольной жизнью.

— Пойдем уже, — выдавила я.

Тавиш предъявил билеты молодой ведьме с толстой русой косой. Надо сказать, внимания красочные листки не удостоились. Ведьма вовсю заигрывала с плечистым возницей и отвлечься от своего занятия ради нас не посчитала нужным. Не глядя поставила на билеты по магической печати и даже нужный экипаж предоставила нам искать самим.

Страх перед большим городом медленно таял. То есть я понимала, конечно же, что окажусь в незнакомой стихии и Тавиш — поддержка весьма сомнительная, но почему бы и не воспользоваться шансом, тем более если выбора нет?

Прежде чем занять свои места, мы купили флягу воды, еще пирожков и... целый ворох старых газет. Это на наколдованного что-то нашло. Радости торговца не было предела, он уже и не чаял что-то за них выручить.

В экипаже нас ждали мягкие кресла, столики, которые крепились к сиденьям напротив, приятный полумрак из-за темно-бордовых штор на окнах и почти полное уединение. Кроме нас было всего четыре путника, и все предпочли сесть на достаточном расстоянии друг от друга. Полет на всякий случай контролировал маг, правда, выглядел он совсем мальчишкой, даже меня на несколько лет младше. Будто студент подработать решил.

Тавиш тут же зарылся в газеты, я, отодвинув шторку, изо всех сил тянула шею, чтобы разглядеть невиданных зверей. Красавцы какие... Особенно вон тот, бело-желтый.

— Это гейры. Ну, можно сказать, что одомашненная нечисть, — ответил Тавиш на незаданный вопрос. — Если захочешь, в столице и тебе такого купим.

Так просто сказал, будто пирожок предложил, а не крылатого питомца.
— А можно?! — ахнула я.

Так, стоп. Пора переставать так бурно реагировать на обычные для него вещи. Если только он меня не разыгрывает...

— Конечно, — пожал плечами мой спутник, снова утыкаясь взглядом в газету. — В Иргане все дочери обеспеченных семей на таких ездят. Последние пару лет это модно.

Кусание губ не помогло, все равно показалась улыбка. У меня будет... этот... как там его... а, неважно, маленький дракон с гладкой шерсткой и кисточкой на хвосте! Такого восторга я не испытывала, даже когда Тавиш обещал попробовать исправить мне лицо.

Впрочем, в безоблачное счастье скоро вторглась тучка сомнений.

— А нам денег хватит? — робко уточнила я, переводя взгляд с Тавиша на сумку. — Еще ведь дом надо купить, обжиться...

На узком бледном лице явственно отобразилось недоумение.

— Зачем дом?

— Чтобы жить.

Недоумение сменилось раздражением.

— Я собираюсь представлять тебя всем как родственницу, — напомнили мне. — Не слишком близкую, чтобы не вызывать лишних подозрений. Естественно, ты будешь жить у меня!

Если он думает, что мне стало хоть чуточку понятнее или спокойнее, то увы. Только еще больше все запуталось.

— Где — у тебя?

— В фамильном особняке Дивальдов, разумеется. — Необычные глаза взирали на меня как на умственно отсталую.

Теперь дошло. Спина противно похолодела, а остатки спокойствия приказали долго жить.

— погоди, — с ужасом выдохнула, сама себе не веря. — Ты что, собираешься сунуться туда?

— Естественно, это же мой дом. — Тавиш оставался привычно непрошибаем.

А меня уже заметно трясло.

— Не твой, а...

— Мой, — жестко перебил наколдованный.

Да чтоб его! Впервые в жизни жалею, что я не ведьма. Уж я бы тогда ему мозги прочистила!

— А ничего, что там живут его... ладно, пусть даже твои родственники или хотя бы слуги... — Я все еще пыталась быть голосом

разума, но очень быстро сорвалась на шипение: — И для них ты умер! Может быть, они тебя даже похоронили.

Пройти такой длинный путь и попасться только потому, что бывшему демону хочется пожить в фамильном особняке своего нового тела... Ну нет, я на такое не подписывалась!

Тавиш посмотрел на меня как-то странно... и по его губам расплзлась тонкая, нехорошая улыбка. И это предусмотрел!

— Конечно, похоронили, — зло прошипел он. — Даже несколько некрологов в газетах тиснули. С-с-с-стервятники!

Странная какая-то реакция. Однако теперь понятно, зачем он купил это старье.

— Надо было оставить тело непогребенным, а душу неупокоенной? — прямо скажем, вопросец так себе, учитывая, что и тело, и часть души сейчас сидят рядом со мной. Но действия убитой горем родни представлялись именно такими.

Необычные глаза посмотрели на меня укоризненно, полыхнули золотом искр, после чего Тавиш попытался хоть что-то объяснить:

— Михаэлла, все было не так, — запустил пятерню в длинные волосы, кое-как пригладил их, будто заодно упорядочил мысли, и заговорил уже более связно: — Этот идиот погиб на дуэли. Другой идиот застал его в весьма пикантной ситуации со своей сестрой, в результате они друг друга смертельно ранили. Да, бывает и такое.

Я пару раз кивнула. Может, и бывает, откуда мне знать.

— Но как раз в тот момент ведьма проводила ритуал, — продолжал рассказывать он. — И это тело исчезло на глазах минимум двух свидетелей, так и не испустив последнего вздоха. Понимаешь теперь? Никто не видел меня мертвым. Но газеты почему-то несколько дней назад объявили таковым.

Повод быть недовольным у него действительно имелся. Ох, и не завидую я родственникам!

Экипаж качнулся. Гейры плавно взмыли в небо.

Четыре часа в пути надо было чем-то занять. И если поначалу я любовалась чудесными видами, проплывающими внизу, то, когда достигли порталов и единственным видом осталась пульсирующая синева за окном, решила провести время с пользой и взяла те газеты, которые Тавиш уже просмотрел.

О столице я знала название — Ирганна — и что живет в ней, вернее, рядом с ней, в специально построенном дворцовом комплексе королева с детьми. Король же выстроил в северном Делисе себе отдельный дворец,

фактически сделав городок второй столицей. Поговаривают, что все ради молодой любовницы. А еще ходят слухи, будто она чужеземка и невероятно красива.

Простому человеку, в особенности жителю провинции, этих знаний хватало. Можно было, наверное, почерпнуть из газет что-нибудь еще, но я решила разбираться на месте, а пока полюбовалась на изображения разряженных вельмож и углубилась в чтение некрологов. Конкретно посвященных моему недоумершему спутнику.

Короткие заметки оказались на диво информативными. Друзья восхищались числом побед на любовном фронте и с тоской вспоминали реки выпитого вместе вина. Ага, значит, этот тип был повесой, гуленой и вообще душой всех компаний. Не новость. Читаем дальше. Скорбь родственников укладывалась в одну-две строчки, от которых отнюдь не веяло искренними чувствами. А вот имен было много... И ко всем полагались приписки вроде «двоюродный дядюшка», «троюродная кузина деверя бабушки» или и того забавнее — «далекие, но очень любящие родственники». Видимо, наследства от него осталось много и желающих его заполнить выискалось достаточно.

Но по-настоящему меня заинтересовала только одна заметка. Какая-то Нала писала, что не представляет своей жизни без него. И столько грусти было в ее послании, что даже у меня слезы на глаза навернулись. И еще стало жутко любопытно, кто эта женщина и что у них с прежним Тавишем были за отношения...

Сначала хотела спросить, но посмотрела на сосредоточенное узкое лицо и не стала. Еще подумает чего... Если что-то серьезное, приедем в город, я все равно узнаю.

— И все-таки я — редкостный идиот, — сокрушенно пробормотал Тавиш. Впрочем, быстро исправился: — В смысле, был.

— Почему? — Я отложила в сторону ставшие ненужными газеты и удобнее устроилась на мягком сиденье.

— Моим секундантом был мой кучер, — признался наколдованный. — Просто другого никого в пять утра не нашлось. Тимара зарезали в драке на следующий день после моего исчезновения. Наверняка мое семейство приложило руку.

Понятно тогда, почему свидетели промолчали.

— Головы поотгрызаю, — мрачно прошипел новый агрессивный Тавиш.

Предвкушаю. Потому что заслужили! С некоторых пор к посягательству на чужое имущество я беспощадна, так что с радостью

понаблюдаю.

А как подумаю, что мне в этом гадючнике жить... лучше бы правда поотгрызал.

— Ладно, давай пока обсудим легенду, — опомнился Тавиш. И я обратилась в слух. — Значит, так. В момент смертельной опасности у меня пробудилась магия, и получился неконтролируемый перенос.

— А почему ко мне? — уточнила дотошно.

— Дальняя родственница, единственная одаренная в семье, — придумал объяснение Тавиш.

— Но магией-то я не владею! — Когда надо, я могу не хуже следователя допытываться.

Что сейчас только на пользу.

— Ты тяжело переболела, дар полностью выгорел, — и тут нашелся этот враль. — Ну как, убедительно?

Внутри ничто этой лжи не противилось, и я благосклонно кивнула.

— Мне нравится.

— Вот и славно, — заулыбался господин Дивальд. — Так всем и станем рассказывать.

Перспектива часто врать не привлекала, но чего не сделаешь ради новой жизни? К тому же никому хуже от этого не будет: Тавиш вернет свое, его бесстыжие родственники получат по заслугам, а я... может быть, получу здоровое лицо. Или хотя бы выживу и не попадусь в лапы Ффруа, что тоже неплохо.

Умиротворенная этой мыслью, я сладко проспала всю оставшуюся дорогу. Соизволила разлепить глаза, только когда экипаж сильно трянуло и у кого-то из сидящих впереди с грохотом упала сумка с сиденья в проход.

Мы плавно снижались.

Зевнула, потянулась, отодвинула шторку и буквально прилипла к окну. Я ожидала увидеть нечто невообразимое... Как Терой, только в несколько раз больше. Да, огромный город с полыхающими пятнами ярких нарядов и экипажей!

Сказать, что тут меня ждало разочарование, все равно что тактично промолчать.

Глава 7

Столица впечатляла, конечно, но совсем не в том смысле, в котором хотелось бы. Серый город, громоздкие здания, мельтешащие, словно муравьи, люди... много людей! Но никаких тебе ярких нарядов. По каменным мостовым двигались неприметные черные экипажи. Все их тащили лошади, понукаемые кучерами. Гейров не было видно ни одного.

И вот с этим Тавиш сравнивал утопающую в зелени провинцию, обзывая ее дырой?!

— Ну как, нравится? — Лицо наколдованного светилось, как у человека, вернувшегося домой.

Понять его можно, ему тоже здорово досталось.

Но лично меня столица пугала. Она казалась чужой, враждебной и безразличной. Жить тут совсем не хотелось.

Хуже стало, когда миновали вокзал и оказались на городских улицах. Чуть раньше Тавиш посоветовал мне прижать к носу платок, но я почему-то не сделала этого, за что вскоре жестоко расплатилась. Едва мы сошли со ступеней вокзала, в нос ударил такой запах, что я еле устояла на ногах. Одновременно пахло сточной канавой и сотнями видов духов, гнилью и выпечкой из близлежащей булочной... и с каждым шагом какофония запахов менялась, отчего слезились глаза и подступала тошнота к горлу.

— Потерпи. — Тавиш наблюдал за моими мучениями с полуулыбкой. — В той части города, где живут богачи, намного лучше.

Ой ли! И вообще, где гарантия, что это «лучше» в нашем понимании совпадет? Покровители, как же мне плохо... Не хватало еще в обморок, как какой-нибудь купеческой дочке, свалиться.

Пелена слез сильно мешала, и все же я старалась рассмотреть как можно больше.

Сам Тавиш прикрывал нос рукавом. Уж не знаю, насколько ему это помогало. Проходящие мимо богачи пользовались надушенными платками. Вот откуда в воздухе столько разных композиций. Договорились бы, что ли... А простые люди шли так, будто и не чувствуя ужасной вони.

Но что меня поразило, так это маски... Нам встретились две женщины, лица которых полностью были затянуты плотным черным кружевом, и один мужчина, скрывавший свою внешность за серебром.

— Говорил же, здесь это в порядке вещей, — заметил мой интерес спутник. — Потом объясню. Идем уже ловить экипаж, иначе, чувствую,

придется мне тебя нести домой на руках.

— А тебе трудно, что ли? — Вся эта атмосфера сделала меня раздражительной.

— Нет, просто у нас не те отношения. — Когда это бывшему демону сложно было отбиться?

Мучения продлились недолго. Не успели мы завернуть за угол, как в двух шагах остановился неприметный черный экипаж.

Надо запомнить жест, который Тавиш сделал перед этим... Хотя вряд ли я буду разъезжать на таких. Наверняка для простых людей в столице имеется более дешевый способ передвижения.

Тем временем Тавиш ускорил шаг, а когда поравнялся с черной коробкой на колесах, распахнул дверь и буквально втолкнул меня внутрь. Сам же отправился договариваться с возницей. Мною в который раз овладело чувство, будто этот прохвост каком-то образом прознал, о чем я думаю, и эти мысли ему очень не понравились.

Дорога заняла около часа. Мы проехали купеческие кварталы, деловые, места, где селились небогатые аристократы. Ту же часть города, где обитали богатейшие его жители, окружал зеленый парк. Получался эдакий город в городе, где каждый дом напоминал миниатюрный замок, все утопало в садах и клумбах, а взгляд то и дело выхватывал служанок в темных форменных платьях и белоснежных передниках и лакеев в нарядных ливреях. Господ видно не было. Ни одного хоть бы самого завалящего аристократа.

— Такое впечатление, будто здесь одни слуги живут, — поделилась наблюдением я и вопросительно посмотрела на Тавиша.

Очень хотелось спросить, похож ли его дом на один из этих замков... и еще о разном... но я не стала. Не хватало, чтобы он посчитал меня корыстной.

— Хозяева еще чистят перышки перед вечерним выходом, — снисходительно пояснил спутник. — Еще месяц назад я и сам просыпался после полудня, неспешно завтракал в постели, одновременно просматривая прессу и приглашения. Потом часа два отводилось всяким цирюльникам и портным. Засветло выходил из дома, только если ехал ко двору или на это время было назначено свидание.

— И так каждый день? — По мне так описание больше походило на ленивый выходной.

— Угу, — кисло скривился наколдованный. — Сам удивляюсь, как при такой жизни это тело умудрилось не заплыть жиром.

Ну-ну. Я припомнила, каким уставшим, но довольным он возвращался

после ночных приключений... и тактично промолчала.

Впрочем, продолжать разговор Тавиш тоже не собирался. Он выглянул в окно, помрачнел, а в следующий миг несколько раз сильно стукнул кулаком в стену, ближайшую к вознице, и крикнул так, что у меня уши заложило:

— Останови здесь!

К капризам богачей извозчик давно привык, так что экипаж сразу же послушно замер, и никакого недовольства ни с чьей стороны не последовало.

Тавиш ловко спрыгнул на мостовую и не забыл подать руку мне. Что было нелишним, я ведь никогда подобной роскоши не видела и сейчас просто оцепенела от восхищения.

Ближайший дом был карамельно-желтый, со множеством арок, он буквально утопал в садах. И то, что запах цветов здесь смешивался с ароматами еды и чего-то не очень приятного, меня уже не особенно раздражало.

Отъезжающий экипаж прогрохотал колесами по мостовой. Это немного вернуло в реальность.

Тавиш решительно потянул меня куда-то в сторону... Совсем не к очаровательному желтому особняку!

— Нам сюда, — порушил бесстыжий тип все мои надежды.

Однако стоило увидеть дом, к которому размашистой походкой двигался Тавиш, я едва не разучилась дышать. И даже одергивать себя не стала. Пусть я попала в сказку. И пусть даже это не навсегда. Можно хоть денек понаслаждаться!

Ворота были распахнуты, поэтому огромный дом с изящными башенками, и сад, и уютный дворик просматривались как на ладони. Красиво, со вкусом и очень роскошно. Настолько, что даже опостылевший за последний час серый цвет меня не смутил. Здесь он был каким-то другим. Благородным, что ли.

Но вокруг всего этого великолепия сейчас явно что-то происходило... Уже только табличка с надписью «Продается!» вызывала недоумение. А во дворике суетились слуги, кто-то всхлипывал... и да, я наконец увидела целое семейство аристократов. Пара средних лет в нарядах, на стоимость которых весь Черный Лес наверняка бы смог года два существовать, пожилая дама в бархатной тальме, парень и девушка лет семнадцати.

Лица у них были до того заносчивые, что я невольно оробела.

В стороне, ближе к каменной стене, опоясывающей владения Дивальдов, стояла, опустив голову и всхлипывая худенькая белокурая

девушка в бледно-розовом платье и легком плащике. Понятно пока ничего не было, но между ней и всеми остальными чувствовалось какое-то напряжение. И перевес, к сожалению, пока был на стороне большинства.

— Рофель, ну-ка проверь ее сумку, — скомандовала тетка в самом дорогом платье и с самой противной физиономией. А мне в очередной раз стало немножечко жалко, что я не заразная. — Небось все платья из шкафа выгребла, приживалка!

Хм. А изъясняется-то эта особа, почти как торговка на рынке, только что без брани... Делаем выводы!

Тем временем умывающееся слезами белокурое создание вовсе не собиралось демонстрировать кротость.

— Только сунься, мерзкий ворюга, всю физиономию расцарапаю! — Из-под длинной светлой челки яростно сверкнули синие-синие глаза. — И куда вам мои платья, ваша дочь в них даже после месячной голодовки не влезет.

Что правда, то правда. И не то чтобы накупившаяся наследница мерзкой парочки была уж очень тучной. Так, слегка полновата, но кость широкая, совсем не аристократичная, в то время как говорившая напоминала тростиночку.

Среагировать на ее выпад захватчики чужого имущества не успели, хотя побагровели все. Ну никакой выдержки! А туда же, в смысле, почти в замок.

По мостовой снова прогрохотал экипаж и остановился прямо напротив распахнутых ворот.

— Прибыл, как велели, — заискивающе поклонился, не покидая, впрочем, своего места, извозчик — Куда везти?

— Ладно, не трогай ее, пускай убирается, — вступила в разговор самая пожилая участница событий. — В пансионе госпожи Скарго эту пигалицу живо сделают послушной. А потом и замуж пристроят, мы ее больше не увидим.

— Стервятники! — прошипела девушка ровно с той же интонацией, которую я слышала несколько часов назад от тела ее родственника.

Ну почти ее. Или все-таки ее? Пора уже как-то определяться с этим.

— Вон пошла! — склочно взвыли в ответ сразу несколько голосов.

И тут мы, двигаясь вдоль каменного ограждения, наконец протиснулись мимо экипажа и встали так, чтобы нас всем было видно.

Последовала немая сцена. Звон упавших челюстей и всеобщие ахи не в счет.

— Тавиш! — счастливо заверещала изгоняемая, бросила сумку прямо

на землю и с визгом повисла на... вот не понятно, кто он ей. Еще и ногами обвила.

— Тавиш... — с почти осязаемым разочарованием простонали все остальные.

Против объятий наколдованный ничего не имел, хоть в них и не было ничего романтического. Тоже обнял верещащую девчонку, ласково взъерошил светлые волосы.

Хм. Может, сестра? Но почему тогда не она наследует, а объявились какие-то... ну да, стервятники, иначе и не обзовешь.

Я спряталась за не слишком широкой спиной единственного настоящего Дивальда и постаралась сделаться как можно менее заметной.

Тем временем он выпутался из конечностей всхлипывающей теперь уже от счастья девушки и с презрением обозрел всю честную компанию. Не особо смущенную, кстати. Видимо, в бытность собой прежним наследник внушительного состояния и громкой фамилии был мягкотелым и не мстительным, и родственники частенько позволяли себе разные выходки, оставаясь при этом безнаказанными.

Сегодня был другой случай.

— А теперь повторите все, что вы наговорили Нале, только в свой адрес и начинайте грузиться в экипаж. — И, повернувшись к извозчику, добавил: — Вспоминай маршрут до ближайшей долговой тюрьмы.

Решать семейные проблемы бывший демон решил цивилизованно. Я даже погордилась им немножко.

— Значит, мне все-таки заплатят, — обрадовался извозчик.

Лица «далеких, но очень любящих родственников» малость побледнели, но уверовать в истинность происходящего жадные людишки не торопились.

— Живой... — попробовал просиять разряженный, словно павлин, мужик и смахнул капельки пота с лысины рукавом.

— Тавишек! — заверещала его жена.

И тут им представилась возможность убедиться, насколько он теперь другой.

Двигаясь молниеносно, отчего видна была лишь смазанная тень, скользящая по двору, он одного за другим затолкал родственников в экипаж. Они стонали, кряхтели, верещали, но помилования так и не дождались. А кончилось и вовсе тем, что дверь экипажа открылась, и на мостовую полетело платье противной тетки и камзол ее муженька. Какой там вой стоял!

— Подозреваю, это куплено на мои деньги, а потому останется в

доме, — саркастично сообщил Тавиш, являя нам с Налой свою всклокоченную голову.

И если я пребывала в некотором шоке, то радости белокурой егозы не было предела.

— Я тебя обожаю! — без тени смущения заявила она, прижав ладони к мокрым, но пылающим щекам.

— Взаимно, — усмехнулось наглое явление, потом нашло взглядом меня и добавило: — Вас обеих. А теперь соберите это все. Нала, уведи Михаэлла в дом. Миша, расскажи Нале, как мы дошли до жизни такой. К вечеру буду. Трогай!

И экипаж умчался, оставив совершенно изумленных нас разглядывать друг друга.

Это ответственное занятие заняло несколько минут, потом Нала улыбнулась и развила бурную деятельность по уничтожению таблички рядом с домом. Уж она и пыхла, и налегала на нее всем телом, и расшатывала... Получилось, только когда я тоже решила поучаствовать. Конечно, вдвоем же и сил в два раза больше!

Злосчастная табличка не просто повалилась, а и разломалась на две части. Ай да мы!

Синие глаза еще немного меня поизучали, после чего Нала улыбнулась открыто и искренне.

— Если вы поженились, а меня не позвали, ни за что не прощу! — с непосредственностью и одновременно бесцеремонностью ребенка пригрозила она.

— Что ты, у нас другие отношения. — Я быстро подобрала с мостовой вещи и не сопротивлялась, когда новая знакомая увлекла меня в дом.

Там постаралась сильно не восхищаться и не глазеть по сторонам. Эта Нала меня впервые видит, еще примет за воровку! Дело, кстати, было нелегкое: таких больших комнат я даже вообразить не могла. И все красиво обставлены, украшены картинами, скульптурами, коврами и разными милыми, но безусловно дорогими мелочами. Прямо дух захватывает!

А некоторые тут всю жизнь живут...

— Отношения у вас должны быть особенные, потому что раньше Тавиш ни одну свою женщину сюда не приводил и мне не показывал, — наморщила лоб девушка. — Значит, ты не из этих. Слушай, ты кто вообще?

— А ты?

Долгое молчание.

Вот и поговорили.

— Он не рассказывал тебе? — нахмурилась девушка.

Понимаю, мне бы тоже не понравилось, если бы обо мне забыли. Но не объяснять же ей, что ее родственник теперь уже не тот?

— Да как-то времени на это не было. — Да уж, до его умения выкручиваться мне далеко.

— Интересно, — протянула Нала, сверля меня взглядом, — чем это вы таким занимались, что не успели поговорить?

Сбиваясь и немного путаясь, я рассказала ей, как у Тавиша пробудилась магия и его перенесло ко мне. Спасло то, что часть истории о путешествии в столицу была чистой правдой, к тому же он сам меня в дом привел. Все еще хмуриющейся Нале не оставалось ничего иного, кроме как поверить.

Тогда настала ее очередь рассказывать.

Я узнала, что сама Нала — дочь дальнего родственника Дивальдов и куртизанки. Когда ее отец закончил жизнь в долговой тюрьме, а очередной богатый покровитель матери не позволил ей взять дочь к себе, родители Тавиша приютили девочку и вырастили как родную. Правда, они лелеяли надежду, что Нала со временем выйдет замуж за их сына, но они с Тавишем считали себя братом и сестрой и ни о какой свадьбе слышать ничего не хотели.

Четыре года назад Дилав Дивальд погиб. Вскоре и Мариска последовала за ним, просто не смогла пережить смерть любимого мужа. Внушительное семейное состояние сосредоточилось в руках Тавиша. Для Налы ничего не изменилось, названный брат хоть и был человеком несерьезным, ее он правда любил и берег. Однако дом наводнили дальние родственники, которые умело пользовались его слабыхарактерностью и постоянно попрекали Налу ее происхождением.

— Боюсь предположить, что ты с ним сделала, — хихикнула девушка, взирая на меня почти с обожанием. — Раньше он никогда даже словесно не пытался поставить их на место.

Я неловко поерзала на краешке обитого дорогой тканью дивана.

— Это не я, это все магия. — И ведь не солгала! — Так что привыкай.

Переменам в характере родственника Нала была только рада.

— А ты чего шалью замоталась? — Ее интерес ко мне все возрастал. — Снимай давай, хочу на тебя посмотреть.

Ой...

От макушки до пяточек пробежался неприятный холодок, а пальцы интуитивно вцепились в шаль.

— Н-не стоит, правда, — пролепетала я, вжимаясь в самый угол дивана.

— Это еще почему? — сдвинула бровки собеседница.

— Говорю же, я переболела, магию потеряла, — зачастила перепуганно, — и на лице следы остались.

— Ну и что? — Объяснение воспитанницу Дивальдов не впечатлило.

— Тебе лучше не видеть! — в отчаянии взвыла я.

— Почему? — так и не поняла она.

Вдох-выдох... Чтоб этого Тавиша! Привел и бросил разбираться со всем в одиночку. А чего, интересно, я от него ждала? Выходка вполне в его стиле. И ведь не стукнешь эту худобу доставучую... Хотя кто бы еще говорил про худобу.

Кое-как отогнав панику, я предприняла еще одну попытку:

— Там шрамы от язв. Уродливые.

— Ничего, я не из пугливых. — Налу предупреждение только больше раззадорило. — А если что, косметикой поделиться могу. У меня есть, хорошая. Снимай давай!

Ну что за семейка на мою голову?! Следовало послушаться внутреннего голоса и поселиться одной.

— Не сниму.

— Не будешь же ты так ходить по дому? Это жарко и неудобно.

Гляньте, она обо мне еще и беспокоится! И ведь правда искренне, что обиднее всего.

— Вообще-то, я так всегда и хожу.

И тут зараза мелкая использовала запрещенный прием. Не знала бы, что она приходится родственницей человеческой половине Тавиша, точно бы заподозрила в ней демоницу!

Как бросится на меня!

Одеревеневшие от страха пальцы сжимали шаль крепко, так запросто сорвать ее Нала не смогла, но и сдаваться не собиралась. Я тоже стояла насмерть. В итоге мы порвали и, кажется сломали диван, больно шмякнулись на пол, какое-то время катались по нему, сшибли столик, уронили вазу, искупались в вылившейся из нее воде, но так и не утомонились.

Вернувшийся Тавиш застал нас на смятом ковре, шипящими и изо всех сил мутузящими друг друга.

— Э... Я не понял... — Наколдованный впал в шок, ступор и дикое бешенство одновременно.

Единственное движение, которое стало заметным лишь по тому, как воздух в гостиной напрягся, — и нас с Налой раскидало в разные стороны. Тавиш неприлично выругался, заставив сестренку отчаянно покраснеть,

встряхнул нас, как нашкодивших котят, только что носами ни во что не потыкал.

— Вы с ума посходили?! — зато разрычался. Надо признать, впечатляюще. — Что на вас вообще нашло?

— Она не хотела показывать лицо, — тут же наябедничала вредная мелочь.

— А она на меня набросилась! — Я не осталась в долгу.

— Зато она мне нос разбила, и губу я из-за нее прикусила!

Ответить мне было что. Например, в процессе возни меня чуть шалью не придушило. И пальцы теперь болят. Но вставить хоть слово мне не дали.

Тавиш отреагировал на происходящее как истинный демон. То есть засмеялся в голос.

А между приступами хохота еще и слова из себя смог выдавить. Обидные, между прочим.

— Вам нянюшку пригласить? — вкрадчиво так. — А пеленки предпочитаете шелковые или батистовые?

Мы с Налой зло переглянулись и пришли к молчаливой договоренности злиться не друг на друга, а на него.

— Чтоб больше не было такого, — закончил воспитательный процесс этот бессовестный тип. — А то будут попы биты. Без шуток.

— Не посмеешь!!! — Кто-то его плохо знал.

— Еще как посмеет! — А вот я в правдивости угрозы ни капли не сомневалась.

Еще и удовольствие в процессе получит.

Убедившись, что его поняли и прониклись, Тавиш перешел к делам насущным:

— В этом доме поесть что-нибудь можно?

— На кухне были остатки гуся. Пойду разогрею. — Нала, конечно, злилась на него, но не считала это поводом оставлять брата голодным.

На миг бледная физиономия сделалась счастливой и умиротворенной. Но только на миг, после которого на нее опять легла тень.

— А почему ты? — Вопрос остановил уже направившуюся к кухне девушку. — Слуги где?

— А эти, — Нала неопределенно взмахнула руками, но мы все отлично понимали, о ком речь, — их рассчитали. Слугам ведь платить надо, а это необоснованная трата. А еще слуги сплетничают.

— Вот уроды, — скривился Дивальд. — Прикончил бы.

Не то чтобы захватчиков чужого имущества было хоть сколько-то жаль, но мы с Налой одновременно вдруг заинтересовались их судьбой.

— А кстати...

— Что ты с ними сделал?

Разговор сам собой перетек на кухню, где скоро запахло жареным мясом и какими-то приправами. Я тоже не сидела без дела, помогала Нале накрывать на стол, хотя поначалу раздражала ее своей медлительностью — просто боялась прикасаться к дорогой посуде, вдруг что-то разобью или сломаю случайно? Только после того как Тавиш сообщил, что я теперь завидная невеста и пора переставать от всего шараться, немного успокоилась.

Вдруг что, надеюсь, денег на пару таких хрупких узорчатых тарелок хватит.

Пока мы возились, Тавиш рассказывал. Для начала бегло повторил уже поведанную мной историю, после чего перешел к тому, что было в долговой тюрьме. А, собственно, ничего особого не было. Приехали, он сдал родственников тамошним служащим... обвинения нашлись. Я не вникала, но у Налы вопросов не возникло, значит, все в порядке. Естественно, «далекие, но очень любящие» попытались напереть на то, что считали Дивальда погибшим и вообще это не он. Пришлось проходить еще одну проверку. Она подтвердила и личность, и наличие магии.

Чуждой этому миру. Вот это была проблема. Но и один плюс имелся: никаких назойливых учителей. Завтра утром Тавишу предстояло явиться к главному столичному магу, там подтвердить, что он силу полностью контролирует и для окружающих не опасен, и можно будет спокойно заниматься своими делами.

Устроились на новом месте мы слишком легко. Но дергалась из-за этого я одна, наколдованный ощущал себя как рыба в воде.

— А ты изменился, — отметила Нала, пододвигая к нему тарелку. — Очень. Будто прошло несколько лет, а не недель.

— Чтобы управляться с даром, нужен твердый характер, — пожал плечами он и принялся за обе щеки уминать сочное мясо.

Приправы были для меня непривычны, от них все время хотелось чихать, так что я съела немного. Чем тут же воспользовался кто-то наглый, не наевшийся своей порцией.

А потом еще и из шали меня вытряхнул! Тавиш — не тщедушная Нала, с ним я справиться не смогла.

Однако реакция на мою «красоту» последовала не совсем привычная.

— Бедная, — сочувственно прошептала девушка.

— Мы к магу пойдем через пару дней, — поспешил уверить нас Тавиш. — А пока раздобудь для Михаэлы маску. И платье. И вообще все

необходимое. И посели куда-нибудь.

Мне стало немного неловко обременять ее, но Нала с таким энтузиазмом вцепилась в мой локоть... Правда, сначала нам пришлось мыть посуду, слуг-то нет, а блондинистый нарушитель спокойствия уже куда-то смотался. Наверняка к очередной развратной девке! И Нала в этом вопросе была полностью согласна со мной.

Глава 8

Но мы ошиблись. Это стало понятно поздним утром.

Долгая дорога отняла все силы, но измученное тело осмелилось заявить об этом только сейчас. В результате я проспала почти до полудня, да и тогда с трудом подняла себя с мягкой перины.

Мне выделили не просто комнату, а собственные покои, состоящие из спальни, маленькой гостиной, гардеробной и ванной. Все такое девичье, в нежных цветах...

Выбравшись из постели с балдахином, я, зевая, прошлепала в ванную... а там чья-то заботливая рука уже бросила в огромную ванну лепестки цветов и мыльный шарик, осталось только воды налить. Ничего себе Нала заботится обо мне! Прямо как-то неловко.

Однако час спустя, когда я, одетая в сине-серое платье, как по волшебству появившееся в гардеробной, спустилась в холл, выяснилось, что благодарить за заботу следует вовсе не воспитанницу Дивальдов. Она только платьем поделилась, но то было мне коротковато и тесно в груди.

— Ну ты и спишь, — недовольно сморщила носик Нала, выбегая мне навстречу. Впрочем, сразу же просияла и переключилась на другое. — У нас снова есть слуги! Не знаю, что ты сделала с моим братом, но я тебя обожаю. Слушай, а вы точно не поженитесь? Родство далекое, вам можно. И мы бы с тобой подружились... Ну что ты стоишь, пошли завтракать!

Она трещала о десятке вещей сразу, тащила меня куда-то и одновременно еще успевала отдавать распоряжения женщинам в форменных платьях, если мы на них натыкались. Мне же было так странно находиться в этой чужой реальности, чувствовать, как воздух свободно касается ничем не защищенного лица, ощущать распушенные волосы, разметающиеся по плечам, щекочущие шею, и не слышать обидных слов, что половину из сказанного Налой я благополучно пропустила мимо ушей.

Неужели это все со мной происходит?!

Было бы обидно однажды проснуться и понять, что всего лишь увидела сон.

Но минуты шли, реальность меняться не спешила, и я отогнала страхи прочь. Пока уплетали омлет с ветчиной и сыром, Нала сообщила, что Тавиш вернул слуг. Точнее, нанял новых и позаботился о прежних. Как он объяснил, держать в доме женщин, с половиной из которых он спал, — не самое умное решение, а чтобы никаких обид не было, лучше заменить весь

штат. Остается только гадать, как он смог проверить это так быстро. Но надо отдать служанкам должное, при виде моего лица ни одна не поморщилась.

Вчера же восстановленный в правах Дивальд проверил, что из ценного имущества пропало, и предоставил список своему поверенному. Он же занимался и выдворением кого-то там из фамильного замка в каких-то горах и еще из какого-то замка... А минувшим вечером мой воскресший друг отметился на нескольких светских приемах, так что теперь весь город был в курсе его истории и... жаждал посмотреть на меня.

— Но спал он в своей кровати и один, — заговорщицки сообщила Нала, многозначительно так на меня поглядывая. — А рано утром умчался доказывать, что безопасен, и получать разрешение на магическую деятельность.

Нужное разрешение, пригодится. В умении Тавиша выкручиваться из самых острых ситуаций я нисколько не сомневалась, а все равно никак не могла отделаться от легкого холодка беспокойства, скользящего внутри.

Нашла тоже за кого трястись!

— Между нами ничего нет и не планируется, — напомнила собеседнице я.

— То-то он приказал вызвать лучшую модистку и сообразить тебе самый модный гардероб! — Верить мне Нала упорно не хотела.

Этим после позднего завтрака и занялись. Возвращение Тавиша ожидалось только к вечеру, так что весь день мы могли посвятить своим девичьим делам, и никто не мешал.

Заодно я узнала о масках. Вернее, сначала о Ффруа, а потом уже о необычной детали облика некоторых местных дам.

Помощницы модистки записывали мерки, а между делом, ничуть не смущаясь, успевали весьма откровенно сплетничать о парнях, мы же с Налой на несколько минут оказались предоставлены сами себе. Стоять в одной тонкой сорочке, когда вокруг столько народу, пусть и женщин, мне было жутко неловко, и я, чтобы как-то отвлечься, решила занять время разговором. Ничего незначительного в голову как назло не лезло, так что спросила новую знакомую о том, что меня действительно заботило:

— А ты, случайно, не знаешь Ффруа? Джереми и Беату?

Нала, пользуясь случаем, решила и свой гардероб пополнить несколькими нарядами, посему стояла рядом в точно таком же виде, только в отличие от некоторых особых эмоций по этому поводу не испытывала и прикрыть руками грудь не пыталась. На мой вопрос она отреагировала вялым любопытством:

— Твои друзья?

— Виновники почти всех моих бед. — Врать больше, чем это нужно, я не собиралась.

Синие глаза посмотрели на меня понимающе.

— В таком случае, можешь их не опасаться, — подбодрила меня девушка. — Дивальды намного выше по положению. К тому же ходят слухи, будто в последние несколько лет Ффруа испытывают сильные финансовые затруднения. Вроде бы отец им в наследство оставил немного, но и то Джереми вложил в какое-то сомнительное предприятие и прогорел.

— Думаешь, правда? — Поверить в очередную Удачу было страшно. Слишком много их в последнее время. Не к добру.

— Я редко куда-нибудь выхожу, в основном сижу дома. Если слухи и до меня дошли, что-то правдивое в них точно есть!

Пусть будет так. Глядишь, не посмеет Беата меня под носом у Тавиша Дивальда тронуть. И на него претендовать не рискнет. Как знать, вдруг это начало спокойной жизни...

Кутерьма с нарядами продлилась до позднего вечера. Никогда не думала, что это может занять столько времени! К тому же дело оказалось жутко утомительным. Сначала нас расспрашивали о предпочтениях, потом обмеряли, потом показывали образцы тканей, кружева, рисунки платьев... и не только платьев, украшений ко всему этому, всяческих мелких деталей. Поначалу было любопытно, хоть и одолевало смущение, потом пришла вера в происходящее, и меня захлестнул восторг, но к вечеру я вымоталась, проголодалась и вообще готова была молить о пощаде.

— Значит, так... Еще нужно штуки три платья на выход и одно особенное, для представления в свете, — отдавала распоряжения модистка.

— И не забыть о наряде для верховой езды, — воодушевленно вторила ей одна из помощниц, мельтешащих вокруг.

— И перчатки...

— Шляпки!

Покровители, спасите!!!

Но, очевидно, высшие силы пребывали в уверенности, что кому-то пора учиться отбиваться самостоятельно. И я решилась. Попробовать.

— Стойте, мне вовсе не нужно столько одежды, — с каждым словом голос звучал все увереннее. И меня даже слушали! — И уж тем более не нужны нарядные платья! Только два или три на каждый день.

У меня ведь еще вещи, купленные в дороге, сохранились. Даже и не помню, имела ли когда-нибудь больше! Наверное, нет.

Уверенность растаяла, когда все присутствующие в едином порыве

посмотрели на меня, как на крайне недалекую особу.

— Еще как нужно! — недовольно поджала губы Нала.

Начать спорить я не успела, от двери послышалось более авторитетное мнение:

— Внешность, это, конечно, не главное, но по ней о человеке можно многое сказать, — с умным видом выдал Тавиш. — Так что не капризничай и позволь этим милым дамам закончить свою работу.

«Милые дамы» польщенно покраснелись и забежали вокруг нас с Налой еще быстрее.

Пока я пребывала в ступоре от чьей-то наглости, они успели целых два платья спланировать!

Стоит ли уточнять, что все это время Тавиш не просто стоял в дверях, но и скользил по мне любопытным взглядом. Медленно так скользил... И ухмыляться не забывал!

Какие уж тут возражения! Я не знала, какую часть себя прикрывать! От сорочки-то толку немного.

В итоге решила ограничиться словами:

— Ты... ты... ты!..

И подобрать определение не смогла.

— Наглый? Бесчестный? Развратный? — подсказал наколдованный, продолжая провокационно меня разглядывать.

— Все вместе! — рявкнула, вся кипя от смущения и злости.

Вот зачем он так делает?! И почему я не могу не реагировать? У-у-у, так бы и швырнула чем-нибудь.

— Ничего нового, — пожал плечами наколдованный. — Ладно, дамы, развлекайтесь тут, а я спать. Но сначала ужинать.

Везет же некоторым... Удаляющуюся спину прожег почти ненавидящий взгляд, а ей хоть бы хны.

Впрочем, сделав несколько шагов, это беспардонное создание соизволило оглянуться.

— А ты ничего, — обворожительно улыбнулся он мне, будто никого другого вокруг вообще не было. — В этом лоскутке еще более соблазнительная, чем совсем без одежды.

И ушел, оставив меня задыхаться от злости.

Чтоб его...

— Врушка, — пропыхтела мне в ухо Нала. — А говорила, у вас ничего не было.

— Ну правда не было! — взвыла я.

— Но голой он тебя видел, — хихикнула вредная особа.

Шпынять меня теперь будут долго. Похоже, несносный характер у этих двоих — черта семейная.

В итоге с нарядами провозились почти до полуночи. Последней в списке значилась маска. Я в этом ничего не смыслила, поэтому и не лезла, Нала же заказала одну из белого кружева. Эскиз мне понравился. Тончайшая работа, замысловатый узор... и никаких креплений. Все держится исключительно на магии.

Шепотом сестрица Тавиша объяснила, что в городе действует закон, по которому снять с женщины маску, если она сама того не желает, не может никто. Такие вот у аристократов причуды. Говорят, даже сама королева частенько прогуливается по столице, скрывая внешность... Не знаю и знать не хочу, правда это или нет, но такой порядок мне понравился. Правда, носить маски позволено исключительно аристократкам... Вот тут очень кстати пришлось заступничество Тавиша.

Также выяснилось, что маски различаются по цвету. Черная или темно-синяя — это для дам постарше, которые не хотят быть узванными. Молоденьким девушкам же, которые проводят свой первый сезон в свете, полагаются светлые цвета. Вроде как потом даже праздник какой-то особый будет, когда снимут маски, но до него еще несколько месяцев.

Пообещав утром прислать одно повседневное платье из готовых и маску, модистка с помощницами наконец уехала.

— Невероятно... — пробормотала себе под нос я, задумчиво обзвывая закрывшуюся за ними дверь.

— Что именно? — Нале тоже хотелось быть в курсе событий.

— Вокруг весь день крутилась толпа народу, а никто даже не вздрогнул от вида отметин у меня на лице. — Это смущало, но и бесконечно радовало. — Выходит, здесь и правда относятся к этому иначе.

— Да нет, — воспитанница Дивальдов улыбнулась моей наивности, — просто Тавиш еще утром иллюзию наколдовал, пока ты спала. Кто не знает, тот ничего не видит.

Злиться или расстраиваться поленилась. Просто в очередной раз отметила, что нам друг с другом повезло.

Бывает так, что люди совпадают.

Сил на ужин уже не осталось. Только на то, чтобы дойти до комнаты, рухнуть в кровать и крепко уснуть.

Скри-и-и-ип...

Как выяснилось пару часов спустя, спала я не достаточно крепко. Звук открывающейся двери услышала.

Напряглась.

До конца не веря в происходящее, потихоньку приоткрыла один глаз.

Он!

Вот же нечисть наколдованная!

Скри-и-ип... Дверь за Тавишем закрылась.

— Миша... Михаэлла, ты спишь?

Молчу, не отзываюсь. Просто интересно, что он делать станет. Пусть только попробует... Уж я ему!..

Что именно, придумать не успела. Опустившись рядом с кроватью на корточки, наколдованный потерял меня за плечо.

— Махаэлла!

Пока все было относительно прилично, и я сменила гнев на милость.

— Что?

Как выяснилось, рано.

— Проснись и поцелуй меня, — потребовал паршивец.

И ведь ни тени сомнения не испытывал, что соглашусь!

— Что-о?! — Я задохнулась от возмущения. — Да ты... ты... мм-м... мм!

Рот мне заткнули самым бессовестным образом. Зато и безотказным тоже.

Губы, захватившие мои в страстном, горячем поцелуе, были твердые и отдавали еле уловимым привкусом чего-то спиртного. В резких, чуть грубоватых движениях не было нежности или попытки соблазнить, только страсть, дерзость, желание силой и хитростью урвать что-то, что тебе не принадлежит. Я словно искупалась в этих эмоциях.

Они пугали, но больше настораживали.

Тавиш не пытался меня лапать или опрокинуть на кровать, просто крепко обнял, зафиксировав руки прижатыми к бокам, чтобы лишить возможности сопротивляться, и целовал.

Настойчиво, страстно и... странно.

Поэтому, когда он на миг оторвался от меня, чтобы мы оба могли вздохнуть, я с искренним интересом спросила:

— Ты что вытворяешь, жертва магии?

Ответ не разочаровал:

— Беата пошла к колдуну и сейчас пытается переподчинить меня себе. — Затуманенный взгляд необычных глаз твердил, что бывший демон не лжет. — Миша, мне нужна твоя помощь...

Кожу обжег озноб. Такая помощь?!

Но покровители...

Из тонких ноздрей показались ручейки крови, скатились по бледной коже и алыми следами осели на одеяле. Тавиш прерывисто вздохнул и заскрипел зубами.

Вот сучка рыжая!

Я повела плечами, требуя свободу рукам, и тиски спали. Взгляд напротив сделался немного затравленным.

— Зря я так сразу показался, — пробормотал наколдованный.

Может, и не зря. Зато Налу спасли. Вон как она ему обрадовалась.

Захватив бледные щеки ладонями, я сама прижалась к прохладным губам, поначалу нерешительно и осторожно, но с каждым движением все более уверенно. Тавиш вздрогнул, будто его пронзило молнией, а несколько мгновений спустя перехватил инициативу.

Теперь это был соблазняющий, сочный поцелуй, но в то же время страстный и немного грубоватый. Мм-м, так гораздо приятнее! Нстойчивые губы заставляли открыться. Инстинктивно я повторяла движения мужчины, запуталась пальцами в длинных волосах, кажется, порвала рубашку, прижималась к сильному телу, стремясь быть как можно ближе.

Беата, колдовство, неизвестный маг, обезображенное лицо — все забылось. Были только мы двое, упоительные поцелуи, запахи, тихие вздохи... Разум поглотила темнота, больше не имело никакого значения, чем это все закончится.

А закончилось все на полу. На мне все еще была сорочка, а на Тавише — штаны. Уложив голову к нему на грудь, я слушала мощные удары сердца, в то время как ладонь с черными ногтями поглаживала меня по волосам, спине и спускалась до обнаженного бедра.

— Почему мы на полу? — Язык заплетался, будто я выпила хмельного.

Убей не помню, как мы тут оказались!

Но ковер мягкий, удобно.

— Во избежание, — не без сожаления произнес Тавиш.

Опершись на локоть, я заглянула в измученное лицо.

— Отпустило?

— Мы победили. — Чуть подрагивающие пальцы заправили непослушную прядку мне за ухо. — Ты невероятная девушка, Михаэлла!

Да уж. И мне ничуть не стыдно за эти поцелуи. Я поддавалась эмоциям, в тот момент главным было — не отдать Тавиша Беате. Так правильно. Но сейчас, когда буря ощущений улеглась, я чувствовала лишь умиротворение и приятное онемение в губах. Еще спать хотелось немного.

— Неужели тебе совсем не противно? — Знаю, зря, но уже вырвалось.

Окунувшись в самые смелые мечты, я еще могла бы поверить, что кто-то способен терпеть меня рядом, разговаривать, внутренне не содрогаясь от отвращения. Но целовать?! Вот такую?!

Может, мне все-таки приснилось?

Переставшая дрожать ладонь погладила меня по волосам. Тавиш слабо улыбнулся.

— Ничуть. Благодаря привязке, я вижу под застарелыми ранами хорошенькое личико. К тому же от низшего мне досталось отсутствие брезгливости в отношении женщин. В его мире они, прямо скажем, своеобразные.

Пусть это все даже близко не походило на романтическое признание, но напряжение ушло. Я даже на ответную улыбку сподобилась.

— Тогда ты тоже невероятный.

Тавиш вернул мою голову на прежнее место и умиротворенно вздохнул.

— Давай спать?

Что, прямо на полу? Вдвоем? Без одеяла?

— Ага.

Но уснуть не получилось.

Мы разговорились.

Впервые по-настоящему. Не о необходимом, а просто так. Он рассказал, как тяжело было низшему в его мире, на самых ничтожных ролях, не имея сил вырвать себе нормальное положение, и как прежний Тавиш Дивальд бездумно прожигал жизнь. Как едва не свихнулся после ритуала и как хочет теперь выжить и удержать то, что чудом смог заполучить.

Но для этого придется разобраться с Беатой и магом...

Я в свою очередь пожаловалась на мытарства из-за обезображенного лица и еще раз поделилась мечтой жить как все. Выйти замуж за хорошего человека. Завести детей.

Голова аж подпрыгнула на его груди, так резко он вздохнул.

— В самые ближайшие дни пойдем к магу. — Шепот запутался в моих волосах.

И я поверила. Безоговорочно. В этот момент как-то само собой вышло, что из виновника большей части бед Тавиш превратился в самого близкого человека на свете.

А утром меня поджидал небольшой конфуз.

Тавиша рядом не было, я мистическим образом очутилась на кровати, зато рядом, с ногами забравшись в кресло, сидела Нала и недобро поглядывала на меня.

— И тебе доброе утро. — Не выпалась страшно, а впереди, так и чувствую, грядет объяснение.

Девушка посопела гневно, но, поняв, что я ничего не понимаю и вины за собой не чувствую, расщедрилась на объяснение.

— Тавиш на рассвете буквально на цыпочках крался из твоей комнаты в свою, — пропыхтела эта вездесущая. — Зачем вы притворяетесь, будто между вами ничего нет? Я не заслужила, чтобы меня обманывали.

Похожи они все-таки. Даже при всех изменениях, которые с ним произошли.

Усевшись в подушках, я серьезно посмотрела на воспитанницу Дивальдов.

— Честное слово, мы только друзья.

— Ну конечно!

— Это все магия!

— Можно и так назвать, но я предпочитаю по старинке — любовь.

Минуту мы препирались взглядами. Первой сдалась я и объяснила все про привязки. По сути, все, кроме новой личности, тайной не было, да и Нала не выдаст. Она ведь правда любит непутевого родственника и теперь искренне радуется переменам в нем. А Тавиш, несмотря на эти изменения, тоже сохранил трепетное отношение к той, кого столько лет считал сестрой.

— Вот паршивка, — прошипела Нала, дослушав. — Так бы ей глаза и выцарапала.

— Не понимаю, почему она не может пойти на какой-нибудь бал и там найти себе жениха или хотя бы любовника? — При первой встрече Беата показалась мне настоящей красавицей, в свете чего ее поведение вызывало вопросы. — Зачем прибегать к колдовству?

С видом прожженной сплетницы Нала усмехнулась и подалась ближе ко мне.

— Во-первых, чтобы пойти на бал, нужны деньги. Наряд, украшения, экипаж, охрана, сопровождение. А у Ффруа сейчас с финансами туго, — сильно понизив голос, начала объяснять эта всезнайка. — А во-вторых, ни один уважающий себя мужчина с ней не свяжется даже в качестве любовницы.

Я недоверчиво взмахнула ресницами.

— Почему? Красивая же...

— На ней постыдная метка, — свистящим шепотом выдала мне собеседница, похоже, что страшную тайну.

Если б я еще что-нибудь поняла!

Впрочем, Нала была так зла на Беату и вообще горела желанием мне все рассказать, что объяснение прозвучало почти сразу.

— Богатые женихи обходили Беату стороной, приданого-то у нее кот наплакал и громкого титула нет. А тем, кто попроще, наша красавица сама от ворот поворот дала. Не сумев выйти замуж, она начала встречаться с разными мужчинами. Даже деньги за это брала. Теперь у нее срамная болезнь. Кому такая нужна?

Вот все и стало на свои места. Те, кто еще две недели назад казался мне важными шишками и богачами, теперь были просто людьми, а внешняя красота уже не виделась гарантией счастья. Стоило только приехать в столицу, привычный мир перевернулся.

Модистка не подвела, и все необходимое доставили еще на рассвете. Платье нежного серого цвета с редкими розовато-оранжевыми соцветиями выглядело немного провинциально и сразу мне приглянулось. К нему шли туфли на каблучке, крупные серьги с красновато-оранжевым камнем, шляпка с вуалью и маска. Что-то еще обещали доставить вечером, а остальное — через пару недель.

Вопреки ожиданиям, увидев Тавиша на кухне, неловкости я не испытала. Как если бы это был один из больных, за которыми я ухаживала.

— Хорошо выглядишь, — отметил наше с Налой появление он. — Уверен, многие столичные молодые люди будут заинтригованы.

— Особенно когда я не сниму маску в положенный срок. — Его оптимизма я не разделяла.

Зато Тавиш готовиться к худшему не привык.

— Если все получится, как задумано, снимешь. — И подмигнул. — А нет — хотя бы развлечешься во время сезона невест. Тебя, Нала, тоже пора уже выводить в свет.

От такого заявления девушка подавилась кашей, которую лениво жевала, наблюдая за нами, и громко закашлялась.

— Но я не хочу замуж! — негодуяще сверкая глазами, почти выкрикнула она.

— Выбирать жениха в этом году не обязательно, — невозмутимо пожал плечами Тавиш. — Для начала я предлагаю просто повеселиться, присмотреться, а там видно будет.

Спорить Нала не стала, но хмуриться не прекратила. Так и смотрела до

конца завтрака в свою тарелку.

— Может, тоже боится? У меня внешность, у нее — происхождение. Условия приблизительно одинаковые. Те еще «завидные невесты»!

Но за окном тихонько шелестел и благоухал сад, по столу гулял проказливый солнечный лучик, еда была вкусной, а обновки радовали, как никогда. Замечательное настроение не располагало к мыслям о далеком будущем.

— Безумие — терять такой день, сидя дома. — Как выяснилось, в голове Тавиша бродили похожие мысли. — Ну что, дамы, пойдем гулять по городу, на аттракционы, потом в кондитерскую? Нала, покажем Мише твою любимую?

Предложение прозвучало заманчиво, и я, сама того не ожидая, умоляюще уставилась на девушку в ожидании ее решения. Соглашайся, ну!

— У меня занятия, забыл? — Прямо скажем, оно было совсем не тем, которого мне хотелось. — Домоводство, иностранные языки, а вечером верховая езда и танцы.

Я прямо почувствовала, как уголки рта печально опускаются вниз, как у грустной фарфоровой куклы. Видела такую в витрине, пока Тавиш покупал газеты в Терое.

— Точно, — наколдованный потер лоб, будто сетуя на свою беспамятность. А в следующий миг перевел взгляд на меня: — Надо будет и тебе учителей пригласить. Займусь этим завтра же! А пока пойдем гулять вдвоем, а? Я по городу соскучился.

Бочка яду подслащенная ложечкой варенья. Но я не устояла, кивнула.

— Сладкая парочка, — фыркнула Нала.

Остаток завтрака, пока пили чай, она шутливо канючила отпросить ее с занятий, Тавиш не менее шутливо изображал строгого старшего брата, а я вяло отнекивалась, в очередной раз уверяя эту вредину, что нас с ним ничего, кроме дружбы, не связывает. Я даже сама себе поверила, а эта вредина все сомневалась. И Тавиш, зараза, даже не думал эти сомнения разрушать.

Час спустя, сдав Налу строгим преподавателям и захватив мою шляпку, мы отправились гулять. Поначалу пешком, потому как кто-то мне пообещал, что дальше сердца города — района, где обитает высшая знать, соваться мы не собираемся.

Но он как-то позабыл уточнить, что район этот не просто большой, а огромный! Я запыхалась, стерла ногу, пока научилась ходить на непривычных каблуках, плюнула на гордость и начала жаловаться, на что Тавиш, неспешно бредущий рядом и с удовольствием подставляющий лицо

солнцу, предложил понести меня на руках, но только при условии, что наши отношения перейдут на новый уровень. Я с такой прытью шарахнулась в сторону, что даже боль в ноге чувствовать перестала! А он еще и смеется!

Мимо проплывали нарядные витрины магазинчиков и кондитерских, милые заведения, в которых часть столиков были выставлены на улице под специальными навесами от дождя. Народу на улицах в этот ранний, по местным меркам, час было немного, но все же изредка навстречу попадались стайки хихикающих девушек под присмотром строгого вида нянек, парочки на свидании или супружеские пары, пожилые дамы или мужчины с маленькими собачками.

Запах исчез, или же мой нос просто перестал его воспринимать. Такая разная, немного суетливая, поделенная на районы, принадлежащие разным слоям общества, столица начинала мне нравиться.

Как знать, может, и уживемся.

Парк с аттракционами оказался в самом центре сердца Ирганны, он был огорожен, охранялся гвардейцами в особой яркой форме и являлся местом совершенно безопасным. И приметным, заблудиться и не найти его было трудно.

Но пока мы дошли, состоялся разговор, который должен был случиться еще в самом начале нашего знакомства, но... как-то у обоих вылетело из головы.

— Я все хочу спросить и забываю. — Тавиш пытливо посмотрел на меня и поудобнее перехватил коробку с фарфоровой куклой в бальном платье и музыкальной шкатулкой — мимо одного магазинчика мы все-таки пройти не смогли. — Чего от тебя хотели Ффруа?

— Понятия не имею! — вспомнила весь ужас того дня, свое непонимание и поддалась эмоциям, даже задрожала.

Пришлось обхватить себя за плечи и напомнить, что все это давно позади.

— Как это? — Тавиш не то чтобы не поверил, но неуловимо помрачнел, и шаг его стал размашистее.

Бытность жителем жуткого потустороннего мира дает о себе знать. Чуть что — сразу вскидывается, словно хищник, защищающий свои владения.

— У них там какая-то заключенная с особо охраняемого острова сбежала, а моя мама, родная мама, раньше работала там. — Я принялась торопливо и путано объяснять. — И они отчего-то решили, будто та дама отдала ей что-то ценное, какой-то ларец или шкатулку. И якобы я знаю, где

оно теперь. Если честно, я так испугалась, что почти ничего не поняла.

Глупо все как-то. Ну с чего заключенной откровенничать с помощницей лекаря? Что у них общего?

Рассказав, что помню, я надеялась, что эта история забудется и вернется очарование первого настоящего дня в столице, но Тавиш окончательно ушел в себя. Настроение его выдавали только белесые брови, сошедшиеся у переносицы.

— А ты, случайно, не помнишь имя той преступницы? — спросил он через несколько десятков шагов.

Покопавшись в памяти, я, к собственному изумлению, смогла извлечь оттуда нужную информацию.

— Аделина, кажется.

— Аделина Бернежка? — уточнил наколдованный.

Опасное выражение исчезло с его лица, необычные глаза вспыхнули азартом.

— Именно так. А что?

— Идем, покажу.

Меня все еще больше интересовали карусели, но этот неугомонный уже увлек меня в сторону. Сопротивляться было все равно что пытаться голыми руками удержать летучий экипаж. К счастью, понесло Дивальда недалеко, всего лишь к ближайшему новостному столбу.

А там, среди прочих, с жирной припиской «Разыскивается!» висела листовка с именем той женщины. И с лицом.

— Красивая. — Мой любопытный взгляд скользнул по знакомым чертам лица, по светлым волосам необычного оттенка, завитым в локоны, сияющим миндалевидным глазам и милым ямочкам на щеках от улыбки. — Молодая еще совсем...

— Это изображение двадцатилетней давности, напомнил Тавиш. Жизнь на острове ее наверняка потрепала.

Сердце затрепетало от жалости.

— Она что-то нехорошее натворила? — Ясное Дело, что за добрые дела на каторгу не ссылают, но с листовки на меня взидало юное наивное создание — сложно было поверить, что оно способно на настоящее преступление.

— Мне тогда было лет семь. — Тавиш совершенно спокойно ассоциировал себя нынешнего с прежним Тавишем Дивальдом. — Помню, я прятался под столом и слушал, о чем родители болтают с друзьями. Так вот, эту Аделину обсуждали несколько месяцев. Она была черной вдовой, троих мужей отравила.

Я поежилась. Как же обманчива бывает внешность!

— Последний муж, если мне не изменяет память, преподавал в Магическом университете и был кем-то вроде специалиста по древностям, — тем временем продолжал рассказывать Тавиш. — Поговаривали, у него припрятаны какие-то сокровища, но, после того как Аделину сослали на остров, его дети от первого брака так ничего и не нашли. Они даже к ней туда ездили, трясли ее на предмет ценностей, но безрезультатно. Хитрюга так и не призналась.

Речь шла о страшной женщине, судя по всему, но Тавиш говорил о ней с таким благоговением, будто, появившись беглянка перед ним, он собирался склониться в земном поклоне, поцеловать ручку и проконсультироваться на предмет какой-нибудь авантюры.

Я тихо фыркнула. Некоторых даже второй шанс на жизнь не исправит!

Однако на этом Аделина наконец оказалась забыта. Мы отправились в парк.

Что сказать... В подобное место я попала впервые и поначалу просто застыла, разглядывая аккуратно подстриженные деревья, клумбы с яркими цветами, статуи сказочных персонажей, нарядные карусели, родителей с совершенно счастливыми чадами. Здесь царила атмосфера всеобщей радости и доброго веселья.

Имелись все шансы простоять так до вечера, и во избежание этого пришлось Тавишу хватать меня за руку и тащить на карусели. Мы раз пять кружились в танцующих корзинках, с бешеной скоростью носились по горкам, накричались в пещере ужасов, насмеялись в доме с привидениями. Дальше была кондитерская, маленькие разноцветные пирожные и чай. Когда и с этим покончили, а до фейерверка перед закрытием парка на ночь оставалось еще какое-то время, Тавиш заказал несколько пирожных на вынос, я же, пока их упаковывали, решила еще раз прокатиться на самой простой карусели — лошадках, мчащихся по кругу под музыку.

И вот они кружатся, я блаженно жмурюсь от осознания, что до конца самого счастливого дня в моей жизни еще целый фейерверк... И тут взгляд выхватил женщину в платье из белого бархата, стоящую у заборчика, опоясывающего карусель. Светлые кудри незнакомки были уложены в незатейливую прическу, а лицо скрывала маска, но я откуда-то точно знала, что она улыбается.

Сердце пропустило удар, руки ослабли. Я едва с карусели не упала!

Фу ты, и подумается же! Наверняка она за кем-то из детей следит! Не мать, раз маска белая... старшая сестра, например. А на меня история, рассказанная Тавишем, повлияла, вот и мерещится всякое.

Но до самого последнего круга меня не покидало ощущение направленного на меня взгляда.

Когда же карусель остановилась и я среди прочих катающихся вышла за ограждение, незнакомки рядом уже не было.

Видимо, она забрала ребенка и ушла? Или встретилась с подругой, там ведь и взрослые катались.

Что же беспокойно-то так?!

— Михаэлла? — Мое изменившееся настроение не укрылось от Тавиша.

— Все хорошо, просто голова закружилась. — По губам пробежала немного виноватая улыбка. — Слишком много всего для одного раза.

Он кивнул, повернул меня к себе спиной и прижал к груди. С минуты на минуту небо должны были расцветить огни.

— А знаешь, что мне в голову пришло? — Во всеобщем гомоне слышать шепот у своего уха могла только я одна, чем заколдованный и пользовался. — Когда разберемся с уже имеющимися делами, можно будет попробовать разузнать про Аделину и этот загадочный ларец. Признаюсь, я сильно заинтригован.

Залп прозвучал в назначенное время, небо вспыхнуло фиолетовыми цветами, бабочками и пчелками, но мне до всего этого было мало дела. Разум медленно затапливало осознание, что этот неутомимый собирается втравить меня в очередную авантюру. И опыт подсказывал, что отвертеться не получится!

Глава 9

Первый мой выход в свет назначили через две недели. Но они прошли в таком ритме, что я уже готова была на любую авантюру, лишь бы только не сидеть в классной комнате с занудными учителями.

Учили меня не так досконально, как Налу. С ней целью было дать девушке достойное образование, со мной же — просто сделать все возможное, чтобы я не ударила в грязь лицом в приличном обществе. Трудно, учитывая, что об этикете, столичных сплетнях и негласных правилах поведения в домах высшей знати я не знала ничего, но не невозможно. Для Тавиша вообще нет ничего невозможного! Особенно если добиваться нужного результата ему приходится не своими руками.

С раннего утра и до наступления темноты я слушала преподавателей, даже с Налой почти не виделась. Не оставляли они свою жертву и в столовой, педантично исправляя малейшую ошибку в пользовании приборами. Ритм был такой, что я всерьез опасалась, как бы собственное имя к завершению занятий не забыть.

Тавиш все время где-то пропадал. Нет, он заглядывал ко мне стабильно раз в день, на минуточку, чтобы подразнить и рассказать последние новости. Так я узнала, что подходящий для моего исцеления маг нашелся, но сейчас он в отъезде, и навестись к нему получится уже после выхода в свет. В поисках загадочного помощника Беаты Тавиш пока не продвинулся и нанял следить за ней уличных мальчишек. Впрочем, переподчинить его эта чокнутая больше не пыталась.

Но по ночам наколдованный тоже пропадал, что порядком раздражало. Налу даже больше, чем меня саму.

Так протекли почти все дни, отведенные на мою подготовку.

В пятницу вечером, часа за два до конца уроков и экзекуции за ужином, в мою учебную камеру ворвалась брызжущая энергией Нала и протрещала:

— Так, я ее забираю. Модистка прислала посыльного, надо срочно ехать в салон выбирать новые туфли. Предыдущие одна из ее помощниц случайно испортила. Господа преподаватели, на сегодня вы свободны!

Но перспектива провести пятничный вечер где-нибудь не здесь почему-то не вдохновила ни лысеющего учителя хороших манер, ни высокую худую даму, рассказывающую мне о всяческих иных нюансах.

— Господин Дивальд велел заниматься до упора, — поджала тонкие

длинные губы она. — Сегодня мы должны повторить все, что за прошедшие две недели выучили.

— Это он просто про нашу проблему не знает, — отмахнулась Нала. С моими учителями она говорила, как со всеми прочими слугами в доме, — вежливо, но твердо, чтобы не оставалось сомнений, кто тут главный. — И поскольку разыскать его сейчас не представляется возможным, решения принимаю здесь я. Вы свободны. Я уже распорядилась, чтобы вам за сегодняшний день заплатили.

Недовольно пыхтя, они все-таки вымелись за дверь, прихватив с собой и учителя танцев, и учителя верховой езды заодно.

— Миша, ну что ты как в храмовой бесплатной школе, честное слово, — принялась выговаривать мне Нала, как только мы остались наедине. — Устала или тебе куда-то надо — так им и говори. И спокойно иди по своим делам. А то на тебя уже смотреть страшно!

Так вот как тут у них заведено...

— А раньше сказать не могла? — простонала я, пряча лицо в ладони.

Хотелось завалиться спать на неделю, а еще почему-то прибить одного блондинистого паршивца, который тоже мог бы предупредить.

— Я думала, тебе Тавиш сказал, — пожалала худыми плечиками девушка.

— Можно мы за туфлями не пойдем? — подняв на нее глаза, взмолилась я. — Мне уже ни нарядов, ни выхода в свет не хочется.

Нала тихо прыснула и ободряюще сжала мое плечо.

— Конечно, пойдем! — заявила она и хитро сверкнула глазами. — Но ты просто посидишь на мягком диване и выпьешь чаю, это с моей обувью беда приключилась. Потом можем заглянуть в кондитерскую, погулять по городу, сходить в книжный магазин, как думаешь?

Отказа бы она не приняла, так что я послушно кивнула.

Усаживаясь в экипаж, вспомнила, что следовало оставить Тавишу хотя бы записку.

И как же я была права!..

Слуга модистки ехал с нами, сидел напротив, на самом краешке сиденья, и раболепно взирал то на Налу, то на меня. Вообще-то, так не должно было быть, но, еще до того как меня выцарапали у учителей, он чего-то там наболтал Нале, и вот результат. Кто я такая, чтобы возражать, но ведь эмоциям не прикажешь! И ловя на себе редкие взгляды, я тихо радовалась, что на мне маска. Даже будь лицо здоровым, сейчас я хотела бы ее.

Воздух казался пропитанным чем-то неприятным, хотя экипаж

надушили перед тем, как мы сели в него. Огни ночного города, которые в другое время захватили бы меня целиком, сейчас совершенно не интересовали. Хотелось быстрее уже доехать.

И быстрее вернуться домой.

— Что-то не так? — Нала сидела на одном сиденье со мной, и лиц друг друга мы не видели в полумраке экипажа, но каким-то непостижимым образом она почувствовала, что мне беспокойно.

— Пахнет противно. Разве не чувствуешь?

Блондинка повела носом и покачала головой:

— Совсем нет.

— Странно...

В этот момент напомнил о себе паренек с сиденья напротив. Только что сидел так, чтобы занимать как можно меньше места, и даже шелохнуться лишний раз не решался, а тут поднял на нас глаза и ровно заговорил:

— Это у меня. Сейчас выброшу.

Медленно, словно не по-настоящему, его рука скользнула в карман и извлекла оттуда небольшой черный мешочек, развязала шнурок, высыпала на ладонь горстку светящегося серебристого порошка... По пухлым губам расплылась предвкушающая усмешка.

Нала первая сбросила оцепенение.

— Удушливая пыль!

Жаль, рассказать, как вести себя в сложившейся ситуации, не успела. Этот гад швырнул сияющий порошок нам в лицо.

Подруга всего пару раз кашлянула и тяжело откинулась на спинку сиденья. Меня же сознание покидало чуть дольше. Перед глазами все плыло, и воздух казался сладким и вязким, его тяжело и больно было вдыхать. Но я еще успела увидеть, как напавший на нас парнишка метнулся к окну, чтобы безопасно вздохнуть.

Не задумываясь о том, что творю, я резко выбросила руку вперед... За дальнейшее не ручаюсь. Сознание заволокла пугающая темнота.

— Второй кучер за неполный месяц, — отметил прохладный женский голос. — Слуги у Тавиша Дивальда долго не живут.

Каблуки прогремели по мостовой. Вслед за ними слух разобрал еще одни шаги, более тяжелые.

Я все слышала, но разлепить глаза не могла. Пошевелиться или застонать тоже не получалось.

Дверь экипажа распахнулась, щеку и шею обдало прохладным

воздухом. Приятным, несмотря на обилие столичных запахов. К горлу подступила тошнота. Что этот гаденыш с нами сделал?!

— Зато девчонки живы, — отметил мужской, явно немолодой голос. — Эта так точно. Хм... Посмотри-ка сюда...

Не знаю, что он там нашел интересного, но я бы тоже взглянуть не отказалась. Но увы, тело неприятно онемело, и веки упрямо не желали приподниматься.

— Отлично, нас именно она и интересует, — без особой, впрочем, радости произнесла женщина. — Забирай и пойдем.

Сильные руки сняли меня с сиденья.

Вспышка страха и злости придала сил. Со мной такое уже не раз случалось. Они что же, собрались оставить беспмятную Налу одну, непонятно где?! И куда-то уволочь меня?

Огромным усилием открыть глаза все-таки удалось.

Почти даже не удивилась, увидев знакомое уже белое платье из тяжелого бархата и кружевную маску.

С губ слетел тихий стон.

Уже неплохо. Для начала.

— Не волнуйся, дорогая, все будет хорошо. Тебе просто нужно подышать свежим воздухом, — заметила мое возвращение в мир незнакомка, о личности которой я, впрочем, догадывалась. — Мы опоздали, но тебе как-то удалось вырубить негодя. Сейчас мой друг с ним разберется.

Однако меня интересовало совсем не это.

— Нала...

— Ей досталось больше, — скрывать правду от меня не стали.

А я как раз набралась сил, чтобы выразить свою мысль:

— Не смейте бросать ее здесь одну!

— Девочка, ты не в том положении, чтобы командовать, — справедливо заметила непонятная особа.

Так-то оно так, но я ощущала такой прилив сил, и перед глазами больше не плыло. Извернувшись в руках пожилого мужчины, я вернула себе свободу. Покачнулась, когда ноги встретились с мостовой, но устояла, а миг спустя прижалась лбом к прохладной стене близлежащего здания и часто задышала, борясь с тошнотой.

— Ладно, вытащи и вторую, — тем временем решила незнакомка. — Я пока найду экипаж.

Каблуки уступали куда-то в сторону, мужчина отправился за Налой, я же как раз пришла в себя достаточно, чтобы оглядеться. А посмотреть было

на что... Темный узкий переулок. Явно не в таком должен находиться салон лучшей модистки в городе. Два экипажа, наш и другой, подешевле. И возле второго три тела, которым, судя по всему, больше не суждено очнуться.

Что эта парочка сделала с напавшим на нас парнем и его подельниками, понятия не имею, но что-то долго он не подает признаков жизни... Ну да я бы на его месте тоже лучше притворилась трупом. А на своем — с удовольствием сделала бы так, чтобы притворяться ему не пришлось.

Вернулась женщина быстро.

— Идти сама можешь? — Это она мне, Налу ее сообщник тащил.

— Ага.

До конца не веря, что легко отделалась, я направилась за ней прочь из страшного переулочка.

— Никогда не заботься о ком-то больше, чем о самой себе, — вдруг нарушила молчание, прерываемое тяжелым дыханием, узнанная незнакомка. — Уж поверь, я знаю, о чем говорю.

Молчу. А что тут скажешь?

Отсутствие ответа парочку нисколько не задело.

— Передай своему парню, чтобы поскорее решал что-то с Беатой. Она хочет, чтобы он и его деньги принадлежали только ей, и может повторить попытку, а меня может не оказаться рядом.

Ценная информация. Но...

— Вовсе он не мой парень!

— Тем лучше. — Странная штука — эти маски, они полностью скрывают лицо, но позволяют увидеть улыбку. Намек на нее. — Я как раз собиралась сказать, что он тебе изменяет.

Не мне. К счастью.

Вот только если это такое уж счастье, что же тогда сердце тяжелое, словно камень?

Больше разговоров не было. Нас погрузили в экипаж, перекинулись несколькими словами с извозчиком и отпустили. Когда же я, прильнув к окну, поискала взглядом две фигуры, оставшиеся позади, улица была совершенно пуста.

Дорога до дома прошла в страхе. Нала сломанной куклой лежала на сиденье и лишь только слабо дышала, за окном проносились незнакомые улицы. А вдруг извозчик везет нас совсем не туда? Вдруг я напрасно поверила этим двоим? С чего бы им вообще нам помогать?

К моменту, когда экипаж остановился, меня уже изрядно трясло, а по

щекам бежали горячие ручейки.

Не успела выглянуть в окно и убедиться, что оказалась именно там, где нужно, как дверь распахнулась, являя бледного, перепуганного и злого Тавиша.

— Какого...

Да, нас собирались распекать, но я нарушила все планы, просто упав мужчине в руки и разрыдавшись.

— Что случилось? — прохрипел удушаемый в объятиях наколдованный.

— Сказали, нужно выбрать новые туфли... потом он бросил какой-то порошок нам в лицо... Кучера убили! Я так испугалась!!!

— Где Нала?!

Злость испарилась, Тавиш был до смерти перепуган.

— Здесь. Она без сознания.

Руки словно задеревенели, и разомкнуть хватку я бы не смогла, даже если бы захотела. Да и желания сейчас были прямо противоположные — почувствовать себя в безопасности, чтобы прижали к груди, утешили.

В такие моменты Тавиш всегда был идеальным мужчиной. Меня сгребли в охапку и понесли к дому. На ходу Тавиш успевал бормотать что-то успокаивающее и отдавать распоряжения слугам насчет Налы, вызова лекаря и каких-то отваров для меня.

Час спустя я разместилась на мягком диванчике в одной из малых гостиных, замотанная в плед и почти уже не всхлипывающая. Наколдованный потихоньку вливал мне в рот теплый травяной чай, не забывая аккуратно придерживать голову. Оставалось только глотать. Налу к этому времени перенесли в ее комнату, и только что к ней провели пожилого мужчину с заостренной седой бородкой и ларцом зелий в руках. Вроде бы это семейный лекарь Дивальдов.

Пока ждали его вердикта, Тавиш учинил мне настоящий допрос. Пришлось раза три все подробно пересказать. Только когда я опять попыталась впасть в истерику, этот зверь смилостивился и приказал сварить мне еще что-то успокаивающее.

— Какая же ты сильная, Михаэлла, — пробормотал он, усевшись на подлокотник дивана и поглаживая меня по волосам. — И магическая гадость тебя не взяла, и напавшего ты оттолкнуть успела...

— Подействовала она, просто слабее, чем на Налу, — вяло отбивалась я. — Может, на меня меньше попало?

Наколдованный хмыкнул:

— А вот это как раз неважно. Парализующий магический порошок

запрещен, уж слишком удобно его использовать для всяких грязных дел... Достаточно сыпануть горстку, частицы рассредоточатся по всему помещению, хоть что-нибудь, да вдохнешь. А если вдохнешь, точно свалишься. Он боевых гейров берет, а ты у нас девушка миниатюрная.

Так-то оно так, но как ударила парня в экипаже, даже не помню. И силы быстро вернулись, стоило испугаться и разозлиться... Что-то это да значит.

— Тавиш?

— Мм-м?

Пора было менять тему, пока не вылезло что-то такое, к чему я сейчас не готова. К тому же меня волновало и кое-что еще.

— Кажется, меня эта беглая преступница, Аделина, спасла.

Душа нисколько не противилась безумной версии. Наоборот!

— Мне тоже так кажется, — добил меня Тавиш. — А ты, случайно, не догадываешься почему?

Из-за ларца, конечно! Но как именно тут все связано, я представления не имела, поэтому пробормотала что-то нечленораздельное и сладко зевнула.

Тут как раз принесли новую чашку чая. Ромашкового, если нос не подводит.

Усевшись удобнее, я маленькими глоточками пила ароматную жидкость, мысли же были далеко. Если беглая каторжница охотится за своими сокровищами, почему она не попыталась их у меня вытребовать? Возможность была, никуда бы я не делась. К чему были мимолетные нравоучения? И кто тот мужчина рядом с ней?

Ничегошеньки не понятно.

И от этого еще любопытнее...

Хоть бы с Налой все обошлось!

Сделала глоток, заметила изучающий взгляд Тавиша и чуть не поперхнулась. Вот просто чувствую: в его блондинистой голове родилась очередная опасная затея. Срочно захотелось закопаться поглубже в одеяло!

Чай оказался с сонным зельем, так что желание мое сбылось.

Проснувшись, от служанки узнала последние новости. Нале лекарь определил провести несколько дней в кровати, так что совместный выход в свет откладывается. Девушка до сих пор не открывала глаз, хотя и выглядела уже чуть лучше. Тавиш еще вчера вечером рванул к Ффруа, но вернулся ни с чем, если не считать сбитых костяшек на пальцах. С кем-то он все же сцепился, но Беаты в доме не было. Из салона модистики

прислали наши наряды, и никаких проблем ни с платьями, ни с обувью, ни с чем-то другим не было.

Надо же было так глупо попасться!

Убедившись, что в доме временно установилась тишь да гладь, я направилась в ванную. Там долго отмокала в обжигающе горячей, ароматной воде, наслаждалась тем, как растворяются остатки вчерашних переживаний, а тело и разум заполняют энергия и умиротворение.

В неприятности влипли, выводы сделали... живем дальше.

Когда же вернулась в спальню, там меня поджидала неожиданность. И называлась она — «наглость потусторонняя, неистребимая».

Сначала я его вообще не заметила! Блаженно жмурясь, прошествовала до двери гардеробной, там выскользнула из халата, с удовольствием потянулась до треска в косточках и протянула руку к заботливо приготовленной кем-то одежде на сегодня.

Оставалось справиться всего с тремя застежками, когда где-то сбоку тоскливо вздохнули.

— Хорошее было представление. Жаль, быстро закончилось.

Глянув в зеркало, я еще успела заметить выражение, как у ребенка, у которого отняли конфету, промелькнувшее на узком лице.

Совести у некоторых нет! Они про нее небось даже не слышали.

Подавила желание швырнуть в него чем-нибудь поувесистее и приложила максимум усилий, чтобы пальцы на застежках не дрожали.

— Миша, ты просто искусительница. — В его устах это, наверное, был комплимент, но я как-то не оценила.

— Сразу видно, что кто-то сегодня дома ночевал.

Наколдованный насупился и дразниться перестал. Вместо этого перешел к вещам более серьезным.

— Вдвоем на бал пойдем?

Одно из богатейших столичных семейств сегодня устраивало праздник, который идеально подходил для моего первого появления в свете. Вот только настроения туда идти уже не было.

— А может, лучше дождемся, пока Нала поправится? — Я моляще посмотрела на Дивальда. — С ней мне будет спокойнее.

— Так и знал, что ты это скажешь, — потер ладони Тавиш. — Тогда предлагаю заглянуть в гости к родственникам последнего мужа Аделины Бернежки и разузнать про ларец. Ты со мной?

Прикусив губу, я некоторое время сомневалась. Влезать в очередную авантюру не хотелось. Когда уже наступит спокойная, размеренная жизнь? С другой стороны, не отпускать же этого сумасброда одного? Он что угодно

натворить может. К чему пугать ни в чем не повинных людей?

— Ладно, пойдем. — После долгих колебаний я все-таки сдалась.

— Отлично, — просиял Тавиш. — Мне уже не терпится разгадать эту тайну!

Вот ведь неугомонный, а?

Визит был назначен на вечер. Из родственников у убиенного мужа остались только две дочери. Тавиш отправил им записку с просьбой о встрече, и девушки пригласили нас на чай.

Но до этого мы еще успели заглянуть к очнувшейся Нале. Вчера ей здорово досталось, и сейчас она была еще очень слаба.

— Прости, я испортила вечер, — простонала она, едва увидела нас с Тавишем в дверях. — А ты к нему столько готовилась...

Однако разочарования из-за того, что не попадаю на праздник, я совершенно не испытывала. Напротив, даже радостно, что удалось это дело немного отсрочить.

Да, я трусиха. И нет, мне ни капельки не стыдно!

— Ничего страшного, — заверила болезную и улыбнулась.

Подойдя к кровати, я аккуратно установила поднос с завтраком. Мы не просто так пришли.

— Спасибо, что спасла нас. — Нала тоже вымучила слабую улыбку.

— Это не я, — получилось уж очень таинственно.

Настолько, что она совсем не то подумала...

— О... Надеюсь, ты его хоть поцеловала в благодарность? — Нала стрельнула взглядом в скромно приткнувшегося в кресло Тавиша.

Тот польщенно покраснелся.

— Нет, — пожаловался он, — но она мне кое-что показала...

— А?!

Чего-чего я ему там показала?

— Мм-м, и это было даже лучше, чем поцелуй.

Реакция тела оказалась проворнее разума. Рука сама схватила из мисочки с клубникой самую крупную ягоду и швырнула ее в паршивца. Даже не промазала! Не в лоб, конечно, попала, как мне хотелось, но расплывающееся красное пятно на белоснежной сорочке тоже вполне удовлетворило.

— Убит. — Тавиш притворно схватился за сердце и откинулся на мягкую спинку.

— Понятия не имела, что он подглядывает! — попыталась оправдаться в глазах подруги я.

Правда, моя испорченная репутация никого не интересовала.

— Эй, полегче, это мой завтрак! — прикрикнула на нас Нала и тут же принялась сожалеть: — Опять я все интересное пропустила.

— Специально для тебя мы можем и повторить, — оживился ее неугомонный родственничек.

И так алчно посмотрел на меня, что...

— Только попробуй что-нибудь выкинуть, тогда точно прибью, — зашипела я на него.

Нала наблюдала за нами с неослабевающим интересом.

— Миииш? — Девушка обратила на меня лучезарный взгляд, берясь за ложку.

— Что?

Хорошенькая мордашка сделалась хитрой донельзя. Вот все-таки странно, что она родственница именно этой его половине...

— Ну ты посмотри, какое сокровище пропадает. — Названного брата она обожает, это я за прошедшие дни уже поняла. — Симпатичный, не дурак, богатый, щедрый, родовитый, еще и маг к тому же. Может, давай мы его немного подвоспитаем, и ты за него замуж выйдешь? Я уже к тебе как-то привыкла.

Притворившись, что всерьез задумалась над предложением, я поизучала взглядом пришибленную персону в кресле.

И наконец определилась с решением:

— Тебе надо, ты и выходи. А я не хочу воспитывать, я уже воспитанного хочу.

— Не могу, он мне как брат. — Нала тоже заупрямилась.

Очень кстати опомнился предмет интереснейшего обсуждения.

— Девушки, прекратите меня делить! — вполне серьезно возмутился Тавиш. — Рано меня еще в брачные сети. Я, может, только жить начинаю.

Не сговариваясь, мы с Налой обменялись смеющимися взглядами. Ну-ну.

Развеселый завтрак вымотал Налу так, что стоило нам выйти за дверь, она уснула и до самого вечера, когда мы собрались уходить, больше не просыпалась. Ну и ладно, ей только на пользу, пусть набирается сил.

Протряслись в экипаже почти час. Сегодня на улицах их было много, попадались не только привычные, черные или серые, но и нарядные, украшенные гербами, лентами, с сопровождением. Время было позднее, выспавшаяся знать торопилась на ужины и приемы.

Все это разбудило во мне любопытство. Страшно захотелось узнать, где бывал Тавиш все те вечера, пока я корпела с учителями. Но как?! Если

спрошу, он еще подумает, что мне есть до этого дело... И я не спрашивала.

Как выяснилось, это было далеко не последнее испытание, которое наколдованный блондин мне на сегодня запланировал.

Экипаж остановился у трехэтажного особняка, в котором сдавались квартиры. Каждая из них в несколько раз превосходила мой прежний дом, в просторном холле сидел пожилой мужчина и бдительно следил, кто и к кому приходит, и все-таки, по моему мнению, не так должны жить дочери богача, владевшего несметными сокровищами.

О своих умозаклечениях я не преминула сообщить Тавишу, пока мы взбирались на третий этаж. На что получила познавательный ответ:

— Я навел справки. Сюда девушки переехали уже после смерти отца. И живут достаточно тихо, в свет почти не выходят.

Подозрительность сделала стойку, пришлось отмахнуться от нее. Совсем нервы расшатались с этими нескончаемыми злоключениями.

Стоило лишь слегка нажать на звонок, как дверь сразу же распахнулась.

— Проходите, мы вас ждали, — лучисто улыбнулась хозяйка.

По кружевам, скрывающим мое лицо, скользнул настороженный взгляд.

Я взаимно разглядывала молодую женщину. Невысокая, симпатично округлая, лет слегка за двадцать. Но эти рыжие волосы, немного вьющиеся на кончиках, родинку над левым уголком рта и немного раскосые глаза с хитринкой я определенно уже где-то видела...

Вот только где?

А! Точно! На пути в столицу. Это же Нарья, одна из подруг, с которыми приятно провел время в Терое Тавиш.

Кстати, его выражение лица стоило того, чтобы сюда прийти. Таким удивленным я его не видела, даже когда «любимые родственники» чуть не продали его дом.

Зато Нарья держалась так, будто и в самом деле видит нас в первый раз.

— Проходите, занимайте любые кресла, — усердно исполняла роль гостеприимной хозяйки она. — Какой предпочитаете чай? Или, может быть, кофе? Предложила бы чего-нибудь покрепче, но мы с сестрой не держим в доме спиртного.

Угу. А еще не шастаете где попало и не проводите ночи с первыми встречными.

Ну, сестра-то, может, и не проводит, а вот ты...

Ох, как хотелось ей это сказать в лицо! Но приходилось держаться.

Бегло осмотревшись, я сделала вывод, что квартирка у девушек небольшая. Гостиная, две спальни, кухня и еще парочка бытовых помещений: ванная или кладовка. Все. Даже мебель, похоже, привезена из другого места. Уж слишком громоздкая для небольшого помещения. И вся разная, будто хозяйки просто взяли из старого дома любимое.

Кто бы говорил, конечно, но отчего-то подумалось, что сестрички стеснены в средствах.

— Мы полностью доверяем вашему вкусу, — ворковал тем временем пришедший в себя Тавиш.

Вторая сестра сидела угрюмой букой и лишь слегка кивнула нам в знак приветствия.

Нарья меня раздражала. Я по-прежнему не знала, как себя с ней вести после случившегося в Терое. Хотелось побыстрее выяснить важное и уйти, а не чаи распивать, но треклятая вежливость заставила с благодарной улыбкой принять узорчатую чашку. Даже немного отпить. А вот к пирожному, подsunутому мне едва ли не под нос, даже не притронулась.

— Так что же вас привело? — наконец перешла к делу хозяйка, усаживаясь рядом с сестрой. — Из записки я поняла, что есть какие-то сведения о мачехе.

Слово прозвучало так грубо и неприязненно, что я поежилась. Оно и понятно, учитывая, что сотворила Аделина, но... лично у меня бояться или ненавидеть ее не получалось. Да и не за что было, если честно. Эта странная особа пришла нам с Налой на помощь, когда могла просто пройти мимо.

— Она удрала с острова. — Информации Тавишу было не жалко.

— Знаю, — разочарованно выдохнула Нарья. — Меня туда следователи вызывали, только пару недель назад вернулась из поездки. Это все?

Задумчивый взгляд соскользнул с Тавиша на меня и через мгновение вернулся обратно. Симпатичный и обходительный мужчина интересовал Нарью куда больше девушки в маске, особенно учитывая их общее прошлое.

— Ходят слухи, будто есть некие сокровища, оставшиеся от вашего отца, которые Аделина теперь разыскивает, — в лоб спросил наколдованный, отчего обе хозяйки вздрогнули и переглянулись. — Они действительно существуют?

Прямота, граничащая с грубостью, — иногда вернейшее средство выбить собеседника из равновесия. Вон как обе девицы зашевелились при одном только упоминании о ценностях!

— Как же, разыскивает она! — прошипела Нарья, вмиг утратившая все спокойствие. — Эта гадина украла ларец и где-то припрятала. Больше никому! Отец даже нам не говорил, где он. Все боялся, что мы молодые и глупые, тут же все промотаем.

— А что в ларце, если не секрет?

Девушки еще раз переглянулись, будто безмолвно советуясь, рассказывать нам или нет.

Уж не знаю, честно ли, но Нарья в итоге ответила:

— Мы так и не узнали.

Правдоподобно, но отношение к ней было предвзятое, так что верить я не спешила.

Тавиш же, выяснив, что хотел, сразу засобиравшись уходить, светскую беседу не поддержал, даже чай не допил. И если Нарье это не понравилось, да так, что она даже скрыть своего недовольства не смогла, то мое настроение медленно поползло вверх. Может, не так он и безнадежен?

И правда, не так. Потому что намного хуже!!!

Дернуло же меня спросить:

— Что, разонравилась девушка? Или наоборот, слишком хороша для твоей потусторонней половины?

Мастер в нашем селе, видать, поработал знатный, и даже теперь, когда краска местами слезла, жуткие туши вызывали отвращение. Считалось, что они не делятся на мужчин и женщин, это со слов Тавиша я узнала, что все не совсем так. И теперь, представляя «дам» из другого измерения, видела их именно такими. Зато понимала, почему Тавиш не кривится, глядя на меня. И почти не смущалась его. Только когда он врывался ко мне в момент переодевания, а делал он это с завидным постоянством... впрочем, это уже совсем другая история.

Мы как раз вышли из подъезда и усаживались в экипаж. Наверняка сестрицы наблюдали сверху, макушка от их взглядов так и зудела.

— Связываться во второй раз с одной и той же — не в моих правилах, — сообщил наколдованный, помогая расправить на сиденье мои юбки, чтобы они не помялись.

Запомнить: больше не думать о нем слишком хорошо.

— Почему? — Уж не знаю, хотела разговор поддержать или показать, что мне его похождения совершенно безразличны.

— Тогда это уже не развлечение, а отношения, — поделился ходом своих мыслей демон. — А оно мне надо?

— Тебе виднее.

Очень кстати подумалось, что меня он уже два раза целовал. Ну и

правильно, у нас отношения. Пусть не романтические, но совершенно особые.

Главное, покончить с ними раньше, чем в моей жизни появится кто-то настоящий.

Если появится...

Глава 10

Следующие несколько дней прошли откровенно скучно. Нале полегчало, но лекарь ей подниматься пока не разрешал, и я старалась ее лишний раз нетревожить, к вящему раздражению самой девушки. Тавиша постоянно где-то носило, мы и не виделись почти. Днем он занимался делами, распоряжаясь доставшимся вместе с телом и именем состоянием, сменил управляющих в каких-то имениях и бдительно следил за судьбой изгнанных родственников, заодно искал Беату, но паршивка надежно спряталась. Вечером же посещал ужины и балы, но ночевать неизменно возвращался домой. Боялся, что рыжая негодяйка опять попытается натянуть поводок, и на всякий случай старался держаться поближе ко мне.

Я же занимала себя, чем могла. Время до обеда проводила с учителями, потом уходила в библиотеку и просиживала там до глубокой ночи. Оттуда и знала, что ночует мой любвеобильный друг не где-нибудь, а здесь. Сама слышала, как он возвращался. Только после этого откладывала книгу, гасила светильники и шла к себе.

А в коридорах, вместе с запахами мужчины, усталости, хорошего одеколona и выдержанного вина, всегда чуяла легкий флер женских духов. В дом, где жили мы с Налой, Тавиш женщин никогда не приводил, но сомнений в их наличии в его жизни не оставалось.

Вот же... Что стоило ведьме наколдовать его домашним и более сдержанным?!

Сегодняшний день должен был пройти привычно: я распрощалась с учителями, которые признали мои первые успехи, перекусила и как раз направлялась в библиотеку, мысленно прикидывая, что стану читать сегодня, как вдруг из-за поворота показался Тавиш.

— О! А тебя-то мне и надо, — просиял он и поймал меня за руки.

Ладони у него были привычно прохладные, и я инстинктивно сжала их в своих, чтобы согреть.

Опомнилась, отдернула руки, отвернулась.

— Маг в город вернулся? — Другой причины, почему бы я срочно понадобилась Дивальду, который почти неделю обо мне не вспоминал, в голову не лезло.

— Походи еще немного в маске, нетерпеливая моя. — Губы Тавиша дрогнули в одной из редких улыбок, которая нашла отражение и в глазах. Он взъерошил мне волосы и настойчиво развернул лицом к себе. — Я

просто хотел узнать: а не засиделась ли ты в четырех стенах?

Ну... вот даже не знаю, что тут ответить. Стен тут не четыре, а куда больше, и прошедшее время было проведено с пользой. К тому же наблюдать, как он крутит очередные шашни, лично у меня желания не возникало, особенно без поддержки Налы. Но и выбраться куда-нибудь хотелось, попробовать применить полученные от учителей знания на практике.

— Сегодня вечером будет одно мероприятие. — Пока я отмалчивалась, Тавиш все решил. — Да не трясись ты, это не бал, и там будет темно! В общем, ты будешь моей парой. А завтра смотаемся на остров и попробуем еще разузнать про Аделину, я как раз организовал портал.

— Лучше бы ты с таким же рвением Беату разыскивал, — проворчала я, отступая на шаг.

Вечер? Его пара?!

Дыши, Михаэлла... Вдох-выдох.

Пусть только выкинет что-нибудь, я ему такое устрою!

— Думаешь, я не разыскиваю?! — тут же вскинулся Тавиш. — Она оказалась умнее, чем я думал.

Отвечать не стала, чтобы не продолжать спор. Лично я не могла считать умной женщину, собственноручно разрушившую свою жизнь, а потом решившую наколдовать себе любовника, прекрасно зная, что ритуал может привести к каким угодно последствиям. Ну а то, что прячется ловко... Можно подумать, у нее есть выход! И вообще, если бы кто-то меньше тратил времени на девиц сомнительного поведения, может, уже бы и нашел.

Мысленно продолжая ворчать в этом же духе, я отправилась к себе в комнаты. Хоть Тавиш и заверил, что там ничего такого и выглядеть можно просто, нужно было переодеться. Не в домашнем же платье идти.

Распахнув дверь в гардеробную, минуту я простояла в растерянности. Трудно было привыкнуть, что у меня столько вещей. Да что там вещи, благодаря Тавишу теперь у меня есть кругленький счет в банке, и я сама могу купить себе что угодно, даже собственный дом. Но и это казалось пустяком в сравнении с тем, что теперь у меня есть близкие люди и шанс на нормальную жизнь.

Вспомнила, как наколдованный заботился обо мне, и на сердце неуволимо потеплело. Глупая я. Это куда ценнее, чем если бы я привлекала его, как одна из этих легкодоступных девиц.

Отмахнувшись от внезапно нахлынувших мыслей, я решительно сняла с вешалки платье, достаточно скромное и удобное, чтобы я могла одеться

без посторонней помощи. Весь процесс занял всего несколько минут, после чего я, захватив туфли, вернулась в спальню и ненадолго застыла перед зеркалом.

А ничего! И то, что лицо затянуто белоснежным кружевом, только придает загадочности и какой-то пикантности.

Столичный шарм, вот как это называется. Простое темно-синее платье с кораллового цвета манжетами и оторочкой по подолу выглядело скромно. Даже красновато-оранжевые камешки на плечах и внизу юбки не делали его нарядным. Волосы я просто расчесала, сунула ноги в туфли на низком устойчивом каблуке, закрепила вокруг талии тонкий поясok в цвет украшений на платье и решила, что готова выйти из дома.

— Ты быстро учишься, — отметил мое появление Тавиш.

— А у тебя странная манера делать комплименты, — не успела прикусить язык я. — Мог бы просто сказать, что хорошо выгляжу, мне было бы приятно.

Дивальд хмыкнул и промолчал, только подал мне руку. Помедлив немного из чистой вредности, я ее все-таки приняла, и мы направились к уже ожидающему экипажу.

В нем тряслись почти час, я даже задремать успела. Спутник благородно подставил плечо, и не то чтобы это было неприятно, но гордость оказалась категорически против. Так что я откинулась на спинку, и хоть она и была мягкой, к моменту, когда экипаж замер, шея изрядно ныла.

Выходили мы на городской окраине, которая была мрачной, злочной, грязной, — в общем, именно такой, каким и обязано являться подобное место. Сумерки, казалось, добрались сюда на пару часов раньше положенного времени, а по самым укромным закоулкам уже шныряли подозрительные личности. Я кожей ощущала каждое их движение, кажется, даже дыхание расслышать могла. Что только не пригрезится со страху!

Забыв все глупости, намертво вцепилась в руку Тавиша.

Куда он меня привез?! Мало у нас было неприятностей? Кому-то еще захотелось?

А тут еще наш экипаж двинулся с места и куда-то поехал.

Под кожей пронеслась волна жара. Тавиш с ума сошел?!

— Что это значит?! — выдохнула свистяще.

— Опасно оставлять здесь экипаж и слуг, — невозмутимо сообщил он. — Местечко то еще. Поэтому неподалеку есть замаскированная магией и надежно охраняемая площадка. Нас заберут, когда все закончится.

Ага, их, значит, опасно, а нам в самый раз?! Ладно, на мне ничего

ценного нет, но у Тавиша перстни, запонки и часы золотые с драгоценными камнями в кармане, я видела. Фу ты, вырядился, как на светский прием! На языке уже вертелась лекция о правилах элементарной осторожности, принятых в этом мире, если некоторые переселившиеся не в курсе, но высказаться я не успела.

Снова характерный грохот. И еще один экипаж, который тоже скрылся минуту спустя, оставив на разбитой мостовой троих мужчин и женщину. В отличие от нас, они медлить не стали, сразу скрылись в ближайшем здании трущобного вида.

Э-э-э?

Тавиш уверенно повлек меня туда же.

Он явно оценил мой испуг, и по наглой физиономии растеклась довольная ухмылка. Ах ты ж зар-ррраза!

Меня будто прорвало:

— Жить надоело? Или не терпится с драгоценностями расстаться? Так мог просто подарить их какому-нибудь нищему, не обязательно еще и меня заставлять рисковать. — Фу-у-у, выдохлась. Но запал еще не прошел.

Впрочем, долго слушать нравоучения Тавиш никогда не любил, вот и сейчас поспешил перебить, пока я не набрала воздуха для нового витка:

— Брось, это обычное развлечение знати...

— Дать возможность себя ограбить? Вы тут что, соревнуетесь, у кого украли больше?!

Чокнутые. Даже не знаю, кто ненормальнее: мой полупотусторонний друг или столичные аристократы.

— Миша, угомонись, — перестать улыбаться он все-таки не мог. — Ничего страшного не случится. Но ты правильно сделала, что надела неброское платье. Здесь лучше не выделяться.

Лязгнула тяжелая дверь, кожу слегка царапнуло — мы прошли магическую защиту.

Поморгав немного, я приспособилась к царившему в узком длинном холле полумраку и как раз успела увидеть, как Тавиш передает низкорослому сутулому мужчине с несимпатичными острыми чертами лица и сальными волосами, собранными в хвост, несколько сверкающих монет.

— Проходите, — растекся в неискренней улыбке тот. — Дорогу вы знаете.

— Благодарю, — сухо откликнулся Дивальд.

— И присматривайте за своей девушкой, — с неприятной усмешкой посоветовал... а вот даже предположить не рискну, кто он здесь. — Иначе

имеете все шансы отправиться домой без нее. Многим женщинам нравятся эти звери, вы знаете.

Даже в полутьме было видно, как помрачнел Тавиш. Мою руку, все еще зажатую в его ладони, кольнули отрастающие когти.

— Моя подопечная, — процедил сквозь зубы мужчина, специально акцентируя второе слово, — не из таких.

— Как скажете, — хихикнул неприятный тип и переключился на новых гостей.

Мы же прошли длинный узкий холл без каких-либо украшений, в его конце уткнулись в лестницу, устремляющуюся вниз, и стали спускаться.

Лестница была до того узкой, что создавалось ощущение, будто стены сжимают, не дают вздохнуть. Но глаза настолько привыкли к скудному освещению, что неплохо различали ступени, которым, казалось бы, полагалось тонуть во мраке. И все равно место оставалось крайне неприятным. Поэтому, когда лестница вывела нас в небольшой подземный зал, оснащенный магическими светильниками, а в его конце обнаружили огромные двустворчатые двери, я вздохнула с облегчением. Как оказалось, рано.

За дверьми обнаружили трибуны. Они шли по кругу огромного зала, а в центре него расположилась обнесенная магической решеткой арена.

Как много места... Как много людей... Я и не предполагала, что мы спустились так глубоко.

— Где это мы? — Я настойчиво подергала спутника за рукав.

Была готова, что он опять не скажет ничего внятного, но Тавиш умел быть неожиданным.

— Слышала когда-нибудь о риссах? — уточнил он, пока мы пробирались к своим местам.

— Мама Мианна учила со мной историю, — немного обиженно напомнила я. — Во время последней войны, которая длилась больше пяти лет, несколько добровольцев согласились выпить особое зелье, которое изменило их тела, превратив в совершенные орудия для уничтожения врага. Ну и что с того? Несколько сотен лет прошло, при чем здесь это?

Дивальд помог мне усесться и задал следующий вопрос:

— А что с ними дальше стало, ты знаешь?

— Нет. Откуда? — передернула плечами я.

Дались ему те риссы!

— Так я и думал, — удовлетворенно отметил Тавиш. — Смотри внимательно, Михаэлла. Сейчас ты увидишь бой риссов.

Что-то мне не по себе стало...

— Хочешь сказать, что герои войны теперь бьются на потеху знати? — Я с искренним ужасом воззрилась на сидящего рядом мужчину.

— Не сами они, а их потомки, но тоже риссы, — поправил он. — И не на потеху нам, а по каким-то своим причинам. Но они разрешают присутствовать всем желающим, а желающих обычно много.

— И берут деньги за вход. — Это просто в голове не укладывалось.

— Нет, как раз вход совершенно бесплатный, — хохотнул Тавиш.

— За что же ты дал деньги тому противному типу?

— Ставку сделал, — честно признался этот неугомонный. — Впрочем, выигрыш забрать вряд ли получится.

И столько печали в голосе... Ну прямо карапуз, у которого отняли конфету!

— Почему? — любопытствовала я просто потому, что пока заняться было больше нечем.

— Если таковой случится, его все равно придется отдать, чтобы мы с тобой могли выйти отсюда живыми и с полным комплектом частей тела. — Со мной снова были честны.

И снова привычный мир расширился. А еще срочно захотелось и столичную знать, и риссов всей толпой отправить на консультацию к мозгоправу. Им это очень надо!

Смотреть пока было не на что, арена пустовала, если не считать мага, проверяющего, не нужно ли где усилить защиту. И пока бой не начался, Тавиш как раз успел объяснить мне немного про загадочных существ.

То зелье сделало их почти оборотнями, о которых рассказывают в сказках, с той только разницей, что они были разумны, превосходили в размерах и, хотя и обрастали шерстью, не теряли человеческих очертаний. Пути назад не было. Те несколько человек фактически пожертвовали собой.

После окончания войны они стали не нужны, но король, который правил тогда, был им благодарен. Он велел построить для риссов отдельный квартал в столице и выдать каждому внушительную сумму вознаграждения. Измененные распорядились золотом с умом, так что теперь их потомки не просто обеспечены, а очень богаты. И услуги власть предержащим до сих пор оказывают, иначе как еще риссам удалось добиться почти полной независимости?

Так и живут: вроде бы в городе, почти в самом центре столицы, но как бы сами по себе, в своем маленьком королевстве. У них даже правитель собственный есть. Тавиш мне его показал осторожно. Худощавый черноволосый мужчина по виду ничем не отличался от обычного человека. Он сидел на противоположной стороне трибун, в самом первом ряду, и с

задумчивым видом смотрел в никуда.

Но стоило моему взгляду скользнуть по синему бархатному камзолу и остановиться на перстнях, которыми были унижены переплетенные пальцы, мужчина выпал из своих мыслей и посмотрел прямо на меня. Прямо в глаза. Будто по носу щелкнул.

Я вздрогнула и, спасаясь от его тяжелого взгляда, отвернулась.

Несколько мгновений боролась с желанием снова глянуть туда, чтобы узнать, чем занят самый главный рисс.

Удар гонга стал настоящим спасением. Начался бой.

Всеобщее внимание разом переключилось на арену.

На ней как раз в этот момент появились трое: два мускулистых рисса в удобных обтягивающих одеяниях и уже знакомый мне неприятный тип. Он поприветствовал присутствующих, поблагодарил за ставки, представил противников и исчез.

Грянул второй гонг.

Мужчины в мгновение ока оказались на противоположных сторонах арены, подобрались, приняли боевые стойки и... начали обрастать шерстью. Одежда просто исчезла. Тела раздались, риссы стали выше и крупнее. Я и не поняла, в какой именно момент у них появились звериные головы, похожие на волчьи, с сияющими желтыми глазами.

Третий удар смешался с рыком, от которого кровь в жилах застыла. Противники бросились друг на друга.

Это было страшно. От звуков, которые они издавали, не то что кровь, воздух в легких замерз. И не у меня одной, весь зал затих. Казалось, никто даже пошевелиться не осмеливался. А в пределах зачарованной решетки тем временем катался бело-золотистый рычащий клубок, летели в стороны клочья шерсти и кровавые брызги. Защита то и дело начинала мерцать всеми цветами радуги, еще и шипела, когда об нее ударялась чья-нибудь туша, но все выдерживала.

Я сама не поняла, в какой момент вцепилась в руку Тавиша. Обнаружила это, только когда почувствовала его палец, нежно скользящий по моей ладони. Действие было совершенно механическим, учитывая, что взгляд Дивальда был прикован к происходящему на арене.

Как такое может нравиться?! Жуть какая-то! Зверство. Я почти сразу уткнулась взглядом себе в колени, еще бы и уши с радостью заткнула. Однако большинство присутствующих были всецело поглощены боем.

Похоже, местным аристократам золото на мозги давит, вот они и утратили ориентиры. Больше никогда не дам себя заманить в подобное место!

Тем неожиданнее оказалось услышать от Тавиша минуту спустя:

— Вставай и осторожно пробирайся к выходу. Мы уходим.

Поначалу я недоверчиво моргнула, но, обнаружив, что сам Тавиш решительно поднялся, тоже вскочила и с энтузиазмом рванула в указанном направлении. Дело это было нелегкое, учитывая, что свободных мест на трибунах не осталось, а сидели мы в середине ряда. Приходилось протискиваться под недовольное ворчание других зрителей. Даже несколько замечаний относительно родословной моего спутника прозвучало.

Он не прореагировал. Видно, дело совсем плохо.

— Тавиш? — обеспокоенно зашипела я.

— Иди, не отвлекайся. — Поговорить он не был настроен.

Но поскольку втравила нас в это не я, можно было и посвоевольничать:

— Почему мы так внезапно сорвались? Я думала, тебе интересно.

Позади шумно вздохнули, видимо, пытаясь вернуть внутреннее равновесие.

— Главное я уже увидел. К тому же тобой заинтересовались. Так что шевелись, дома поболтаем.

Серьезно? Он правда думает, что можно все вот так и оставить?

— Что-о?! — Услышанное удивило и напугало, и я, запутавшись в юбках и ногах, наступила на ногу пожилой разодетой тетке.

Пришлось истратить несколько драгоценных мгновений на извинения, и все равно вредная особа продолжала брюзжать, пока Тавиш не разулыбался и не отвесил ей несколько изобретательных комплиментов.

Однако помешала смяться нам вовсе не моя оплошность.

— Господин Дивальд? — послышался крайне удивленный женский голосок, когда я как раз выбралась в проход и собралась вздохнуть с облегчением. — Какая приятная неожиданность!

Да ладно?! Лично я была иного мнения.

Но Тавиш уже наклеил на физиономию любезную улыбку. Интересно, только я вижу, насколько она фальшивая?

— Нарья? — приподнял изящную светлую бровь тот, кто нынче носил известную в высших столичных кругах фамилию Дивальд. — Потрясающе выглядите. Красный вам идет. И эта шляпка...

Денег на наряд падчерица Аделины не пожалела. И Тавиш, оказывается, прекрасно умеет похвалить женскую красоту. Вот только меня эти открытия скорее раздражали.

— Благодарю, — сверкнула глазами и улыбкой наша старая

знакомая. — Заметили, как часто мы сталкиваемся в последние недели? Быть может, это судьба?

Как ловко. Даже я оценила.

А вот улыбка Тавиша сделалась чуть более искренней.

— Прощу меня простить, но мы как раз уходим. — И сожаление мне показалось вполне настоящим. — Моей сестре стало дурно от кровавого зрелища.

— О, я все понимаю, — сочувственно закивала хитрая особа. — Я сама большую часть представления просидела зажмурившись. Но, пока вы еще здесь, можно вас попросить об услуге?

Это был шаг за рамки. Если я правильно помню уроки этикета, незамужней девушке не следует обращаться с просьбами к чужому мужчине. Впрочем, чему я удивляюсь? Все эти маски, бои, свободный образ жизни... С тех пор как король покинул столицу, рамки заметно раздвинулись.

— Вы можете попытаться, — блистательно улыбнулся Дивальд.

Просительница ничуть не смутилась.

— Друзья, с которыми я пришла сюда, завтра уезжают, а через несколько дней у Дешеев состоится большой прием. Вы должны знать, ваши имена есть в списке гостей. — И продемонстрировать, что навела справки, она тоже не постеснялась. — Мне очень хочется туда пойти, но хозяева придерживаются строгих правил и не обрадуются, если незамужняя девушка явится одна. Наверняка подумают обо мне плохо...

— Разумеется, вы можете присоединиться к нам. — Тавиш помнил, что мы спешим, и времени на отговорки тратить не стал. — Мы заедем за вами.

Распроставшись с Нарьей и не забыв коснуться губами ее руки, Дивальд схватил меня за локоть и поволол к выходу.

— Будешь целовать всякую гадость, губы бородавками покроются. — Я так нервничала из-за внимания жутковатых риссов к моей скромной персоне, что сдержаться и не съязвить просто не смогла.

Дивальд фыркнул и ускорил шаг, чтобы некоторым стало не до болтовни.

— Я учту.

Но было поздно. У заветной двери нас уже поджидали. А все чья-то невоздержанная в развлечениях натура виновата! Злость на этого ловеласа была такой сильной, что я стряхнула его пальцы со своего локтя и, гордо вздернув подбородок, устремилась к цели.

Помимо уже не раз замеченного в зале хвостатого типа выход

перекрывал главный рисс собственной персоной и еще двое, светловолосых и совершенно одинаковых. И не то чтобы настроены они были враждебно, но смотрели так внимательно, пристально и изучающе, будто нацелились разрезать меня пополам, чтобы выяснить, что там внутри.

Стало совсем не по себе. И безумное упрямство еще настойчивее потребовало не показывать вида.

Да что это со мной?!

Тавиш не отставал ни на шаг.

— Уже уходите? — бесцеремонно поинтересовался главный рисс, когда мы оказались прямо перед ним, и прошелся по мне весьма откровенным взглядом.

Желание прямо сейчас сдернуть маску и тем самым убить его интерес на месте я подавила. Оставим это на самый крайний случай. А вот воспротивиться какому-то новому чувству не сумела и тоже принялась демонстративно его разглядывать. Черноволосый, подтянутый, глаза выразительные... Назвала бы его красивым, если бы не был таким беспардонным. И если бы не превращался в жестокого зверя. Но последнее почему-то смущало чуточку меньше.

— Моей спутнице стало нехорошо от этого зрелища. — Тавиш неопределенно махнул рукой в сторону арены.

Кстати, там уже все закончилось. А мы так торопились убраться отсюда, что не заметили, ни чем, ни когда. Но другие зрители оставались на местах, значит, ожидается еще бой.

— Вот как? — На холеном лице главного рисса промелькнуло недоумение. — Интересно.

Показалось, или он носом повел? Обнюхивает меня?!

— Вы нас задерживаете, — процедил сквозь зубы Тавиш. По тому, как его пальцы сжимались в кулаки и снова разжимались, можно было понять, что он с трудом сдерживается. — Девушка плохо себя чувствует, ей нужно на воздух. Дайте пройти!

Включившись в игру, я напустила на себя самый несчастный вид, на какой была способна. С непривычки получилось не особенно убедительно, но тоже кое-что.

Близнецы посмотрели на черноволосого в ожидании хоть каких-то распоряжений.

— Да идите, кто вас держит! — заявил тот и с места не сдвинулся. — Только сначала не будете ли так любезны просветить меня, господин Дивальд, откуда у вас вдруг возникла новая родственница?

К этому мы готовились, хотя и ожидалось, что вопрос будет исходить

от тех, кто хотя бы имеет право его задать. Тавиш чуть склонил голову набок и смерил меня таким взглядом, будто сам впервые увидел. Позер несчастный. Нашел время выделяться.

— Из глухой деревни, — выдал заходя заготовленную версию он. — Она выходила меня, когда я едва концы не отдал из-за пробуждающейся магии, а я в благодарность забрал ее в столицу. Вот собираюсь вывести в свет. Еще вопросы?

— Дайте подумаю...

Эти двое с удовольствием мотали друг другу нервы. Один нагло врал, второй, подозреваю, прекрасно об этом знал, но уличить не мог... или пока не мог. А мне было страшно до одури. Внутри натягивалась-натягивалась невидимая струна и в один прекрасный момент лопнула. Меня это достало!

Первым пришло в голову уже знакомое — снять маску, и пусть они полюбуются, живо все любопытство растеряют. Но тогда выход в свет отменится и новая жизнь окажется под большим вопросом. И тут в голову пришел совсем другой вариант, не менее противный, зато куда более авантюрный.

Я покачнулась, во всех красках припомнила, что недавно успела увидеть на арене, да так живо получилось, что к горлу и в самом деле подступил ком.

— Вы в порядке? — Первым почуял неладное самый влиятельный рисс, потому что стоял ближе всех ко мне.

А я только того и ждала.

— О-о-о, что-то меня мутит!.. — И еще раз пошатнулась, а потом стала потихоньку склоняться таким образом, чтобы было похоже, будто я собираюсь сделать грязное дело прямо на его дорожки, начищенные до блеска сапоги.

Может, будь у него времени побольше, он бы и распознал ложь, но сейчас рисс ругнулся, шарахнулся в сторону и уже с безопасного расстояния рывкнул:

— Не смею вас больше задерживать, как-нибудь потом поговорим. Живо, выведите ее на воздух!

Через каждые два шага отбирая меня друг у друга, Тавиш и близнецы ломанулись к выходу. Восхождение на лестницу в таких условиях превратилось в опасное приключение. А как только мы с «родственничком» оказались в экипаже и тот качнулся, что, несомненно, обозначало начало движения, наколдованный ехидно произнес:

— Хватит притворяться, Мишка. Я не какой-то блохастый, меня так легко не проведешь.

Разоблачение маленького спектакля совсем не вызвало смущения. Видимо, этот этап мы уже прошли.

Раскусил? Ну и ладно, ну и пожалуйста! Мне же меньше напрягаться.

Откинувшись на мягкую спинку, я успела еще увидеть мельком исчезающих вдалеке риссов. Фу, кажется, выкрутились!

— Чего им надо было вообще? — Недовольство почему-то было направлено на спутника.

Вечно он втягивает меня в неприятности! И на фоне этого тот факт, что он же обычно нас обоих оттуда и достает, терял всякое значение.

— Понятия не имею, — скривился Тавиш. — Я заметил, что Эд показывает тебя кому-то из своих, и решил на всякий случай убраться оттуда.

Противный внутренний голосок предрек, что встреча с главным риссом еще повторится. Настроения это само собой не прибавило, и я не стала тратить душевные силы на то, чтобы сдержаться:

— И у нас бы это могло получиться, если бы не твои девки, — сказала с укором и подкрепила слова взглядом.

— А ты ревнуешь? — как всегда в такие моменты принялся хохмить друг.

— Вот еще! Просто хочу спокойной жизни.

Правда хочу. Очень-очень.

— Помню. — Дивальд отстранился, полумрак экипажа несколько не помешал ему заглянуть мне в лицо. — Размеренного быта, правильного, унылого мужа и прорву детей. Ты же сама через пару лет от тоски взвоешь!

— Не взвою!

— Точно уверена?

Мгновение мы боролись взглядами, и тот факт, что из-за темноты глаз друг друга не видели, абсолютно не мешал.

— Я лучше знаю, что мне нужно! — в конце концов упрямо тряхнула головой я.

— И жалеть не станешь? — тоскливо уточнил Тавиш, будто я ему предлагала присоединиться ко мне в моем тоскливом существовании.

Покровители упасите от такой компании!

— Нет.

Темноту заполнил его вздох.

— Что же, каждый из нас получит желаемое, — пробормотал наколдованный, возвращаясь в нормальное положение.

Ехать до дома еще оставалось некоторое время, и в тишине и темноте в моей голове рождались несколько неожиданные мысли.

Рисс, наверное, как-то сообщил о моем состоянии, потому что экипаж ждал нас у входа...

А с Тавишем потому так легко и свободно, что ему я могу сказать все. Абсолютно все. Даже то, в чем самой себе признаться страшно.

Глава 11

Три дня спустя Нале полегчало настолько, что она спустилась к завтраку, напрочь игнорируя протесты приставленных к ней служанок и даже недовольство названного брата. Тот, правда, гнев на милость быстро сменил, увидев, с каким аппетитом болезная уминает блинчики, не забывая поливать их растопленным шоколадом.

— А вдруг наша Михаэлла Эду просто понравилась? — все никак не могла уговориться эта сводница.

К этому времени я уже знала, что главный рисс зовется красивым именем Эдвин Марре и... собственно, все. Сведения о нем и вообще о них всех оказались крайне скудны даже у Тавиша, а уж он-то знал в столице всех, кто был сколько-нибудь достоин внимания. Из этого следовало, что, несмотря на показательные бои, живут звероподобные крайне обособленно. Откуда же тогда столь откровенный интерес к моей никому пока не известной особе?

Может, напрасно дергаюсь, но мне теперь в каждом шорохе рука Беаты мерещится. Тем более что эта женщина как сквозь землю провалилась.

— Чушь не мели. — В отличие от младшей родственницы Тавиш все это время пребывал в крайне скверном настроении, даже по вечерам оставался дома. Видно, совсем привязки ему покоя не дают. — Обычная девчонка, да еще в маске. Нет, тут должно быть что-то другое...

Но эту егозу так легко не проймешь!

— Миша у нас даже в маске милашка, — упорствовала в своей версии она, успевая активно орудовать ножом и вилкой. — Ты же не станешь спорить? Или, может быть, ты ревнуешь? Давно пора!

Дивальд подавился и совсем не аристократично закашлялся.

— Просто помню, что ее идеал — одутловатый зануда, — пробурчал он, когда приступ прошел, и ужалил меня взглядом.

Стало неприятно. Вот зачем он все переиначивает? Я ему доверилась, а он...

— И ничего он не такой, — обиженно возразила я, будто бы этот самый идеал уже существовал.

Если бы меня еще слушали!

— Неужели ты вот так запросто уступишь ее какому-то скучному борову?! — возмутилась Нала и сверкнула взглядом на брата.

— Это не нам решать, — пожал плечами Тавиш. — Хочет, пускай идет.

Есть совсем расхотелось. И сама не знаю, зачем я сказала:

— Оставь брата в покое, у него уже есть дама... правда, не сердца, а кое-чего другого. Скоро познакомитесь, она с нами на праздник идет.

Потом пожалела, и Тавиш так осуждающе посмотрел, но сказанного обратно не затолкаешь.

— Ах вот как?! — взвилась со своего места Нала.

— Ага! — подтвердила я, радуясь, что мы наконец-то обсуждаем не мою отсутствующую личную жизнь.

Пусть и он прочувствует, как это, когда окружающие так и норовят к тебе в душу залезть и вроде как имеют на это полное право.

— Мишка, давай его побьем, — запыхтела разгневанным хомяком Нала. — Глядишь, мозги на место встанут, а то его при переносе в твою глушь, видать, уронило.

И, уперев руки в бока, двинулась в наступление.

Поучаствовать страсть как хотелось, но тогда получится, что мне вроде как не все равно... Поэтому сидим на месте ровно и вяло ковыряем остывший блин.

— Девчонки, вы чего?! — забеспокоилась жертва воспитательного процесса. — Эй, я ведь и ответить могу!

Бабах!

Это Нала в него яблоком запустила. Даже попала.

— Будешь знать, как со всякими сомнительными девицами путаться, да еще к нам их приводить!

— Да с чего вы взяли, что она сомнительная?! — все еще пытался решить дело миром наколдованный. — Нормальная девушка из приличной семьи.

— Приличные девушки с мужчинами на постоянных дворах не развлекаются, — опять не смолчала я. Просто очень злило, что эта Нарья вечно под ногами путается. У нас с Налой первый выход в свет, а тут она...

И нечего на меня так укоряюще смотреть, я же не упомянула, что девиц тогда двое было! Подругу пожалела, нечего ее в подробности похождения некоторых невоздержанных личностей посвящать.

— Ну, держись! — предупредила Нала, примериваясь к тарелке с блинами.

Но Тавиш ее опередил и блюдо проворно отодвинул на противоположный край стола. И пока девушка выбирала новое оружие, вскочил со своего места, схватил мисочку с растопленным шоколадом, вооружился ложкой...

— Я предупреждал...

— И-и-и-и-и! — взвыла Нала, отфыркиваясь от липких брызг.

Вот теперь можно и вмешаться. В моих руках как-то внезапно оказался вишневый сироп, и в столовой закипела настоящая битва с укрытием в виде стола и угрозами от Тавиша, что заставит слизать с него каждую капельку. Почему-то только в мой адрес.

Потом, когда слуги очищали столовую, было стыдно. Но только мне, Тавиш успел куда-то сбежать, а Нала заявила, что битва ее совсем вымотала, и заперлась у себя, перед этим заставив меня пообещать, что вечером без нее не уйдем. Вот ведь неугомонная парочка!

И маг, как назло, куда-то запропастился...

С тех пор как Нарья навязалась с нами, вопрос внешнего вида меня особенно волновал. Глупо и смешно, но... так хотелось выглядеть лучше, чем эта кукла фальшивая! Понятно же, что она специально вокруг Тавиша крутится. Прознала, что выгодный жених, и решила прибрать к рукам. А он, где не надо, изворотливый, а от этой пиявки отделаться не смог. Досадно так...

Все мужчины такие бестолковые или только наколдованные?

Вот бы ей лицо прыщами обсыпало!

В таком настроении и собиралась. Сперва, вооружившись всевозможными примочками и притирками, добрых два часа провела в ванной, а выйдя оттуда, вопреки обыкновению, не стала возражать, когда молоденькая горничная взялась помогать с нарядом. Но и сама не стояла истуканом, а активно участвовала в процессе, так что закончили мы гораздо быстрее, чем планировали. Еще время на прическу осталось.

Итоговый взгляд в зеркальные глубины впечатлял. Там отражалось хрупкое белокурое создание, которое я с трудом могла ассоциировать с собой. Бледное, розовато-сиреневое платье эффектно подчеркивало грудь и талию, а затем плавно пышными юбками спускалось к ногам. По обтянутым тканью плечам в искусном беспорядке разметались светлые локоны. Лицо было затянуто густым кружевом, а таинственный блеск в глазах можно было сравнить с сиянием аметистов в ушах и на шее.

Кто его знает, как оно там с этим магом будет... А пока надо наслаждаться моментом!

— Принято считать, что под масками скрываются самые завидные невесты, — сообщила Нала, в своей обычной манере вламываясь ко мне без стука и разрешения. — Можешь не переживать, в свете обожают тайны, интриги и всю подобную ерунду.

Признаюсь, она меня утешила. Как знать, может, в назначенный день я

вместе с другими девушками сниму маску, и под ней окажется обыкновенное лицо. Или же просто исчезну. Слухи, конечно, пойдут, но мне до них дела не будет, к тому времени я уже начну новую жизнь где-нибудь в срединных кварталах и разве только иногда стану вспоминать весь этот водоворот приключений.

Облаченная в темно-синее платье с редкими, едва заметными цветочками на подоле, Нала казалась моей противоположностью. А Тавиш в белом и вовсе смотрелся сказочным принцем. И тот факт, что содержание форме не соответствовало, только добавлял ему притягательности.

Осыпав нас словами восхищения, Тавиш лично помог каждой забраться в экипаж и продиктовал кучеру адрес Нарьи. Наше с Налой недовольство проигнорировал, равно как и жалобы на то, что внутри и без того тесно.

— Жаль, я только сегодня о ней узнала, — прошептала мне в ухо Нала. — Не было времени подготовиться к встрече.

Я спрятала улыбку в уголках губ, а наколдованный все равно услышал.

— Только попробуйте что-нибудь вытворить, — тихо, но веско сказал он.

В этот раз я знала, с чем столкнусь, и не особенно этого хотела, поэтому путь показался возмутительно коротким.

Ждать себя прилипала не заставила. Тавиш только вошел в дом и почти сразу же вышел, проведя там ровно столько времени, сколько могло понадобиться, чтобы подняться на нужный этаж и поздороваться с хозяйками. Похоже, Нарья в полной готовности караулила его у двери своей маленькой квартирки.

— Добрый вечер, — кивнула она нам, с помощью Дивальда забираясь в экипаж — Еще раз простите, что навязалась. Обещаю, я буду тише мышки, вы даже не заметите меня.

К арсеналу смущенных, невинных и безумно виноватых улыбок прилагалось скромное зеленое платье, на порядок дешевле наших с Налой нарядов. И все бы ничего, если бы вчера я собственными глазами не видела ее в роскошных одеждах и блеске драгоценностей...

— Что вы, дорогая, мы рады вашей компании, — ободряюще улыбнулся Тавиш, помогая девушке усестись рядом с собой. — И учтите, с вас минимум два танца.

Экипаж тронулся.

Хитра, зараза. Вон, даже Нала смотрит на меня вопросительно. Ладно, она, но почему Тавиш после всего, что между ними было, все еще заинтересован в ней?!

Постичь его логику оказалось нелегко, и, чтобы не ломать голову понапрасну, большую часть пути я перебирала в мыслях знания, полученные от учителей. Не хватало еще опозориться!

Доставив нас к огромному дому, окруженному галереей со скульптурами белых волков в разных позах, экипаж скрылся. Тавиш был занят, а на меня напала легкая паника, пришлось цепляться за подругу.

— Не волнуйся, мы себе еще лучше поклонников найдем, — «утетила» меня она.

Но доставать Нарью раздумала. Ни за что не сознаюсь, но это немного злило.

— Попробуем, — без особого энтузиазма согласилась я, — раз уж этого у нас безнадежно отбили.

Кто же мог предположить, что получится?

Входя в дом под руку с подругой вслед за мило щебечущей парочкой и вежливо улыбаясь хозяевам — паре средних лет в элегантных, немного старомодных нарядах, я всерьез намеревалась приткнуться где-нибудь в укромном уголке и провести там весь вечер. А представится возможность, и пораньше сбежать домой. Но такой стройный и симпатичный план был вдребезги разбит еще при входе в бальный зал.

Гостей пока было не много, и Нарья, окинув беглым взглядом нарядное помещение, аккуратно высвободила руку из хватки Тавиша.

— Прошу прощения, мне нужно взглянуть на себя в зеркало, — сладко улыбнулась она. — Михаэлла, не составишь компанию?

Я растерянно моргнула. Просто как-то не подозревала, что в дамской комнате кому-то может понадобиться компания. Нала, видимо, подумала о том же, потому что сдавленно хихикнула. А Тавиш галантно отступил в сторону.

— Разумеется, девушки.

Согласия и от меня Нарья дожидаться не стала, живенько вцепилась в локоть и потащила в нужном направлении. При этом девица двигалась до того целенаправленно, что сразу становилось ясно: в этом доме она не в первый раз. Что же ей вдруг сопровождение понадобилось?

Дверь со стуком закрылась, отгораживая нас от гостей и суесящихся в коридорах слуг. Вечер еще только начинался, посему посетить это место пока никому не понадобилось. Ну, кроме нас.

Плохо себе представляя роль подружки в дамской комнате, я отошла от Нарьи подальше и тоже принялась разглядывать себя в зеркале. Ничего нового не увидела.

— Надеюсь, ты не против? — Голос сегодняшней спутницы Тавиша

отталкивался от отделанных крупными шероховатыми камешками стен и оттого казался еще более звонким.

Его звук заставил меня вздрогнуть. Инстинктивно я шагнула в сторону... и еще бы дальше отошла, но уткнулась локтем в стену.

— Извини, больше отодвинуться некуда, — пробормотала, опасливо поглядывая на Нарью, которую, впрочем, ни освободившееся пространство, ни зеркало нисколько не интересовали. — Если мешаю, я могу выйти.

Тонкие ноздри затрепетали — это было единственным проявлением раздражения, которое возможно оказалось заметить на красивом лице.

— Да не в том смысле! — шикнула на меня Нарья. — Я пытаюсь спросить, не возражаешь ли ты против наших с Тавишем отношений?

А вот я контролировала себя на порядок хуже. Перед глазами от ярости бриллиантовые звездочки рассыпались. То есть она спрашивает, не против ли я, что она испортила мне первый выход в свет? Не возмущает ли меня, что она вешается на шею близкому мне человеку, не испытывая к нему никаких чувств? И устраивает ли меня перспектива терпеть ее общество по крайней мере несколько месяцев?

Пф-ф-ф-ф-ф! Сейчас просто взорвусь!

— Нет, мы с Тавишем просто друзья. — Несмотря на бурлящие внутри чувства, голос прозвучал тихо и почти безжизненно. — В смысле, дальние родственники, но больше все-таки друзья.

Хриплый неприятный смех заполнил небольшое помещение. Кажется, от него даже свет, источаемый магическими светильниками, задрожал.

— Лапшу мне на уши не вешай! — снисходительно прошипела Нарья. — Ты ему такая же родственница, как я — принцесса.

Молчу. Осознаю.

А вдруг не только эта проныра догадалась?!

— Думаешь, я не вижу, как вы взглядами друг по другу рыщете? — Уж не знаю, что она там видела, но ей это, похоже, не понравилось. — И потому спрашиваю прямо: станешь лезть в наши отношения?

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнула:

Нет. Эта фальшивка мне не нравится, все внутри против нее, но если Тавиш хочет быть с ней, кто я такая, чтобы мешать? Мне собственную жизнь надо устраивать.

Но стоило открыть рот, как с языка слетело совсем не то:

— Какие отношения? Вы же только раз переспали, а теперь ты ему проходу не даешь.

Готова была уже зажать рот руками и извиниться, но Нарья не обиделась.

— Вот такие отношения, — пожала плечами она. — Видишь ли, благодаря одной мерзавке у меня теперь нет отца, который выдаст замуж и проследит, чтобы все сложилось удачно. И приданого тоже нет. А мне еще сестру пристраивать. Вот и приходится охотиться.

Образ стоящей передо мной девушки размылся на миг, и я почти увидела в ней Беату. С той лишь разницей, что эта продавала себя дороже. Пришлось тряхнуть головой, чтобы избавиться от лишних мыслей. Какие же они тут все... испорченные!

— А как же то, что ты с мужчинами развлекалась? — борясь со жгучим стыдом, все же превозмогла себя и спросила я. Почему-то хотелось выяснить все до конца.

— Так же, как и то, что мой будущий благоверный соблазнял симпатичных путниц на постоянных дворах. Но я же ему претензий не предъявляю! И ты, кстати, тоже, — хихикнула Нарья. — Или думаешь, Тавиш — невинный ягненок?

Уж кто-кто, а я точно не питала иллюзий относительно его морального облика. Но на отношение к наколдованному это ничуть не влияло, он все равно был для меня самым близким человеком на свете, другом... даже больше, чем другом. Но к Нарье, хоть и был в ее словах здравый смысл, проникнуться хотя бы состраданием или пониманием не получилось.

Рядом с ней я пробыла ровно сколько, сколько понадобилось, чтобы заверить ее в отсутствии у меня наклонностей совать нос в чужие дела. Затем, оставив довольную достигнутой договоренностью девицу прихорашиваться, пошла на выход. Дальше справится как-нибудь без меня.

Чувство было такое, будто в помоях искупалась. Хотелось вымыться и отдохнуть, а еще надо до конца праздника терпеть. Или до тех пор, когда станет прилично уйти. Ничего не скажешь, первый выход в свет удался!

У входа в зал пришлось остановиться — народу за время моего отсутствия прибыло немало, и друзей так сразу было не видно. Я втянула голову в плечи и лихорадочно заметалась взглядом по сторонам.

И тут где-то сбоку прошептали:

— Риссы...

— Вот это неожиданность!

— Ничего себе...

— Они же почти никогда не принимают приглашений в людские дома.

Всеобщего оживления я не восприняла, оно меня не касалось. Ну, риссы и риссы. Это диво я уже видела и не скажу, что оно мне понравилось. А вот скопление людей действовало подавляюще. Не привыкла я к такому. И Тавиша с Налой найти никак не получалось...

Туман в голове рассеялся, когда на спину легла горячая ладонь. Даже через ткань горячая. Я так и подпрыгнула.

— Леди, вы загородили проход, — пророкотали сзади, после чего слегка подтолкнули меня в спину.

Ну как слегка... В зал я просто влетела, и если бы не все та же рука, теперь сжавшаяся на плече, точно бы привлекла к себе внимание позорным падением.

— А, это вы, — медленно улыбнулся Эдвин Марре, разворачивая меня лицом к себе. — Не сразу узнал вас во всем этом... кхм... великолепии.

Еще и по наряду моему прошелся. Ну совсем отлично!

— Человеческие женщины одеваются так для охоты на женихов, — хлопнул его по плечу один из мужчин, пришедших с ним, — коротко стриженный блондин с тонкой косичкой на виске, и со смехом скрылся среди гостей.

Да чтоб вас всех!.. Я прожгла породистое лицо напротив яростным взглядом.

— Руку пустите, — процедила сквозь зубы. — Не то сейчас заору.

— Зачем? — с некоторым удивлением моргнул главный росс.

— Больно. — И еще более красноречивый взгляд...

Хватка мгновенно разжалась. Мужчина отступил на шаг, переступил с ноги на ногу, повел плечами.

— Так бы сразу и сказала.

— Я и сказала! — Еще после разговора с Нарьей не самые светлые эмоции требовали выхода, а тут он. — Кто же виноват, что вы такой непонятливый.

Другие гости сторонились вновь прибывших, но я не испытывала страха, только глухое раздражение. Вот чего он привязался, а?

— Невероятная девушка, — оценил меня зверолод и не забыл восхищенно сверкнуть глазами. — Мы знакомы в общей сложности несколько минут, а ты уже успела меня заинтересовать, удивить, впечатлить и обвести вокруг пальца. Сногсшибательна!

Учитывая, что явившиеся с ним среди гостей сновали, иногда даже заговаривали с мужчинами, если встречали знакомых, но на женщин внимания не обращали, столь явное внимание ко мне настораживало. Главным образом потому, что я — не Тавиш, приключений на свою голову не ищу!

— Мы вообще не знакомы, — напомнила я и на этой оптимистичной ноте попробовала сделать ноги, но снова была перехвачена за руку.

Деликатно на сей раз. А вот хищный звериный взгляд, в котором не

было ничего человеческого, буквально пригвоздил к месту, распугав все мысли о тактическом отступлении.

— Я знаю, что тебя зовут Михаэлла. И уверен, тебе про меня тоже уже рассказали. — Поведение главного рисса было не вполне человеческим. Не было цивилизованным. Нет, пальцем в носу он не ковырял и в рукав не сморкался, но чувствовалось, что светские премудрости, которым меня обучали последние недели, для него пустой звук — Оставим ненужные формальности.

Чего ждать от холеного мужчины с повадками дикого зверя, я не представляла, и оттого в его обществе чувствовала себя крайне неудобно.

— Как-то не интересовалась, — буркнула, высвобождая руку и радуясь тому, что мне позволили это сделать. — Нашлись дела поважнее.

Эдвин Марре тихо фыркнул. В его глазах рассыпались восхищенные искры.

— Неужели ты совсем не любопытна? — Противоречие его не разозлило, только заставило заинтересоваться еще больше. — Должен заметить, с каждым мгновением ты интригуешь меня все сильнее. Вот скажи, как такое вообще возможно: я чую в тебе одну из нас, слабо, но чую, и при этом ты ведешь себя как человек. Я дважды продемонстрировал интерес, а у тебя до сих пор не сработал инстинкт. Будто и не чувствуешь ничего!

Мм-м? Кто там из знати последний в очереди к мозгоправу? Надо записать и этого.

— Вообще-то, я правда не чувствую.

— Но я чую!

Конструктивный диалог, ничего не скажешь.

Я уже не знала, как выкручиваться, когда вдруг пришло спасение.

— Чутье проверь! — рывкнул Тавиш, оттесняя меня в сторону и становясь между мной и риссом.

Марре нахмурился, чуть заметно сдвинул брови и с крайним неодобрением обозрел вставшего на его пути человека. Надеюсь, он не чуял в Тавише ничего лишнего и воспринимал его именно как человека. Хотя наглость, с которой тот встал на пути зверолюда, впечатляла. Равно как и расслабленная поза, скрещенные на груди руки и самоуверенная физиономия. Я прямо залюбовалась, вот только противник как-то не проникся.

— Уверяю, с ним полный порядок, — чуть приподнял черные брови рисс.

Мой защитник скептически хмыкнул. Зверолюд раздраженно рыкнул.

За минуту, пока мужчины испытывали друг друга взглядами, у меня вся жизнь перед глазами пронеслась. Не моя, Тавиша. И душа смоталась в пятки и рухнула в обморок. К сожалению, все прочее последовать за ней не спешило, так что надо было в срочном порядке искать пути выхода из противнейшей ситуации.

— Тавиш... — пролепетала я, схватила друга за руку и попыталась утащить прочь, но он с места не сдвинулся, только сжал мою ладошку чуть крепче и успокаивающе погладил большим пальцем.

— Как ответственный за эту девушку, предупреждаю, — прохладным официальным тоном заговорил он, глядя прямо в глаза риссу — достаточно громко, чтобы разговор могли услышать все желающие, — что ваше присутствие рядом с ней крайне нежелательно, как и любые знаки внимания.

Зверолоуд вызывающе фыркнул. Рядом кто-то судорожно вздохнул, послышался шепоток, а одна из особо впечатлительных дам попыталась потерять сознание. Но один глаз приоткрытым все же оставила, уж больно любопытно было, чем эта стычка закончится.

— Я чувствую в ней себе подобную. Возможно, полукровку, — никого не стесняясь и уж тем более не задумываясь о моей репутации, заявил Эдвин Марре. — И если мои подозрения подтвердятся, ответственным за ее судьбу буду уже я.

Вот как знала, что не надо сюда приходить! И вообще в столицу приезжать не хотела!

— Сам-то ты понял, что сказал? — скривился Тавиш. — Ваши с человеческими женщинами не путаются.

— Нас мало, поэтому иногда все-таки путаются, — расщедрился на краткий экскурс в их звериные законы Марре. — В таких случаях ребенок принадлежит стае, и это не обсуждается.

Будто вещь какая-то! Я снова начала звереть и уже всерьез боролась с желанием вцепиться самоуверенному типу в его роскошную шевелюру.

— Ее мать вообще не из этих мест и никогда не была в столице, — нашел еще один аргумент Дивальд.

Подействовало! На холеной морде рисса обозначилась некоторая задумчивость.

— А вот это уже проблема... Не стыкуется.

— В общем, я предупредил, — подвел итог наколдованный, ненавязчиво так пристраивая мою руку к себе на локоть и накрывая ладонью. — Еще раз замечу рядом с ней, пеняй на себя.

И, не дожидаясь, что там будет возражать зверолоуд, уверенно

прорезал толпу и увел меня прочь.

Я шла, совершенно не чувствуя, как ноги касаются пола. И в ушах так грохотало, что казалось, весь зал слышит, как колотится у меня сердце. Только этой проблемы для полного счастья еще не хватало! И чего ему надо? Но я-то какова! Чуть и в самом деле не бросилась на это чудовище в попытке поколотить...

Перепуганные девушки ждали нас чуть в стороне от основного скопления оживленно перешептывающегося народа.

— Похоже, наша скромница уже обзавелась влиятельным поклонником, — не то завистливо, не то с облегчением, что так легко от меня избавилась, вздохнула Нарья.

— Заткнись! — А вот от Тавиша, который на людях был всегда вежлив и галантен, такой вспышки не ожидал никто. — Михаэлле такие поклонники ни к чему.

Противная девица послушно захлопнула аккуратно накрашенный ротик, но мне достался почти убийственный взгляд. Если бы не огромная проблема, которая то с одной, то с другой стороны сверлила меня взглядом и только что не облизывалась, я бы всенепременно распереживалась по этому поводу.

Фурор мы с риссом произвели основательный, больше местное общество только выступление Тавиша впечатлило. В итоге первый танец объявили на целый час позже, когда нам раз по десять перемыли кости.

И несмотря на требуемые у Нарьи два танца, первой Тавиш протянул руку мне. Жаль, не для того, чтобы проводить к выходу, усадить в экипаж и увезти домой. Но танец — тоже неплохо, это я для себя решила, когда услышала досадливый вздох Нарьи за спиной. Вечер это, конечно, не спасло, но меня до сих пор потряхивало, хотелось вцепиться в Тавиша и никуда его от себя не отпускать, поэтому и от второго, и даже от третьего танца я отказываться не стала.

Краем глаза видела, что Налу рядом кружил один из парней, у которого, судя по простоватому лицу, этот год тоже был в свете первым. Если не этот день. Нарья же все время смиренно просидела на обитой бархатом скамеечке у стены, изредка перехватывая у слуги легкие закуски. По-видимому, определившись с желаемой добычей, размениваться на других она не считала нужным.

Умная. Может быть, даже не такая уж гнилая. Ну что плохого в желании девушки удачно выйти замуж?

Вот только у меня при одном только взгляде на эту девицу внутри все будто узлом заворачивалось...

— Успокоилась? — склонившись к моему уху, чуть слышно спросил Тавиш, когда мои мысли уже угрожали окончательно упорхнуть далеко от «здесь и сейчас».

Третий танец как раз заканчивался, пора было дать другу повеселиться. Не вечно же ему моей нянькой быть. И как ни хотелось вцепиться в него мертвой хваткой, обвить руками и ногами, я все же поборолась себя и кивнула.

— Да. Спасибо тебе, — и, переведя дух, призналась: — Но этого некоронованного короля до потери пульса боюсь.

— Правильно боишься. — Утешить наколдованный умел как никто! — Он заинтересовался тобой и вряд ли остановится, пока не утащит в стаю.

Какая заманчивая перспектива! Просто мечта всей жизни!

— И чего только привязался? — пробурчала я и впервые за вечер чуть не наступила партнеру на ногу. — Я обыкновенный человек.

— Как скажешь, — хохотнул Тавиш.

Захотелось стукнуть его по голове.

Что-то я сегодня непривычно воинственная...

— Самая обыкновенная, — повторила с нажимом.

— Только сильная. — Этому неугомонному, как всегда, было что ответить. — Такая, что голыми руками ломаешь доски и с одного удара вырубаешь решившихся напасть на тебя парней. А еще с иммунитетом к болезни, от которой обыкновенные люди селами мрут.

Музыка стихла, и пока шли к скамеечке, где переговаривались о чем-то наши спутницы, мы больше ни слова друг другу не сказали. Там Тавиш сдал меня на руки Нале, приказал глаз не спускать и, в случае чего, сразу звать его, а сам наконец увел танцевать свою девушку.

Короткий полушутливый-полусерьезный разговор выбил из колеи. Тут было над чем подумать, но из головы как-то разом испарились все связные мысли. Видимо, местная суетливая атмосфера не располагала к размышлениям. Что же, оставим это дело до дома.

— Ты в порядке? — тронула меня за руку подруга.

— Ага... — отозвалась рассеянно.

Взгляды почти всех собравшихся то и дело натыкались на меня. Незаслуженное внимание нервировало, но с каждой минутой все меньше.

Сейчас главное, чтобы риссы ничего не вытворили... Нет к ним доверия.

Скандал свою роль сыграл: смотрели на меня часто, но никто не подходил и уж тем более не приглашал танцевать. И это при том, что, как я знала со слов Налы и Тавиша, дебютантки в масках считались самыми

завидными невестами, их всегда старались окружить повышенным вниманием. Очередная блажь местной аристократии и причуда стареющей королевы, отчаянно изобретающей все новые способы развлечения, пока ее муж возводит для молодой фаворитки вторую столицу. Но это срабатывало, я собственными глазами убедилась. Другие девушки, лица которых скрывали зачарованные кружева, собрали вокруг себя стайки поклонников. Вокруг них то и дело звучали комплименты и смех. Мы же с Налой стояли как неприкаянные.

Да, не так я себе представляла первый выход в свет.

А все проклятые зверолюды виноваты!

Но раз уж среди всеобщей суеты выдалось не занятое ничем время, надо было его как-то использовать, и я принялась разглядывать зверолюдов. Эдвин подпирал противоположную стену и откровенно сверлил меня взглядом, поэтому сейчас заострять на нем внимание не стала. А то еще подумает чего!

Кроме него явились еще четверо. Тип с косичкой на виске единственный пригласил танцевать даму с большим декольте, в котором и утонул взглядом. Основательно так. За такое можно и пощечину отвесить, а она ничего, глазками стреляет и смехом заливается.

Близнецов я тоже уже видела и неплохо запомнила, но и сейчас вниманием не обошла. А все дело было в девушке, пришедшей с ними. Вернее, в ее весьма выдающемся животе. В отличие от обыкновенных женщин, на приличиях рисса не заикливалась и положения своего не скрывала, прекрасно обходясь без корсета. Местные сплетницы на нее поглядывали и тихонько шушукались, но златовласую красавицу, кажется, это только забавляло. Совершенно одинаковые парни окружали ее равным вниманием. Настолько, что, сколько ни наблюдала за ними, определить, с кем именно из них пришла златовласка, я так и не смогла. Это смущало и рождало не совсем приличные мысли.

— А я-то думала, после походов Тавиша меня уже ничем не проймешь, — не смогла удержать впечатления в себе.

Подпирающий стену в другом конце зала Эдвин Марре хмыкнул и послал мне многозначительный взгляд, будто на самом деле мог слышать, о чем мы с Налой говорим. Я решила его игнорировать.

— Также заметила? — прыснула подруга. И, еще понизив голос, зашептала: — Миша, о них такое говорят... Ты себе не представляешь!

Почему же? С тех пор как судьба свела с одним наколдованным, фантазия у меня стала богатая.

Так что очень даже представляю, и вызывающая морда Марре тому

только доказательством служит. Но не одобряю!

— Правильно я чувствовала, что от них стоит держаться подальше. — Я поджала губы и повернулась так, чтобы главный росс выпал из моего обзора.

— Нет в тебе авантюрной жилки, Михаэлла, — рассмеялась воспитанница Дивальдов. — А мальчики, между прочим, ничего. Про Марре вообще молчу. С ним только мой брат может посоперничать, но его ты, кажется, уже уступила этой хитрюге Нарье.

Молчу. Не считать же ответом выразительное сопение? Да и что тут скажешь? Тавиш сам за этой вертихвосткой ухлестывать начал, я тут ни при чем.

А Нала все никак не уgomонится...

— Миииш? А тебе он совсем-совсем не нравится?

— Кто? — Я как-то потеряла нить разговора.

— Да Марре же! — нетерпеливо притопнула каблучком моя неумная подруга.

— Вот еще не хватало! — скривилась, как от больного зуба, я.

Подруга вздохнула в притворной зависти:

— Значит, все-таки мой брат... — и выдала что-то совсем уж непонятное. Впрочем, быстро вернулась к теме: — А вот я бы с ним с удовольствием потанцевала...

— Чтобы Тавиш тебе голову открутил?!

— Боюсь я его!

Мы обменялись упрямыми взглядами, но каждая так и осталась при своем мнении. А объяснять этой неумной, что новый Тавиш пусть голову и не открутит, но настучать пониже спины и запереть дома вполне может, я не стала. Продолжит в том же духе и получит наглядное подтверждение, оно всяко сильнее слов действует.

Время шло, менялись музыка и танцы, пару Тавиша и Нарьи вскоре разбили и после того они кружились по залу с разными партнерами. Но и тех, кто не танцевал, было достаточно, так что мы с Налой не чувствовали себя белыми воронами. Правда, она еще пыталась строить глазки Марре, и он даже заметил, но никаких решительных действий не последовало. А двоим кавалерам попроще эта вредина сама отставку дала. Я же наслушалась сплетен, съела несколько легких закусок и выпила бокал вина, прежде чем танцевальный вечер для меня продолжился.

Его я заметила, когда высматривала, что еще вкусного есть у слуг на подносах. Сначала взгляд упал на маленькие пирожные со свежей клубникой, а миг спустя и на парня, как раз подошедшего взять одно.

Следующий мой поступок можно объяснить только недавно опустевшим бокалом, никак иначе!

— Эй, ты куда?! — забеспокоилась Нала.

— Не отставай! — скомандовала я и, покрепче вцепившись в руку подруги, потащила ее за собой.

Потолкавшись немного, мы ловко вынырнули как раз перед нацелившимся на свободную скамеечку парнем.

— Ой, простите! — пролепетал он и попятился, хотя нас не толкнул и даже не задел.

Я еще раз прошлась по нему взглядом. Вроде не обозналась.

— Гордик Изенк?

На чуть более пухлых, чем следовало бы, щеках молодого человека проступил румянец, на лице — легкое удивление.

— Я вас знаю? — Мой случайный знакомый затравленно огляделся, будто питал надежду, что за его спиной стоит кто-то другой с таким же именем и обращаются сейчас к нему. Но такового, естественно, не нашлось, а посему последовало новое предположение: — Вы что-то у нас покупали?

— Нет. — Жаль, под маской не было заметно, как искренне я улыбнулась.

Просто улыбка, и все...

— И точно, драгоценности на вас не наши, — смущенно заметил молодой купец.

Пора было уже сжалиться над ним.

— Михаэлла, мы однажды завтракали вместе. Помнишь?

Он, конечно же, вспомнил, и минуту спустя мы втроем заняли облюбованную юношей скамеечку, мне было торжественно вручено пирожное и заказано еще одно, для Налы. Смеясь и подшучивая друг над другом, мы с Гордиком рассказали Нале, как Тавиш едва не набросился на решившего позавтракать со мной парня с кулаками. Потом пришлось перейти к вещам более серьезным: я осторожно призналась Гордику, что Тавишу Дивальду никакая не сестра, а родственница намного более дальняя, не забыла упомянуть и про риссов. Не хотелось случайно вовлечь его в неприятную ситуацию. Если первое признание еще отдалось легким недовольством на не слишком выразительном лице парня, то на второе он и ухом не повел. Видимо, я не ошиблась, и этот Гордик Изенк действительно неплохой человек.

Краснея и запинаясь, сам молодой купец признался, что, поскольку основными покупателями в ювелирной лавке его отца являются столичные

аристократы, его постоянно приглашают на всякие праздники. Но пойти он впервые осмелился и, оказавшись в незнакомой обстановке, сильно растерялся и ни разу не решился пригласить кого-нибудь танцевать. Боялся, что все эти родовитые девицы на выданье станут воротить от него носы.

В моей подруге, наверное, пропала великая сваха, потому что, только услышав это, она сразу же вцепилась в парня:

— Показывай, которая нравится. Сейчас все организуем!

Гордик из румяного вмиг побледнел.

— А может, лучше не надо? — жалобно взмолился парень.

— Надо! — непререкаемо заявила Нала и для пущей убедительности сверкнула на него глазами.

Гордик весь сник, даже голову в плечи втянул.

Так жалко его стало! И я решила осторожно вмешаться:

— Что-то себе партнера ты с таким рвением не ищешь...

— Успеется! — отмахнулась от меня ничуть не смутившаяся Нала и потеревила за рукав несчастного парня: — Ну так что, показывай, которая?

Жутко смущенный купец обратил взгляд на меня и виновато улыбнулся.

— Потанцуешь со мной, Михаэлла? Один танец. Пожалуйста.

Фу ты! А я уж испугалась.

— Могу и не один. — И сама протянула ему руку.

— Что, вот так просто? — насупилась Нала. — Ну, так даже и не интересно!

Я фыркнула, ловко стащила с подноса у пробегающего мимо слуги еще одно пирожное, отдала ей и, пока она не опомнилась, повлекла несопротивляющегося Гордика к танцующим. Даже тот факт, что присоединяться к уже начавшемуся танцу вроде как не принято, меня не остановил.

Двигался мой новый партнер нормально. В том смысле, что ноги мои ни разу не пострадали, но и так свободно, как в объятиях Тавиша, я себя ни на миг не почувствовала.

Несколько минут безуспешно боролась с собой, потом такое неправильное положение дел начало злить. И дался мне тот Тавиш вместе с его несносным характером и потрясающим талантом влезать в неприятности и втравливать в них заодно и меня! Да, с ним точно не соскучишься и, несмотря на все недостатки, на него всегда можно положиться. Но мне ведь хочется тихого размеренного существования, так? Именно! Значит, никакого Тавиша! Ну, разве что в гости по выходным.

Однако танцевать все равно расхотелось окончательно и бесповоротно.

Мысленно я обругала себя, что наобещала Гордику свое общество едва ли не на весь вечер, и уже прикидывала, под каким бы предлогом в конце танца вернуться на скамеечку к Нале. Может, сослаться на дурное самочувствие? Ох, все это окружение на меня отвратительно влияет, я уже становлюсь заправской врушкой! Но придумывать ничего не пришлось. Только-только музыка стала стихать, как парень подался чуть ко мне и тихо попросил:

— Пойдем, я тебя с родителями познакомлю. Они уже несколько минут не сводят с нас глаз.

Отказываться было как-то неудобно, и я кивнула, только настояла, чтобы мы позвали с собой Налу.

Когда мы не танцевали, с Гордиком было легко и спокойно. Смущался он, а не я. Я же чувствовала, что контролирую ситуацию, ничего неожиданного не произойдет. При таком раскладе и с родителями знакомиться не страшно.

— Дай угадаю, — с улыбкой встретил нас его отец — упитанный мужчина с большой, сидящей уже бородой, облаченный в непривычную, очевидно, привезенную издалека одежду, будто широкое платье натянули поверх штанов и подвязали поясом, — это и есть та девушка, о которой ты нам с матерью все уши прожужжал?

Щекам сделалось приятно тепло.

А мать парня, кругленькая невысокая женщина в строгом, но очень дорогом платье, склонила голову набок, окинула меня лучистым взглядом и доброжелательно улыбнулась.

— Ее зовут Михаэлла Дивальд, — все еще боясь, что мы все друг другу не понравимся, представил меня Гордик. — А это — Нала Дивальд.

— Наслышан, — кивнул пожилой купец. — О вашем родственнике и его внезапном воскрешении вся столица несколько дней гудела.

На это и был расчет. Слухи разлетятся, и мне не придется каждому новому знакомому объяснять свое происхождение. Впрочем, врать больше необходимого я тоже не собиралась, поэтому сразу поспешила исправить небольшую неточность:

— Михаэлла Ритара. Я очень дальняя родственница Дивальдам, просто сейчас, в силу обстоятельств, Тавиш опекает меня.

— Что ж, будем знакомы, — усмехнулся в бороду купец. — Август Изенк. Небось слышала про мои камушки? А это моя жена, Маринга.

Ни к чему не обязывающий разговор продлился несколько минут. Особо меня не расспрашивали. Не то звучное имя покровителя сыграло свою роль, не то чета Изенков просто была довольна, что сын перестал

сидеть букой и развлекается. В общем, скоро нас опять вытолкали танцевать, еще и для Налы партнера нашли — простоватого провинциального парня, но сидеть ей наскучило, да и вкусы все были давно перепробованы, вот эта вредина и не стала сопротивляться.

Приближаясь к танцующим парам, я сделала одно замечательное наблюдение: риссов в зале больше нет. Ушли! Настроение мгновенно воспарило в заоблачные выси, даже предстоящий танец перестал казаться испытанием.

И тот факт, что Тавиш опять танцевал с Нарьей, не сильно его подпортил.

Несколько шагов, грациозный поворот... Я запуталась в ногах и юбках и едва не рухнула прямо на пол, наткнувшись на хмурый взгляд своего покровителя. Да чтоб его... влюбило в самую благовоспитанную и непорочную девушку королевства! Чтоб он два года за ней ухаживал, и все безрезультатно! Не даст спокойно повеселиться...

Наколдованный почти всегда знал, о чем я думаю. Вот и сейчас на глумливой морде расплылась довольная улыбка, но так же быстро исчезла, и он, нарушая все мыслимые и немыслимые приличия, без слова объяснений оставил партнершу и решительно направился к нам.

— Пора домой, — прогрохотал он, бессовестно вклиниваясь между мной и Гордиком.

Какие уж тут танцы? Пришлось остановиться.

Я закатила глаза. Это не закончится никогда!

Отовсюду полетели недовольные замечания. Это недоразумение магическое всем танец испортило.

— Конечно, как скажете, — вежливо улыбнулся Гордик. — Только я хотел вас спросить: можно пригласить Михаэлла на свидание... например, в этот четверг?

Смертник. Вид у Тавиша сделался такой злобный, как если бы он вздумал опять кидаться на моего поклонника с кулаками.

А кто мне обещал не мешать?

Как раз выдумывала подходящую колкость, чтобы осадить наглеца, когда произошло неожиданное. То есть появление улыбающейся Нарьи и ее ладошки, скользящие по плечам и спине Тавиша, неожиданностью, в общем-то, не являлись, но в нынешней ситуации все о ней как-то забыли, так что мы с Тавишем одинаково вздрогнули.

— Милый, ну что ты? — проворковала девица Дивальду прямо в ухо, и... мне привиделось или она правда мимолетно лизнула его?! — Пусть погуляют. И мы с тобой тоже... хм... погуляем.

До этого момента я сама не сильно рвалась идти, но теперь...

— Михаэлла, ты точно хочешь? — тихо-тихо спросил Тавиш, стараясь поймать мой взгляд.

— Хочу! — ответила с вызовом.

Вдох-выдох. Такие шумные, что их, кажется, на другом конце зала расслышали. Жарко ему, что ли? Как бы еще в обморок не свалился...

— Ладно, тогда иди, только Налу с собой возьмите, — безразлично выговорил он. — Но сейчас домой.

Гордик проводил нас до экипажа. Даже его родители вышли попрощаться. Поэтому или потому, что Нарья на нем так и висла, Тавиш вел себя исключительно прилично, даже умудрился никому не нахамить. Вот только очередной поклонник Налы куда-то испарился... Я заметила это, когда Тавиш усаживал сестру в экипаж, тогда же почувствовала неладное. Потом глянула искоса на довольное, хоть и малость уставшее лицо подруги и решила завтра же с ней серьезно поговорить. Опыт сосуществования с Дивальдами подсказывает, что тут нечисто!

Глава 12

Запланированный разговор по душам состоялся на следующее утро, за завтраком, правда, начался он не с Налы, а с Тавиша, да и не с самого разговора, а с предупреждения мне быть как можно более осторожной.

— Риссы — отчасти животные, — вещал Тавиш, напрочь игнорируя остывающий в тарелке омлет. — Они идут за инстинктами и часто вообще не контролируют себя. Уж не знаю, что они в тебе почуяли, но клянусь своей новой жизнью, со вчерашнего вечера на тебя открыта охота.

Устали мы все вчера знатно, но, поскольку спать изволили в своих постелях, мы с Налой утром выглядели свежими и полными сил и чувствовали себя соответственно. А вот Тавиш, который пропадал неизвестно... ладно, очень даже известно где, вид имел помятый, самочувствию любовные утехы на пользу не пошли, а потому и настроение у наколдованного было отнюдь не самое радужное.

Впрочем, заразить им меня ему не удалось. Я прищурилась на солнечный лучик, донесла до рта ароматный кусочек омлета, прожевала, проглотила и только после этого лениво сообщила:

— Учти, дома меня запереть не удастся. И против охраны я категорически возражаю.

Дивальд скривился и окончательно отодвинул от себя тарелку, так и не притронувшись к еде. Странно, обычно он от женщин возвращался довольным, бодрым и полным бурлящей энергии...

— Почему? — Необычные, неестественные, но давно уже привычные глаза подозрительно посмотрели на меня.

Мысленно потерла ладошки и поставила себе жирный плюс: я тоже иногда угадываю, что у него на уме!

— Не хватало еще, чтобы Гордик подумал, будто меня от него охраняют!

Ожидала, что сейчас этот бесчувственный тип поднимет меня на смех, мол, безопасность важнее какого-то там свидания, но Тавиш в очередной раз удивил. Видимо, не так уж я его и изучила. Возражений вообще не последовало! Он посмотрел на меня пристально и медленно кивнул, будто соглашаясь с собственным, не озвученным пока решением. А потом и нас с Налой в известность поставил:

— Тогда и я пойду.

— Зачем? — вскинулись мы одновременно.

— На всякий случай! — глухо рыкнул наш защитник. — И это вообще не обсуждается, так что не трудитесь произносить вслух то, о чем сейчас подумали. У вас и так все на лицах написано. Обоих касается.

Пришлось смириться с судьбой.

Подпортив нам настроение, Тавиш с чувством выполненного долга удалился. Предлогом были срочно возникшие дела, но не надо быть магом-провидцем, чтобы догадаться: отсыпаться пошел. Значит, в ближайшие часы ему будет не до нас. А это, в свою очередь, значит, что можно спокойно поговорить.

Когда шаги на лестнице стихли, я решилась осторожно затронуть со вчерашнего вечера не дававшую покоя тему:

— Ты-то чего всполошилась, все равно одна идешь? — Речь шла, конечно, о нашем с Гордиком свидании, на котором Нале предстояло сыграть роль дуэньи.

Девушка вздрогнула и неловко звякнула вилкой о тарелку.

Я попала в точку!

— За компанию, — почти правдоподобно отговорилась скрытница.

Ага, так я и поверила!

— Нала-а-а... — протянула понимающе.

И одарила ее таким взглядом, что подруга вмиг покраснела до корней волос.

Но выдавать свою страшную тайну она так легко не собиралась и ради ее сохранения даже завтраком готова была пожертвовать. Я и опомниться не успела, как она выскользнула из-за стола.

— Пойду я. У меня там... учителя, вот...

— Их на сегодня отпустили, — напомнила я, тоже поднимаясь.

Печальный взгляд мазнул по недоеденному омлету, сладким гренкам и кружкам на подносе, над которыми змеился полупрозрачный пар. Надеюсь, у нее там что-то стоящее моего подвига, иначе... покусая, вот!

Догнала беглянку на подступах к лестнице.

— Признавайся, кто он, — подслушанным у Тавиша требовательно-проникновенным тоном выдала я и приобняла подругу за плечи. — Хочу знать все!

Да, бесцеремонно! Но сколько она раз совала нос в наши с Тавишем отношения? Вот то-то же. Час расплаты настал!

— Нет у меня никого! — затравленно, даже немного виновато пискнула Нала. — Честное слово!

— Клянусь, я не выдам, — не сдавалась я.

Мы обменялись упрямыми взглядами, из чего я только больше

уверилась в наличии у одной неумной особы сердечной тайны. И я буду не я, если сегодня же все не разую!

Нала мой настрой тоже быстро раскусила, и он ей определенно не понравился, потому что в следующий миг эта вредина вывернулась из-под моей руки и рванула вверх по лестнице.

Во мне проснулся азарт.

Как у охотника, выследившего свою дичь. Или нет... как у хищника, настигающего добычу.

Тело двигалось словно отдельно от разума, на одних инстинктах. Перескакивая через ступеньки, я легко догнала Налу, ловко обошла ее, после чего деликатно, чтобы не поранить, затолкала в комнату.

Грохнувшая за спиной дверь послужила эффектной точкой.

Станный транс прошел, я вздрогнула, моргнула и недоуменно уставилась на подругу.

— Ух ты!.. — выдохнула она.

Хорошо, Тавиш ничего не видел, иначе опять бы завел свою излюбленную песню о том, какая я вся странная и необычная.

— Так что там с парнем? — спросила устало, падая в кресло.

Нала обхватила себя руками за плечи, посверкала на меня подозрительным взглядом, нервно прошлась по комнате, вернулась и требовательно спросила:

— А точно не выдашь?

— Сказала же: я нема как рыба!

— Даже Тавишу ни полслова? — въедливо допытывалась моя единственная за всю жизнь подруга.

Уже ради этого стоило молчать. Хотя в случае с наколдованным это будет трудно, особенно если я пойму, что он должен знать. Даже несмотря на всех его девиц сомнительного поведения, Тавиш всегда будет занимать в моей жизни особое место. Уж не знаю, привязка тому причина или то, что он изменил мою жизнь.

— И ему в том числе, — пришлось преодолеть себя, чтобы произнести эти слова.

— Нарушишь обещание, никогда тебя не прощу!

А вот это было уже обидно.

— Эй, я не давала повода для недоверия!

Наши взгляды столкнулись, собравшаяся в глазах подруги дымка слез быстро погасила мое негодование.

— Прости, — судорожно вздохнула она. — Просто тут такое!.. Понимаешь... В общем, это наш учитель танцев!

Она сказала и замерла, глядя на меня огромными, словно блюдца, глазищами. А я... услышала, осознала, еще минута понадобилась на то, чтобы поверить, а потом... хихикнула. Знаю, некрасиво, и я сразу же зажала рот рукой, но звук уже вырвался.

— Мэтр Руто? Который на девчонку похож?

Перед глазами тут же всплыл облик молодого мужчины, ему еще не было и тридцати, а выглядел он и того моложе. Худощавый из-за постоянных занятий и диет, с золотистыми волосами, вьющимися красивыми колечками и всегда идеально уложенными, длинными, как у девчонки, ресницами, мечтательной дымкой во взгляде и смешно выпирающими в трико коленками. Нет, он симпатичный, конечно. Даже красивый. Как картина или статуя в музее. На такое смотреть приятно, но чтобы забрать к себе в дом...

— Ничего ты не понимаешь! — возмутилась Нала. — Он самый красивый, самый добрый, галантный, утонченный...

— Стоп, — прервала восторженную тираду я. — Поняла уже, он самый-самый. А этот образец всех мыслимых и немыслимых достоинств хотя бы догадывается о твоём к нему отношении?

У Дивальдов, похоже, завелась семейная привычка меня удивлять, потому что Нала, поняв, что я не бегу сдавать её Тавишу, расслабилась и выдала:

— Конечно! Мы уже год вместе.

Хорошо, что я уже в кресле сидела, не то сейчас отбила бы себе что-нибудь.

— Э-э-э? Это в каком смысле?!

— Во всех.

Влипла. Вот кто меня просил раздавать невыполнимые обещания?! Хотя в противном случае из Налы бы и слова вытащить не удалось... Но теперь-то что делать?! Может, я излишне приземленная и совсем не романтическая, тем не менее считаю, что Тавишу сказать надо. Отлично, если этот Адриан правда любит Налу, только порадуюсь за них. Но вдруг у него не совсем благородные намерения?

Год... Куда только прежний Тавиш смотрел?!

— И что делать думаете? — поинтересовалась осторожно.

Нала забралась на подлокотник кресла и уткнулась носом мне в плечо.

— Поначалу хотели сбежать и пожениться, но за последние недели столько всего произошло... Тавиш пропал, а потом вернулся, но его словно подменили. Будто он и не он одновременно. Повзрослел, что ли? Противных завидующих родственников в доме не стало, зато появилась ты. В

общем, сбегать я теперь не хочу.

Взаимность — это всегда приятно. Я погладила подругу по волосам.

— Тогда придется все рассказать Тавишу.

Она длинно вздохнула, но не стала возражать.

— Адриан накопит денег, откроет собственную школу танцев, встанет на ноги, тогда и скажем, — кивнула Нала. — Чтобы брат не подумал, что ему мое приданое нужно.

И все равно чувствую себя между двух огней!

Приданое у подруги действительно имелось, его еще родители Тавиша выделили. А этот Адриан... Ничего плохого о нем подумать не могу, но хорошо бы Тавишу с ним самому поговорить. Но невозможно: он сейчас занят собственными делами, сам не заметит, а я доверие Налы не предаю.

Следующие часа три я добросовестно слушала, какой Адриан замечательный, талантливый и вообще все слова восхищения, которые только можно вообразить, это о нем. Он раньше танцевал в королевском театре, потом сильно повредил ногу и вынужден был довольствоваться заработком домашнего учителя. В общем, Нала влюблена окончательно и бесповоротно, и это радовало и пугало одновременно.

Что ж, удачи им с танцевальной школой... Хотя с характером Налы им лучше бы брачное агентство открыть!

Вечер планировался тихий, даже скучный, в обществе книги и стакана молока с печеньем. Но не сложилось.

Как открылась дверь, я не заметила.

— Михаэлла? Не спишь? — тихо спросил Тавиш, осторожно заглядывая в комнату. Уже успело стемнеть, так что его осторожность имела определенный смысл.

Стоило его голосу вторгнуться в мой маленький полутемный мирок, как все тело покрылось мурашками. Кажется, даже пламя на кончиках свечей задрожало от неясного возбуждения.

— Нет. — Голос тоже дрогнул.

Я отложила книгу и спустила ноги с кресла на пол. Тот факт, что на мне одна ночная сорочка, а кто-то наглый беспардонно пялится, не смущал. Привыкаю, что ли?

— Отлично. — Тавиша тоже ничто не смущало, он решительно перешагнул порог и прикрыл за собой дверь. — Собирайся, поедem к магу.

Сел в кресло и приготовился ждать.

Я даже прикрываться не стала, хотя халат лежал тут же, на подлокотнике кресла. Точно привыкаю.

— Прямо сейчас? — уточнила взволнованно.

— Хочешь отложить визит еще на пару месяцев? — как-то уж слишком понимающе предложил он.

Хотя бы до утра, чтобы морально подготовиться... ко всякому. Но два месяца? Я же изведусь!

Взглянула на довольную физиономию и решила в своих страхах не признаваться.

Но в ванную я уходила с приятной мыслью о том, что даже бурная личная жизнь не послужила причиной для Тавиша забыть данное мне обещание.

Чувствуя себя заколдованной куколкой, натянула первое попавшееся платье, наспех причесалась и уже через минуту вернулась в комнату, где меня тут же окатила волна искреннего возмущения:

— Эй, это мое печенье! И молоко!!!

Ну вот как думать об этом чудовище хорошо?!

Муки совести Тавишу были неведомы, и взглядом он прожигался из рук вон плохо, а потому ничто не помешало ему, слизав с губ крошки, приложиться к стакану и расправиться с остатками моего ужина. Вот... слов на него не хватает!

— Вкусно, — сообщил Тавиш, довольно улыбаясь.

— Не сомневаюсь, — буркнула я.

Злилась я больше для порядка, чтобы на что-то отвлечься от нервов перед встречей с магом. Вдруг ничего не получится? А если, наоборот, получится?! О-о-о-х...

— Я думал, ты долго. — Тавиш, как всегда, все понял и игру поддержал. — И вообще, на ночь глядя есть вредно, не то не влезешь ни в одно из своих платьев. Согласись, обидно будет пропустить Бал Масок не из-за проблем с лицом, а из-за того, что малость поправилась!

Опустив взгляд, я обозрела тонкую талию и решила, что у меня есть причины для возмущения.

— Ах ты... Ты!..

— Самый лучший в мире друг? — услужливо подсказал Тавиш и довольно ухмыльнулся.

С такой формулировкой я была не совсем согласна.

— Вредный, наглый, бесстыжий... — Я могла еще много справедливых эпитетов добавить, но меня перебили:

— И это все тоже. — Кажется, он принял сказанное мной за похвалу. — Идем уже, экипаж давно ждет.

Когда спускались по лестнице, я с такой силой вцепилась в ладонь

спутника, что рука слегка онемела.

Отвлекая меня от ненужных мыслей, в экипаже Тавиш рассказал, что мага этого знает давно, в прошлой жизни не раз обращался к нему по всяческим щекотливым делам и, как правило, не был разочарован. Срабатывало слабо. Я нервничала и уже на выезде со двора успела искусать губы до крови.

Пора уже с этим что-то делать! Минута внутренних попыток восстановить контроль над эмоциями — и в голове родился один любопытный вопрос.

— Зачем ты вообще на бой риссов пошел, еще и меня с собой потащил?

— Ошибся, с кем не бывает, — досадливо поморщился Дивальд.

Раскаивается, я уже достаточно его изучила, чтобы разбираться в таких вещах. Но демонстрировать это не спешит. Тавиш — он такой Тавиш!

— Я думала, ты не любитель кровавых зрелищ... — Это я вспомнила, с каким отвращением он говорил о том, другом, мире, где когда-то обитала потусторонняя часть его личности.

— Они мне глубоко противны, — подтвердил наколдованный.

— Тогда...

— Понимаешь, Михаэлла. — Голос звучал задумчиво, словно Тавиш затруднялся подобрать слова. — Я уже был слабым, возвращаться к этому не хочу. Здесь все иначе. Я в разы сильнее любого нормального человека. Пожалуй, даже мага.

— Хотел оценить риссов? — постигла ход его мыслей я.

На тонких губах мужчины обозначилась умиленная улыбка. Искренняя, а не клоунская, что особенно приятно.

— Как же здорово иметь рядом человека, который тебя так понимает! — выдохнул наколдованный. Потом обнял меня за плечи, притянул ближе, ткнулся губами в макушку и вдруг выдал: — Миш, а ведь из нас могла бы получиться неплохая пара, а?

Ага! Ты будешь за юбками волочиться, а я страдать. Вот счастье-то!

Но вслух я сказала совсем другое:

— Кажется, мы приехали.

Экипаж действительно уже с минуту как остановился. Дорога к магу оказалась совсем недолгой. Видимо, он жил где-то в средней части города.

Тавиш помог мне выбраться и уверенно повел к ближайшему зданию — достаточно старому, каменному, с зарешеченными окнами и охраной у входа. В просторном холле ухоженная старушка записала наши имена в толстую книгу посещений и только после этого указала в сторону

лестницы. А перед кабинетом мага, который, похоже, все-таки не живет здесь, а принимает посетителей, нам встретился молодой человек в мундире. Он окинул визитеров профессионально-равнодушным взглядом, не прекращая теревить один из многочисленных карманов на своем широком кожаном поясе, и указал на приоткрытую дверь:

— Проходите. Мэтр Оргис вас ожидает.

Сам же парень быстро скрылся на лестнице. Очевидно, это был помощник или ученик мага, и его рабочий день только что закончился.

Не успели мы обозначить свое присутствие стуком в дверь, как на пороге появился рыжеволосый, коротко стриженный мужчина с большими залысинами и воодушевленно хлопнул в ладоши:

— Тавиш, демоняка, решил заделаться моим конкурентом?!

У меня сердце в пятки ушло: а ну как этот маг что-то почувствует? Но Тавиш и ухом не повел.

— Нет уж, предпочитаю праздный образ жизни аристократа, — в тон ему ответил мой спутник. — Теплая постель и красивая девушка меня прельщают всяко больше, чем захолустье, болото и зубастая нечисть.

Мужчины не просто пожали руки, но и, смеясь, похлопали друг друга по плечам. Похоже, они давние приятели, а то, что я сейчас наблюдаю — их привычный стиль общения.

— В таком случае, к тридцати пяти годам ты разжиреешь и приобретешь подагру, а я заберу себе всех твоих красоток, — продолжил хохмить маг, жестом приглашая нас в кабинет.

— Посмотрим, — усмехнулся наколдованный.

Если бы не огромный рабочий стол, заваленный тем, чему предстояло однажды стать амулетами и артефактами, это помещение можно было бы воспринять предназначенным для жизни. Царил в нем какой-то особый уют, чисто мужской. В смысле, что глаз ничему особо не радуется, но жить можно. И комфортно жить. Глубокие мягкие кресла, ковер, шторы. Книги. Много книг! Они не только занимали четыре большущих шкафа, но и лежали повсюду, некоторые были открыты, с загнутыми, измусоленными страницами. Еще, пока меня не отвлекли, взгляд успел зацепиться за полки с зельями и с папками, арбалет и поднос с метательными дротиками, а также продавленный диван. Из присутствия здесь последнего сам собой напрашивался вывод о том, что маг практически живет на работе, когда не в разъездах.

— А это, — мэтр Оргис заинтересованно кивнул в мою сторону, — так понимаю, и есть твоя деликатная проблема?

— Михаэлла Ритара. — Тавиш наконец сделал то, что давно следовало

— представил меня. — Она очень помогла мне, когда было нужно, и вообще дорогой для меня человек.

Интереса во взгляде мага заметно прибавилось. Очевидно, до этого момента он видел во мне всего-навсего одну из подружек своего неумного дружка. Но рассматривал мэтр Оргис неизбежно, и вообще он и весь окружающий его беспорядок вызывали у меня симпатию.

— Ридуш Оргис, будем знакомы. — Мне бережно пожали руку. — Будете чай? Извините, больше ничего, кажется, нет...

Судя по растерянному взгляду, которым он заскользил по помещению, сомневаюсь, что в случае надобности маг отыщет хотя бы чай, о чашках вообще молчу, а потому на всякий случай покачала головой.

— Не стоит, спасибо.

— Посмотри ее лицо, — без лишних церемоний перешел к цели нашего визита Тавиш.

Усадив меня на стул, маг осторожно снял маску, и кожа ощутила прикосновение прохладных пальцев. Это оказалось неожиданно приятно. Было жарко, а кружева, напичканные магией, не особенно пропускали воздух, так что следы от язв побагровели и немного чесались. Но, к чести мага, нужно сказать, что работал он профессионально. Даже поморщиться себе не позволил.

— Как интересно... — пробормотал он после беглого осмотра.

Между редких рыжих бровей залегла недовольная складка.

— И непонятно...

Ушло минут десять, после чего Ридуш смирил профессиональную гордость и прямо спросил:

— Чем, говоришь, ты переболела?

Я украдкой вздохнула. Похоже, не судьба.

— Какой-то заразой с болот. — Тавиш с ответом успел раньше.

— В тех местах ее зовут просто лихорадкой, — немного виновато добавила я.

Сама понимаю, что негусто, ну так я и не маг, даже не лекарь. Они тут все умные — вот и пусть научные названия болячке дают, а мне важно, чтобы меня от ее следов избавили.

Ридуш, судя по всему, придерживался похожего мнения, потому что недовольства не выказал. Напротив!

— Очень интересно! — воодушевился он.

А затем учинил настоящий допрос с пристрастием, да такой, что королевские дознаватели отдыхают. О последних я, конечно, совсем ничего не знала, это Тавиш ворчал, потому что его тоже пытали. И построже, чем

меня. Он же у нас образованный, должен был разобраться, что там к чему хотя бы примерно. Ну, это маг так считал.

— Понятно только, что совсем ничего не понятно, — удрученно вздохнул Оргис, в задумчивости ероша жидкие волосенки. — Зато теперь я знаю, куда планировать следующую вылазку. Пожалуй, завтра и начну.

Ага, отлично. Только что-то я подзабыла, для чьей пользы задумывался визит. Лечить меня уже не собираются? Даже не попробуют?

— Рад за тебя. — Наши с Тавишем мысли снова сошлись. — Но стереть этот кошмар с ее хорошенького личика ты можешь?

Карие с оттенком зеленого глаза мага поверх моей макушки многозначительно уставились на друга.

— Ну что, поздравляю тебя!

— С чем? — напрягся Тавиш.

И я вместе с ним. Как-то все идет не по плану.

— Надо было влюбиться по уши, чтобы разглядеть под этим всем хорошенькое личико, — заржал маг.

Мы с Тавишем его веселья не разделили. Я так и вовсе окончательно разуверилась в успехе мероприятия. Что этот Ридуш за маг, если дружбу от любви отличить не может? Только на нечисть охотиться и годен.

— Не отвлекайся, — сквозь зубы процедил Дивальд.

— Попробую, но ничего не гарантирую, — согласился Ридуш.

По лицу вновь заскользили его руки, только теперь их окутывало белоснежное сияние и холодок был еще приятнее. Но я так сильно нервничала, что расслабиться никак не могла. А лечение, как назло, длилось долго. Полчаса, по самым скромным прикидкам.

Когда же Ридуш закончил, я даже зеркало просить не стала. Откуда-то интуитивно знала, что ничего не вышло.

— Кажется, они немного поблекли, — неуверенно выдавил маг. — Я хотя бы снял воспаление.

Тавиш приглушенно ругнулся, встал со своего места и зачем-то положил руку мне на плечо.

— Мази, компрессы, зелья... Неужели совсем ничего нет?! — В голосе наколдованного звучала такая беспомощность, что я вздрогнула всем телом и накрыла его руку своей.

— Пока нет, — развеял в прах все наши надежды маг. — Но я завтра же отправлюсь в приграничье, осмотрюсь там на месте и, возможно, что-то придумаю.

Несколько мгновений над кабинетом звенела пустая тишина. Я даже мыслей собственных не слышала. Будто весь мир заполнило жгучее

разочарование. И нет от него спасения.

Только теплая рука на плече осталась.

— Ты оптимист, — вздохнул Тавиш.

Стоило оказаться в экипаже, меня прорвало. Словно плотину смело бурным потоком, по щекам хлынули горячие слезы, плечи затряслись в рыданиях, и зубы застучали. Маска от влаги сама отвалилась. Видимо, не предназначена она, чтобы в ней плакали.

— Эй, прекрати! — Тавиш сел рядом и крепко прижал меня к себе. — Еще не все потеряно. Он же обещал найти средство. В крайнем случае, обратимся к другому магу.

— Ты сам-то веришь, что из всего этого что-то получится? — горько спросила я, глядя на друга сквозь пелену слез и темноту.

Ответом стало молчание. Он никогда мне не врал. И плакать перед ним было не стыдно.

Уткнувшись носом в плечо Тавиша, я продолжила свое мокрое дело.

— Моих денег хватит на скромный дом в средней части города? — простучала зубами, когда мы уже подъезжали к особняку Дивальдов.

— Вполне, — отозвался Тавиш, не прекращая поглаживать меня по волосам. — А зачем тебе?

Слезы снова сдавили горло железным кольцом, мешая дышать и говорить.

— Не хочу этого всего... — получился невнятный хрип, но наколдованный расслышал и понял.

Я и ойкнуть не успела, как меня пересадили на колени. Сразу стало как-то по-особенному тепло и уютно.

— Не выдумывай. Слышишь? — тихо рыкнул Тавиш и прижался подбородком к моим волосам. — Еще есть шанс. До Бала Масок полно времени.

— Все зря! — всхлипнула я.

Но плакать хотелось все меньше. А чего хотелось? Не знаю... Не хочу знать! Не могу себе позволить.

— Тогда вместе уедем перед самым праздником, — вдруг тихо и серьезно сказал Тавиш. — У меня есть замок. Там горы, речка, и я еще в первые дни отправил управляющего, чтобы выкинул оттуда вороватую родню, которая там прижилась. В нем и поселимся. Может, еще Налу с собой возьмем, если она захочет.

А...

Уедем вместе?

Но как же Нарья...

Спросить об этом я так и не смогла. Никому третьему сейчас не было места в уютной темноте чуть покачивающегося экипажа.

Так прошел миг, а может быть, целый час. Мысли кружились в голове вихрем ярких раскаленных бабочек, но ухватить хоть одну за хвост никак не получалось. Ох... Сама не знаю, зачем я отстранилась и заглянула в угловатое лицо обнимающего меня мужчины. Его руки тут же сместились вверх, пальцы заскользили по щекам и подбородку.

Губы потянулись к губам.

— Нет! — Я в последний момент успела опомниться. — Стой. Не надо.

Тавиш дернулся, как от удара, но послушно остановился.

— Почему? — хрипло спросил он, пронзая меня взглядом. Так, что мурашки по всему телу.

— Я не хочу потом страдать.

Вывернувшись из его рук, я сама распахнула дверь, выскочила из давно никуда не ехавшего экипажа и стремительно направилась к дому. Только успела еще заметить, что кучера нет. Видимо, нас попытались оставить наедине...

Глава 13

Оставшиеся до свидания дни промелькнули незаметно. И хоть я и чувствовала себя немного обманщицей, в назначенный час была упакована в соответствующее случаю платье и ждала появления Гордика.

А между делом вяло спорила с Налой.

— Хорошо тебе, можешь пойти с парнем и не надо скрываться... — битый час ныла она.

Хотя лично я слабо верила, что все пройдет без проблем, уж слишком неровно у Тавиша складываются отношения с моими поклонниками. С другой стороны, шансы спасти лицо таяли на глазах, а в свете этого остальное теряло значение. Что ж, поживем — увидим.

— Давай ему все расскажем, — уже, наверное, в сотый раз с тех пор, как узнала тайну подруги, предложила я. — Тогда и ты сможешь.

Однако при одной только мысли об этом Нала бледнела и начинала паниковать. Вот как сейчас:

— Только попробуй! Я тебя с балкона сброшу!

Угроза особенно явная, учитывая, что шушукались мы как раз на балконе. Прямо над головой у Тавиша, раздававшего последние указания слугам. Как и обещал, на свидание он отправлялся с нами. А чтобы не выглядеть сумасшедшим надзирателем, взял с собой Нарью. Вроде как тоже пара. Он за ней еще раньше послал, и теперь совершенно довольная девица в демонстративно простеньком платье попивала в гостиной охлажденный чай с клубничным штруделем. А мы с Налой, хоть это было и невежливо, уже трижды проигнорировали просьбу к ней присоединиться и поразвлекать гостью и показаться собирались, только когда Гордик приедет.

— Попробуй. — Я вспомнила, что временами демонстрирую необычайную силу, и вопреки обыкновению отнеслась к заявлению Налы спокойно.

В последнее время мне часто приходилось привыкать к изменениям. Одним больше, одним меньше, какая уже разница?

— Совести у тебя нет, — насупилась подруга, которая, видимо, о том же подумала, и пытаться приступить к активным действиям даже в шутку не рискнула. — А мне, между прочим, ради тебя несколько часов одной среди парочек куковать!

Жалко ее совсем не было, и я, подтверждая свою бессовестность, хихикнула.

— Будет тебе время подумать о своем поведении. Может, придешь к выводу, что не стоит обманывать любящего брата.

Продолжить пререкания нам помешал грохот подъехавшего экипажа и голос недавно упомянутой персоны:

— Девушки, поторопитесь! Михаэлла, не заставляй поклонника ждать!

Последнее было сказано с легкой иронией, так что у меня просто руки зачесались сбросить кое-кому на голову горшок с орхидеей.

В последний момент одумалась!

Пожалела. Цветок.

Мы с Налой быстро прошмыгнули в комнату и на мгновение задержались перед большим зеркалом, в котором прекрасно уместались оба наших отражения. Я скользнула взглядом по светлomu в мелкие сиреневые цветочки платю, поправила шляпку и маску, после чего подхватила украшенный кружевами зонтик и направилась к двери. Действия подруги полностью повторяли мои, и, если бы не ее унылая мордашка, можно было бы подумать, что в комнате два зеркала.

Внизу выяснилось, что, дабы моей вынужденной наперснице не было скучно, Нарья привела с собой сестру, Тину, а Гордик с той же целью взял друга, такого же не в меру стеснительного парня из провинции, как он сам. И хотя не всех из присутствующих хотелось видеть, тому, что компания разрослась, я была даже рада. Так это почти уже и не свидание, разве что совместная прогулка, а Тавиш — почти не надзиратель.

Гулять собирались в королевском парке. Там сады, беседки, животные, которых можно кормить с рук. Как пояснили те из присутствующих, кто со столичной жизнью знаком лучше меня, более подходящего места для первого свидания не найти. Это почти уже традиция.

Добирались до парка в двух экипажах. Несмотря на недовольство попечителя, я ехала не с ним и его пассией. Впрочем, когда выходили у распахнутых кованых ворот, я успела заметить, что Нарья отнюдь не выглядит довольной.

— Ты сегодня еще красивее, чем на приеме, если это вообще возможно, — отчаянно краснея, сообщил Гордик и протянул мне небольшую коробочку, перевязанную соответствующей по размеру ленточкой. — Возьми, пожалуйста. И не вздумай отказываться!

От неожиданности я замешкалась, и он просто вложил подарок мне в руку.

— Ну открой же!

Пальцы сжались слишком сильно, едва не смяв картон. В последний момент успела себя одернуть.

Коробочка маленькая, в такой разве что колечко поместится.

Колечко...

Ой.

Что, уже?!

Чувствуя, как земля уходит из-под ног, я потянула за ленту. Клянусь, это был самый мучительный момент в моей жизни! Пальцы дрожали, в перчатках действовать было неудобно, потом еще узелок оказался слишком тугим и никак не хотел развязываться... Все это время сердце раскаленным камнем пульсировало в груди, а в горле стоял ком.

Вот что я ему скажу?!

Кто вообще делает предложение, видя человека в третий раз?

Наконец пальцы справились с непослушным куском ткани, я сняла крышку... Ох! Всего лишь брошь. Даже не особенно дорогая. К серебряной булавке, украшенной одним-единственным камешком фиолетового с блестками авантюрина, крепилась бутоньерка с незабудками. Просто и прелестно.

— Спасибо. Очень красиво. — Я искренне улыбнулась парню, и он улыбнулся в ответ.

Вокруг собралась вся наша компания, чтобы получше рассмотреть подарок и не пропустить ничего интересного, и все равно голос Тавиша, прозвучавший над ухом, заставил меня подпрыгнуть:

— Удачный выбор. Ей подходит. — Только мне в ровном тембре и взгляде, брошенном на Гордика, померещился вызов? — Миша, ты обязательно должна приколоть ее к платью. Сейчас.

Покровители, что эта жертва запрещенной магии себе позволяет?! Навязался на мою голову!

Но, поймав его взгляд, я неожиданно для самой себя вызов приняла и подрагивающими пальцами взялась за булавку.

Дальше все получилось совсем уж глупо... Треклятые перчатки виноваты! Не привыкла я к ним. И, как водится, справиться с задачей с первого раза не удалось. Со второго тоже. И с третьего. Гордик внимательно наблюдал за моими манипуляциями, но предложить помощь все не решался, демоны побери его зажатость! Остальные тоже не вмешивались. Жаль, не все.

Чувство такта одному из присутствующих было чуждо, он и сунул свой аристократический нос не в свое дело.

— Дай помогу, а то ты так два часа провозишься, — грубовато потребовал Тавиш, отбирая у меня украшение.

Наши пальцы мимолетно соприкоснулись, и я почувствовала, как

вверх по руке скользят маленькие щекотные молнии. Даже невзирая на злосчастные перчатки. И то, как скрипнула зубами Нарья, пристроившаяся за плечом Дивальда, но им вот уже четверть часа напрочь игнорируемая, мне понравилось. Даже очень.

Естественно, паршивка не могла остаться безучастной к чужому счастью.

— Дорогой, не стоит, — пропела она и погладила любовника по плечу. Когда же Тавиш обернулся и смерил ее прохладным взглядом, любезно пояснила ход своих мыслей: — Подарок дарил этот замечательный молодой человек, ему с ним и помогать.

Правильно вроде все говорит, что же ее прибить так хочется?!

— Я могу! — опомнился молодой купец и потянулся забрать у Тавиша булавку, но тот и не подумал уступить, хоть у соперника и было прав больше:

— Посмотри, у тебя руки трясутся. — Они правда подрагивали, наколдованный тут не соврал. — Еще уколешь ее.

Гордик смиренно опустил руку.

Но Нарья так легко сдаваться не собиралась!

— И все-таки это как-то неправильно, — зудела она. И чего завелась, спрашивается? Он же не кольцо обручальное мне надеть хочет, всего лишь булавку с цветком, к тому же подаренную совсем другим поклонником. — Может, лучше я? Чтобы не нарушать приличий.

Фу-ты, кто у нас о приличиях заговорил...

— Мы их никоим образом не нарушаем, — отозвался Тавиш, невозмутимо прилаживая мне на платье красоту. — А вот ты со своей ревностью лучше угомонись. Права на нее тебе никто не давал. Не забывай, ты здесь только для того, чтобы я своим одиноким присутствием не смущал Мишу и ее не в меру скромного поклонника.

В повисшей после его резких слов тишине Тавиш аккуратно расправил воротник, поправил цветы, ободряюще улыбнулся мне.

— Ну вот и все. Тебе действительно очень идет.

Сказал и оставил меня в покое. Хотя какой тут покой? Бросил в растерянном и взбудораженном состоянии!

Несколько минут потребовалось собравшимся, чтобы прийти в себя и определиться с направлением, после чего мы, наконец, миновали ворота. Я снова шла с Гордиком, Тавиш — с Нарьей, а парень, имени которого я не удосужилась запомнить, развлекал Налу и Тину, впрочем, девушки особого восторга по этому поводу не проявляли.

Будто и не было ничего.

Только рука до сих пор горит, и перчатка ей не помеха, а внутри будто демоненок на раскаленных углях танцует.

Отпустило меня спустя добрых полчаса блуждания по парку. Мы прохаживались по пестрым садам, любовались цветами, женская часть компании с интересом поглядывала на другие парочки, коих здесь было немало. Похоже, действительно традиция. Но погода стояла жаркая, долго так не проходишь. Мы хотя бы под зонтиками прятались, а мужчин было откровенно жаль. У Гордика в первом же саду нос обгорел и теперь был красный и лоснящийся. Тавиш оставался привычно бледен, но и ему, судя по расстегнутому вороту и появившемуся в руке платку, жара доставляла определенные неудобства.

В общем, мы осматривали сад, потом на некоторое время прятались среди тенистых деревьев в парке, остывали немного и переходили к следующему саду. Всего их было двенадцать, и во всех росли разные цветы, многие вообще были привезены из-за океана в подарок ее величеству. Тавиш дразнил собравшихся байкой о том, что под одной из масок может скрываться повелительница столицы. Когда сады закончились, а многострадальный нос моего кавалера еще и распух, мы отправились туда, где держат животных, и девичья часть компании смогла покормить их хлебом, фруктами, а самых хищных — свежим мясом. Мужчинам же приходилось за это удовольствие платить и смиренно ждать.

Вечер нас застал на выходе из парка. К этому времени Нала успела достать Тавиша просьбами завести дома серого хищного кота, размером с лошадь, в точности такого, как мы кормили через зачарованную изгородь в парке, получить категорический отказ и надуться. Остальные просто развлекались, наблюдая за ними.

Поскольку обед мы все дружно прогуляли, только пару раз останавливались возле торговцев, чтобы попить воды, ужинать отправились тоже вместе. Выбор места доверили тому, у кого осталось больше сил. Надо уточнять, кто им оказался?

Увидев таверну, оформленную в черном и серебристом, с особыми элементами в виде светильников-черепов, столов-домовин и иллюзорных призраков, исполняющих обязанности разносчиков, лично я почти даже не удивилась. На таких, как это горе магическое, не обижаются. Нала придерживалась того же мнения, а вот Нарья с сестрой дружно завалились на пол... чего это они, милый призрак-фантом всего лишь хотел взять их зонтики. А Гордику какой-то тип в черной мантии с жуткими черными зубами предложил подлечить нос, так тот от него по всему полупустому залу улепетывал.

— Одна ты меня понимаешь, — притворно печально вздохнул Тавиш и по-свойски обнял меня за плечи.

— Ты это специально? — Я вывернулась и с укором сверкнула на него глазами.

— Говорю же, только ты меня и понимаешь, — хитро улыбнулся наколдованный.

В качестве последнего аргумента я закатила глаза и решила как можно дольше с ним не разговаривать.

Отхлестав по щекам нежных барышень и отловив Гордика, мы наконец заняли места за столом.

Собственно, тогда-то мое молчание бесславно и закончилось. Потому что Тавиш опять отличился! Принесли нам заказ, все такое аккуратненькое, под крышечками. Есть хотелось так, что даже какой-то приятный запах померещился. И вот крышки поднимают... а оттуда как поползет, как поскачет! Итог: Девицы опять в отключке, Гордик с другом, зажимая рты ладонями, унеслись в уборную, Нала под столом заходится от хохота. Только мне почему-то не смешно.

Проводила взглядом улепетывающую лягушку, обозрела извивающегося в тарелке моего поклонника дождевого червяка, после чего громко и выразительно высказала Тавишу все, что о нем думаю.

Нала смеялась, он внимал.

Когда же эмоции иссякли, еще и шутить у него наглости хватило:

— Между прочим, ты мне благодарна быть должна, — заявила эта наглая морда. — В нестандартных ситуациях особенно ярко раскрывается истинное лицо человека. А я даю тебе возможность как следует рассмотреть это лицо.

Стало как-то тоскливо. Еще и красный нос почему-то припомнился, хотя речь шла совсем не о внешности.

Еще через полчаса безобразие убрали, нас по просьбам особо нежных членов компании, коих оказалось большинство, пересадили за другой стол и принесли нормальную еду. Мясо, тушенное в горшочках, салат с бобами, хлеб, сыр и слабое малиновое вино.

Инцидент скоро был забыт, хотя на Тавиша все, кроме Налы, временами поглядывали с опаской. Размеренная беседа привела к договоренности встретиться в субботу на приеме у некой госпожи Вьюны, а в воскресенье пойти в театр, после чего практически сошла на нет. Мы все слишком устали, да и время было позднее.

Собирались уже уходить, мужчины распорядились подать ко входу экипажи, и тут Нарья решила еще раз попытать счастья.

— Может, отвезем сестренку и ко мне, а? — шепнула она, склонившись к самому уху Тавиша, и как бы между прочим потерлась грудью о его плечо.

Я сидела не рядом, а все равно почему-то все расслышала.

Но на лице Тавиша обычного энтузиазма не появилось.

— Извини, устал, как собака. — И ответ был не тем, какого ожидал любой, кто хоть сколько-нибудь знаком с Дивальдом. — А завтра предстоит трудный день. Хочу выспаться.

— Ты ску-у-учный, — надула губки охотница за состоятельным женихом или хотя бы покровителем, но настаивать не стала.

Но и не обиделась по-настоящему. Видимо, гордости у нее нет. Как и хоть каких-то чувств к Тавишу.

Как часто бывает после насыщенного дня, эмоции утихать никак не желали, и уснуть не получалось. Я честно промаялась под одеялом два часа, потом захотела пить и решила спуститься на кухню. Заодно можно будет в сад выглянуть. Может, ночная прохлада принесет наконец дрему?

Выскользнула из кровати, сунула ноги в мягкие тапочки, завернулась в халат и вышла в коридор.

Темноту разбавляли редкие светильники, которые никогда не гасили на ночь, просто максимально приглушали свет, поэтому путь за питьем неудобств не доставил.

Ими благодетельствовала себя я сама. Уже стоя в саду, заметила, что в сонном доме светится еще одно окошко. Кабинет Тавиша. И... сама не поняла, как ноги принесли к нему под дверь.

Прикусила губу, постояла немного...

Разумнее было бы уйти, но хотелось постучать. В итоге я поступила еще «умнее» — просто вошла. И сразу же себя обругала: вдруг он там с очередной девицей развлекается, сама же потом до утра рыдать буду! Но опасения оказались напрасными: наколдованный откинулся на спинку кресла и задумчиво разглядывал потолок. Даже не вздрогнул при моем появлении.

— Э... Тавиш?

Моргнул. Сфокусировал взгляд. Заметил.

И мгновенно всполошился:

— Что-то случилось?

Ну да, а почему еще я могла вломиться к нему среди ночи?

— Нет. — Я выдавила виноватую улыбку. — Просто не спалось. Увидела, что у тебя свет горит, и решила немного помешать.

— Правильно сделала. — Он закрыл и убрал в стол расходную книгу и потер глаза. Похоже, до недавнего времени он тут занимался чем-то важным и скучным. — Если бы еще прихватила из кухни чего-нибудь поесть, моему счастью вообще бы не было предела.

Я тихо фыркнула и без лишних разговоров вышла вон. Куда в него столько влезают?! За время нашего знакомства ничуть не поправился, как был тощий, так и остался.

На то, чтобы спуститься на кухню и взять поднос с хлебом, сыром и бужениной, много времени не понадобилось. Тавиш понимал меня без слов, так что, когда я вернулась с добычей, сидел, подперев подбородок кулаком, и смиренно ждал.

— Так-то лучше, — одобрил он, перед тем как наброситься на еду.

Себе я взяла только воду, после сытного ужина есть совсем не хотелось, но наблюдать за ним было приятно.

Пока Тавиш уничтожал поздний перекус, мы почти не разговаривали. С ним хорошо было молчать. И вообще хорошо. Когда же он доел и приложился к моему ополовиненному уже стакану, я в отместку, не иначе, спросила:

— Зачем тебе эта Нарья?

Даже не подавился, бессовестный!

— Так сразу и не объяснишь, — против обыкновения ответил серьезно.

Стакан был с грохотом отодвинут на другой край стола. Но я не обратила внимания на неприятный звук, все оно было приковано к лицу сидящего напротив мужчины. Раньше он не обманывал меня. Надеюсь, в этом плане у нас ничего не изменилось.

— А ты попробуй. — Прозвучало даже чуть больше требовательно, чем должно бы.

Наколдованный задумчиво потер кончик носа. Необычные глаза словно дымкой подернулись.

— Понимаешь... — взвешивая каждый звук, начал он, — ты ведь знаешь, в каких условиях и в каком положении я раньше жил. Было паршиво. Тогда я и мечтать не мог, что однажды у меня будет своя женщина. Там, откуда я родом, их мало и выбирают они самых сильных мужчин, тех, которые могут весь мир бросить к их ногам.

Голос звучал тихо и печально, с какой-то особенной горчинкой. Тавиш редко бывал таким даже со мной. Наверное, поэтому вырвалось:

— Хочу тебе сказать, что со сменой реальности все остальное осталось на своих местах. — Как-то незаметно мы с ним поменялись

ролями, теперь дразнила и подтрунивала я, потому что его настроение нуждалось в срочном исправлении. — Здесь женщины тоже выбирают из тех, кто богаче. Большинство, во всяком случае. Изменилось только их количество.

Тавиш послушно улыбнулся, но как-то вымученно;

— Здесь я сильнее и богаче. И могу получить любую. Почти любую. — Его голос звучал все тише и под конец превратился в хрип. — Кроме той, которую действительно хочу.

Неловко как-то говорить с ним о таком, тем более что ответить откровенностью на откровенность я не смогу. Как потом жить с ним в одном доме да и вообще в одном городе?! Ох-х-х, надеюсь, не спросит, потому что остановиться я уже не могла:

— И это не Нарья?

Неожиданно Тавиш рассмеялся, весело и искренне. Потом моргнул, пелена грусти исчезла из его глаз, а в следующий миг... я увидела только изящные бледные кисти над столом и мимолетное движение пальцами. Дыхание сперло, перед глазами рассыпались мелкие, сияющие синевой звездочки. Когда же они потухли, я нашла себя на коленях у Тавиша, заключенную в кольцо сильных рук.

— Дурочка маленькая, — пробормотал он и уткнулся мне в макушку.

— Ты научился магии?! — встрепелась я... вернее, встрепелась бы, если бы меня не так крепко держали.

А так только поерзала слегка, устраивая попу удобнее. На что Тавиш отреагировал тихим стоном и невнятным мычанием, но рук не разжал и дышать мне в волосы не перестал. Значит, ничего жизненно важного я ему не отдала.

— Это тело неплохо поладило с магией, которая пришла со мной из другой реальности, — пояснила эта неугомонная по части сюрпризов личность. — Вот, проверяю потихоньку, что мы тут можем. Собственно, поэтому наше путешествие на остров каторжников так отложилось — я учился строить порталы.

Прижавшись к его груди, я прикрыла глаза и позволила себе на минутку расслабиться. Возвращаться к душевным разговорам не хотелось, так и до потери самого близкого друга договориться можно. Нет, уж лучше мы о магии.

— Успешно?

— Угу. — Показалось, или по волосам скользнули губы?! — Завтра утром отправляемся.

Но эта, несомненно, стоившая внимания новость была пропущена

мимо ушей из-за беспардонных действий одного мага.

— Тавиш, ты что творишь?! — вся дрожа, пискнула я.

— Хочу запомнить твой запах, — с поразительной откровенностью, которую я уже начинала тихо ненавидеть, признался он.

Сердце сбилось с ритма и загрохотало как сумасшедшее.

— А... зачем?

Над головой шумно вздохнули. Но уже не так близко, хотя все равно горячо. До мурашек и тихого мурлыканья где-то внутри.

Уютное кольцо разжалось, выпуская меня на такую нежеланную свободу.

— Иди спать, Михаэлла, — скомандовал Дивальд, спихивая меня с колен, и сам тоже поднялся. — Завтра вставать в несусветную рань.

Коррский остров не мог похвастаться ни красотой пейзажей, ни теплым климатом, и лучшего применения, чем пристанище для опасных преступников, ему, видимо, просто не нашли. Вот уже несколько столетий всю его немалую территорию занимали мастерские, в которых трудились каторжники. Там делали основы для магического инвентаря, дешевую мебель и одежду, которые по карману даже самым бедным горожанам, и еще много всякого полезного.

Но лично я бы ничем из этого пользоваться не стала.

Хм? Поймала себя на этой мысли и подмигнула растерянному отражению в зеркале. Похоже, жизнь под опекой Тавиша Дивальда меня избаловала. К хорошему привыкаешь легко.

Историю острова-тюрьмы я прочла в одной из книг, еще до того, как наметился визит. Сейчас же, собираясь, просто перебирала в памяти имеющиеся сведения.

Проснуться пришлось рано, даже позавтракать не успела. Нет, вообще-то, Тавиш честно пытался растолкать меня и говорил что-то там про гренки, но я предпочла поспать еще часик, так что сама виновата. Впрочем, ни это понимание, ни даже чашка ароматного чая настроения не прибавили.

Зачем он вообще тащит меня с собой? Одному копать в тайнах не так интересно?

— Михаэлла, ты скоро? — донеслось из-за двери нетерпеливое.

В стремлении сунуть нос в чужие секреты этот наколдованный просто неудержим.

— Уже, — обреченно вздохнула я, проглотила зевок, поплотнее завернувшись в плащ и отправилась навстречу свершениям.

Тавиш поджидал меня в коридоре, тоже в плаще и с кожаной папкой в руках.

— Идем. — Он обнял меня за плечи и повел... не в сторону выхода из дома.

Комплимента ни одного не отвесил, значит, настроение серьезное.

Неловкости после вчерашнего, как ни странно, не было. И даже то, что Тавиш меня обнимал, отчего соприкасались не только наши плечи, но и иногда бедра, казалось чем-то естественным. Не проснулась я еще, что ли?

Путь наш закончился в пустом помещении, прилегающем к его кабинету. И пока мы туда дошли, Тавиш успел растолковать мне назначение папки: он отправлялся на остров в качестве благодетеля, якобы желающего пожертвовать крупную сумму золотом. И на самом деле собирался это сделать, хоть и отнюдь не из благородных побуждений.

— Так есть надежда, что с нами там будут достаточно откровенны, — подытожил он.

Лично я в таких вещах не особенно понимала, потому и высказываться не стала. Но какой-то ехидный голосок внутри шепнул, что парня, решившего выбросить на ветер такие деньжищи, да еще притащившего с собой в опасное место слабую девушку, скорее сочтут психом. Впрочем, много ли я понимаю в причудах столичных аристократов?

Весь пол довольно просторного помещения занимали светящиеся белым светом узоры.

— Ты сам?.. — впечатлялась я и даже позволила себе взглянуть на спутника с восхищением.

— Правда, я молодец? — Очевидно, одного взгляда ему было мало.

— А нас точно не разорвет? — наморщила нос моя вредность.

Уголки тонких губ чуть заметно опустились.

— Ты меня совершенно не ценишь, — удрученно констатировал Тавиш. — А я, между прочим, умный, способный, талантливый...

— Находка, а не мужчина. А скромный какой! — смеясь, перебила я. Если этого не сделать, он может расхваливать себя долго. — Я просто не даю тебе окончательно возгордиться. Цени.

От благодарственного поцелуя в щеку, попытавшегося «ну чисто случайно» соскользнуть к уголку губ, проворно увернулась.

На этом шутки закончились. Тавиш велел мне приготовиться и активировал узор. Жаль, как именно готовиться, не объяснил, потому что, когда сработал переход, из меня чуть весь дух не вышибло. Грудь словно тисками сдавило, от нехватки воздуха потемнело в глазах.

Спасло то, что продлилось мучение всего несколько мгновений.

— Магам нравится издеваться над собой или ты где-то все же допустил ошибку? — не сдержала сарказма, не прекращая при этом жадно дышать.

Лучше несколько дней трястись в седле, по собственному опыту говорю.

— Зато быстро, — пожал плечами Дивальд, который тоже имел слегка зеленоватый цвет лица.

Если ошибка и существовала, признавать ее он не собирался.

Потребовалось несколько минут, чтобы мы оба окончательно пришли в себя. После этого стало возможно оглядеться. А отрезвляющий холодок я еще раньше почувствовала, чему даже порадовалась: он помог быстрее отогнать дурноту, да и после столичной жары, от которой запахи на улицах казались просто невыносимыми, а рубцы на лице под маской припухали и чесались, померзнуть было даже приятно.

В остальном открывшийся взгляду пейзаж нагонял уныние. Телепортационная площадка находилась на берегу моря и сверкала точно такими узорами, которые я видела дома, только зелеными, а не белыми. Земля вокруг была темно-коричневой и какой-то безжизненной, вода — серой и холодной, иногда взгляду попадались чахлые деревца. Большую же часть видимого пространства занимала высокая каменная стена с башнями для караульных. Остров оказался именно таким, как его описывали.

От площадки вдоль стены шла вытоптанная дорожка. Крепко сжав мою руку, Тавиш направился по ней и не ошибся. Вскоре мы уткнулись в ворота.

Открыли их не сразу, потом нас долго досматривали, расспрашивали о цели визита, вели по железным мостикам, где каждый шаг отдавался страшным скрежетом, и, наконец, мы под конвоем из четырех человек достигли кабинета главы женской половины острова. Упитанный сидящий мужчина носил форму и имел звание, которое я благополучно прослушала. Поняла, что оно высокое, только по тому, как Тавиш уважительно хмыкнул.

— Приятно удивлен, — приветствовал посетителя хозяин неоправданно роскошного кабинета. — Никак не ожидал, что вас занесет в наши места. А вот девушку напрасно взяли, ей здесь не место.

Вот! А я о чем с самого отбытия думаю!

— Я ей то же самое говорил, но она вцепилась, как клещ, — отвертелся Тавиш, а у меня так челюсть и отвисла. — Хочу посмотреть — хочу посмотреть! Разве такой откажешь?

— Строже с ними надо, — прокряхтело местное начальство, опускаясь

в свое кресло, нам тоже было предложено сесть.

— Слышала, Миша?

Понуро молчу, только взглядом паршивца прожигаю.

Прибью. Дома.

Пока парнишка в форме расставлял на столе чашки и корзинки с печеньем, говорили о всякой ерунде. То есть это мужчины трепались, я же жадно разглядывала угощение. По причине пропущенного завтрака оно меня интересовало куда больше разговоров. Только когда назвали мое имя, прислушалась:

— Миша... Какое-то странное имя для девушки, — отметил пожилой вояка, ни имени, ни звания которого я не потрудились запомнить.

— Ее зовут Михаэлла, — пояснил Тавиш.

Я напряглась. Обсуждают так, будто меня нет рядом! Между прочим, это невежливо.

И чего это лицо вояки вдруг стало таким заинтересованным? По всему выходило, что сейчас он должен был растерять ко мне всякий интерес, а поди ж ты...

— Вот даже как? — шевельнул губами тип, враз ставший для меня неприятным. — Любопытно.

Впрочем, тема себя исчерпала, паренек разлил чай и ушел, я принялась за еду, а мужчины стали обсуждать дела. Для начала — денежные. А именно, сколько и на какие нужды даст Тавиш. Это я позволила себе пропустить, сосредоточившись на черстве печенье и быстро остывающем чае.

Вопрос, ради ответа на который мы сюда на самом деле и прибыли, прозвучал только к концу визита. Финансовые дела были улажены, все нужные документы подписаны, чай выпит. Пора было уходить, но Тавиш не спешил подниматься, а начальник тюрьмы не решался выпроводить гостя, после того как тот отвалил внушительную сумму.

— А что та женщина? — как бы «вспомнил» Дивальд. — Листовки даже в столице развешаны...

На миг мне показалось, что хозяин кабинета побледнел. Потом почудилось мелькнувшее в его глазах торжество. Но, что ни говори, а контролировать себя этот человек умел отменно, положение обязывало. И я не могла бы поручиться, что действительно видела эти эмоции. Возможно, это была всего лишь игра воображения?

— Аделина Бернежка? — не особо заинтересованно переспросил он.

— Вроде. — Тавиш тоже изображал праздное любопытство, не более. — Она правда смогла отсюда сбежать? До недавнего времени

считалось, что это совершенно исключено.

Нет, все же не показалось. Начальнику тюрьмы действительно чем-то не нравился интерес гостя к беглянке. Этого нельзя было заметить по его лицу, но я чувствовала. Вдыхала местный прохладный воздух — и чувствовала. Чуяла.

— Единичный случай, — скупое пояснил военный. — Мы уже разобрались. Преступницу ищут. И найдут, можете не сомневаться!

— Умна же эта Аделина, раз сумела провести охрану, да еще с острова как-то улизнула, — провоцировал собеседника Тавиш. — А может, у нее был сообщник? Полковник, расскажите!

Но хотя роль экзальтированного аристократа моему другу удавалась отменно, добыть информацию не получалось.

— Не имею права, — сквозь зубы цедил хозяин кабинета, выразительно поглядывая на дверь.

Той же его реакция осталась и на вопросы о причинах побега, способе, которым узница уплыла с острова, ее убиенном муже и некоем сокровище, по слухам, оставшемся от него. Все он либо «не знал», либо «не мог рассказать». Под конец порядочно озверели оба, и Тавиш, и этот непрошибаемый тип. Но нам все-таки пришлось уйти, интерес и так уже выглядел чересчур.

Дорога сюда повторилась, только в обратном направлении.

До самой телепортационной площадки мы не сказали друг другу ни слова. В таких местах обычно даже у стен есть уши.

Только готовясь активировать переход, Тавиш решился высказаться:

— Кажется мне, что-то с этим делом нечисто.

— Тебе не кажется, — не вдаваясь в подробности про внезапно обострившееся чутье, уверила его я.

Дальше стало не до разговоров. Возвращение домой вышло таким же поганым на ощущения, как и путь сюда.

Только дольше. Намного.

Мгновения текли, я вцепилась в руку Тавиша, потом согнулась... а нас все не выбрасывало в пустой комнате особняка в центре столицы. Неужели он все-таки сделал ошибку в узоре? Или...

Додумать мысль не успела. Мучения наконец закончились.

Вот только совсем не так, как планировалось.

— Вчера в парке за тобой следили риссы, — вдруг сообщил Тавиш и крепко обхватил меня за талию.

Я обозрела мрачный лес вокруг и с сомнением уточнила:

— Почему ты вспомнил об этом сейчас?

— Вчера не хотел тебя тревожить. — Наколдованный, как всегда, поражал откровенностью.

Дразнить, бесить и сводить с ума меня было можно, а вот тревожить — ни-ни! И это в относительной безопасности столицы. А вот в незнакомом лесу, куда нас выкинуло из портала, — самое оно, да? Очаровательно.

И главное, совершенно непонятно, что теперь делать.

— Спасибо, — с чувством выдохнула я и на всякий случай покрепче вцепилась в его камзол. — Ты меня успокоил, утешил, а новостью про мохнатых вообще внушил чувство полной безопасности!

— Прости, я не собирался тебя пугать. — В голосе друга вибрировало напряжение.

— Вытащи нас отсюда, и сразу же будешь прощен. — Я старалась говорить шутливо, но панические нотки все же проскальзывали.

Нехорошее предчувствие накатывало ледяными волнами.

— Не факт, что получится подцепить остатки портала, — пробормотал он, извлекая из нагрудного кармана зеленый кристалл. Некоторое время ему понадобилось для магических манипуляций, не увенчавшихся, впрочем, успехом, потом Тавиш снова заговорил: — Хм. А наш переход не просто прервали, его перенаправили. Сюда.

Предчувствие усилилось. Больше того, оно, кажется, уже начало сбываться!

— Это плохо? — пролепетала я.

Ответил мне не Тавиш.

— Для кого как, — торжествующе возвестила Беата, появляясь среди деревьев.

Благодаря привязке, она чувствует Тавиша. Возможно, даже острее, чем я.

Подгадала момент и воспользовалась этим.

Рядом медленно, со страшным свистящим звуком выдохнул результат заказанного ею ритуала. Вот они и встретились.

Он давно ждал, даже искал этой встречи.

До конца не опомнившись, я рефлекторно еще крепче вцепилась в Тавиша, но это не помогло. Зеленая вспышка ослепила, в то же мгновение меня с силой отбросило в сторону. Не слишком далеко, старая сосна помешала. Встреча с ее стволом оказалась болезненной для спины, потом меня еще и об землю приложило. Крепко сжав зубы, я все же не смогла сдержать стон. Перед глазами поплыло. И хорошо бы сейчас было на время выпасть из реальности, а вернувшись, обнаружить, что рыжей гадины здесь

уже нет. В смысле, вообще больше нет. Но бросить Тавиша одного разбираться со всем этим я не могла, тем более что рядом с Беатой как раз начали появляться бородатые мужики разбойничьего вида. И среди них затесалась парочка магов.

Наверняка там есть и тот, который ей изначально помогал.

Вляпались. Крупно.

Я моргнула, прогоняя темноту, которая угрожала меня засосать, как в омут, глотнула прохладного воздуха и как-то сумела договориться с организмом. Вот и славно. Рисс я или не рисс, но в повышенной выносливости есть и свои плюсы.

— Сама пришла. — По губам наколдованного расплылась нехорошая усмешка. — Что ж, так даже лучше.

Держался он неплохо, но я слишком хорошо знала это создание, чтобы не заметить напряжения. Предстоящая схватка будет для него самой сложной в жизни, учитывая все еще действующую привязку к Беате.

Вернее, и к ней тоже.

Хм. А вот над этим стоит подумать...

Но начавшую было формироваться мысль спугнула Беата:

— О да, дорогой, — сладко пропела эта сумасшедшая и медленно провела языком по губам. — Нам с тобой будет очень хорошо вместе, как только мы избавимся от одной незначительной преграды.

Здесь последовал ненавидящий взгляд в мою сторону.

Дальше все произошло слишком быстро.

Наемники... или разбойники, понятия не имею, кто они там, выжидающе посмотрели на Ффруа.

— Займите его, пока я разберусь с этой нахалкой деревенской. — Наверное, она считала это эффектным, потому что, даже когда не обращалась к Тавишу, старалась говорить с «соблазнительной» хрипотцой. На самом же деле слова получались противно растянутыми, что действовало на нервы. — Только смотрите, не пораньте моего мальчика.

Противники рванулись друг к другу одновременно. Прежде чем окончательно переключиться на собственные проблемы, я еще успела заметить, как Тавиш отрастил когти и вооружился заклинаниями.

Этот не пропадет. Теперь можно подумать и о себе.

— Михаэлла! — Как выяснилось, Тавиш тоже думал обо мне. — Живо брысь отсюда! Я тебя потом найду.

Здоровое предложение. В моменты опасности я становлюсь сильнее, стало быть, удрать от Беаты смогу. Но вместо того чтобы встать и броситься бежать, я подалась вперед, припала на ладони, будто готовясь к

прыжку, кажется, даже зарычала. Шутливо обсуждая мои странности, мы с Тавишем забыли об одном: когда чувствую угрозу, я себя почти не контролирую и действую так, как диктуют инстинкты.

А сейчас они жаждали порвать эту дрянь рыжую, чтобы одни ошметки остались. И я была с ними полностью солидарна.

Но что-то не срослось. Беата при виде моей реакции слегка спала с лица, но успела вытащить из-за шивороты мутно-зеленый камень, испещренный черными прожилками. Цепочку с шеи снимать не стала, просто сжала амулет в руке и прошептала коротенькое заклинание активации.

В этот раз обошлось без спецэффектов. Меня просто резко швырнуло вверх. Я подобралась, приготовилась, но упасть не успела. Вокруг в мгновение ока соткалась пульсирующая золотом магическая клетка.

— Так-то лучше, — с заметным облегчением выдохнула Беата.

В стороне глухо выругался Тавиш. А через минуту еще раз. Отвлекся на меня, и его, видимо, задел.

— Не волнуйся, я позабочусь о себе! — Все глупые инстинкты, но они твердили, что его сохранность сейчас важнее, и я не могла устоять, поддавалась. Ничего, потом рассчитаемся.

Наколдованный ничего не ответил, только страшно зарычал, и вокруг него веером брызнула кровь. Чужая, к счастью.

Беата медленно приблизилась к висящей клетке и вытащила из-за шивороты второй амулет. Покровители, сколько их там у нее?

— Какая трогательная забота о рабе, — презрительно фыркнула женщина, которая при первой встрече мне показалась невероятной красавицей. Сейчас же я смотрела на нее и не понимала, где в тот раз увидела красоту: в пустых глазах, змеиной улыбке или на порочном лице? — Знаешь, если бы не привязка, я бы, наверное, не стала тебя убивать. Хотя нет, вру, все равно бы убила. Ты мне не нравишься. Не люблю выскочек.

Из всего услышанного бреда важным показалось только одно:

— Он не раб.

Все-таки инстинкты — редкая пакость. Как риссы с ними вообще живут?

Поддавшись очередному, я бросилась на клетку, почти уверенная, что сил выбраться хватит... и тут же отпрянула с пронзительным вскриком. Больше от неожиданности, хотя больно было зверски. Недоверчиво обзрев свои ладони, я обнаружила на них багровые полосы ожогов. И одежда на правом плече была пропалена. При малейшей попытке выбраться эта зараза

жглась огнем.

Как же жаль, что риссы не владеют никакой магией... И я вместе с ними.

— Рассуждаешь, как истинная деревенщина, — скривилась Беата. — А могла бы все это время пользоваться.

Боль поставила мозги на место, и я наконец сподобилась рассмотреть, что она там вертела в пальцах. Амулет выглядел пугающе. Хрупкая стеклянная корка, внутри которой пульсировало что-то красное, подозрительно смахивающее на кровь. Страх ударил раскаленной плетью. Всем своим существом я чувствовала опасность. Но даже это не помешало сделать несколько выводов.

Раздобыть мою кровь Беата никак не могла. Значит, кровь ее собственная. Но настроена на меня... Получается, мы с ней связаны через Тавиша?

Как использовать ценную информацию, придумать не успела. Вокруг вдруг стало очень тихо, просто до мурашек, и Беата повернула голову и неверяще посмотрела куда-то в сторону.

— А он силен, — с восхищением пробормотала она и уже громче скомандовала: — Стой на месте!

Тавиш выглядел ужасно. Измазанный в крови, подозреваю, что и своей собственной тоже, глаза полыхают, с острых когтей стекают алые капли, и весь силуэт окружен белым ореолом магии. Чужеродной для этого мира и оттого еще более сильной. Особенно впечатляюще выглядели живописно разбросанные среди деревьев трупы. Не уцелели даже маги.

Во взгляде, который он устремил на Беату, читался приговор. Но привести его в исполнение наколдованный не решался. Из-за меня. Это радовало, но и вызывало досаду одновременно.

Он, амулет, я, Беата... Несколько раз поменяв слагаемые местами, мне все же удалось получить в мыслях нужный результат.

Нужно, чтобы Тавиш перенастроил амулет с меня на Беату! Он маг, к тому же тесно связанный с нами обеими. Должно получиться. Но догадается ли?

Ну же, мы ведь почти всегда знаем, что друг у друга на уме!

Тавишу в этот раз потребовалось немного больше времени, но он сообразил. Понимание в необычных глазах зажглось в тот самый момент, когда холеные пальчики Ффруа сжались чуть крепче и по прозрачной поверхности пошла первая трещина. Я почувствовала, как сердце сдавила невидимая рука, стало трудно дышать... Но страшно почти не было. Он успеет. Я ему доверяю.

И доверие это наверняка бы в очередной раз оправдалось, не вмешайся третья сила.

Сначала послышался свист... и Беата, так и не успев сделать свое черное дело, рухнула на землю. Выпущенный из пальцев амулет упал рядом с ней.

Упустить такой шанс Тавиш не мог. Естественно, он рванулся к мерзавке, но преодолеть несчастные десять шагов, разделяющие их, не успел. Снова свист... и он падает, с дротиком-звездочкой в шее. Наполовину иномирное происхождение сделало свое дело, и в отличие от Беаты сознание он не потерял, но и подняться не мог. Только ругаться и бессильно рычать.

Хрустнули сухие ветки под тяжелой обувью. Лично я даже не удивилась, увидев приближающихся к нам риссов. Эдвина и уже знакомых близнецов.

— Прекрасного дня, господин Дивальд. Погода радует, не правда ли? — издевательски протянул Марре, сверху вниз поглядывая на беспомощного Тавиша. Использовать магию, похоже, он сейчас тоже не мог. — Мы наблюдаем за вами некоторое время, и поведение девушки подтверждает, что она — одна из нас. Но если вы станете настаивать на магической экспертизе, я, пожалуй, не стану возражать.

— Не трогай ее, — глухо рыкнул Тавиш.

Тем временем близнецы сбили клетку похожим дротиком, только более яркого серебристого цвета, который мгновенно нейтрализовал магию, и скрутили меня. Где там эта хваленая сила? Даже дернуться нормально не получалось.

— Девушка принадлежит стае, — будто даже с легким сожалением обозначил свою позицию главный рисс.

Дивальд ответил тем же:

— Я тебя закопаю.

— Не слишком ли самонадеянно? Мой тебе дружеский совет: не суйся. — Всерьез его не восприняли. Отмахнувшись от упрямого аристократа, Эд приблизился к Беате и, особо не церемонясь, ткнул ее носком сапога. Когда же она предсказуемо не прореагировала, указал на амулет: — Перенастроить успел?

— Да, — сквозь зубы процедил Тавиш.

— Тогда оставляю это здесь. Не волнуйся, ты очухаешься первый. — Судя по выражению на физиономии, он считал, что поступает благородно, но лично я бы поспорила. Впрочем, зверолюду на мое мнение было начхать. — Берите девчонку и уходим.

В его руке вспыхнул амулет, отблески которого вскоре сформировались в кружащуюся воронку полноценного перехода.

— Пустите меня! Я не хочу в стаю! Грязные животные! Тавиш! Не оставляйте его здесь! — Я билась изо всех сил, но добиться сумела только боли в вывернутых руках.

— Угмоните ее, — лениво распорядился Марре.

Шею кольнуло.

Реальность потихоньку поплыла.

При мысли о том, что Тавиш, даже в случае успешного исхода с Беатой, выбираться из этой глуши может долго, а значит, увидимся мы теперь очень и очень не скоро, если увидимся вообще, на глаза навернулись слезы.

— Держись там. Скоро я приду за тобой. Даже соскучиться не успеешь! — было последним, что я слышала, прежде чем упасть в темноту.

Глава 14

Открывать глаза не хотелось. Действие снотворного зелья еще не до конца отпустило, но даже под ним мой разум помнил, что где-то там есть реальность, в которой меня похитили полужвери, а Тавиш остался в смертельной опасности. Возвращаться в эту недружелюбную действительность разум не желал, я была с ним согласна, а потому лежала смирно, не шевелилась и дышать старалась как можно ровнее.

Поначалу не происходило ровным счетом ничего. Долго. Было тихо и мягко. В такой обстановке меня скоро стал одолевает сон, все же зелье еще действовало. Чувство опасности медленно отступало, мысли становились все более редкими... и тут открылась дверь и послышались голоса:

— Долго она, — мужской, незнакомый.

— Парни переусердствовали и дали ей дозировку, как одной из нас. — Эдвин был спокоен, будто ему не впервой похищать девушек и травить их какой-то гадостью. — Ничего, справится. И вообще, чем дольше она спит, тем позже мне придется успокаивать истеряющую риссу.

Истинный мужчина! Натворил дел и в кусты!

Спать расхотелось. Душа требовала мести, но как ее осуществить? С этими нелюдями я не справлюсь. Хотя попытаться можно. Что угодно, лишь бы отвлечься от страха, ледяным клубком ворочающегося в животе...

— Истерящей или разъяренной? — хохотнул второй. — Я бы на твоём месте убрал отсюда тяжелые предметы, а лучше — связал ей руки.

— Ты забываешь, что она полукровка, — возразил Марре и погладил меня по волосам. Интересно, заметил, как я вздрогнула? — К тому же совсем молоденькая. И инстинкты у нее стали проявляться сравнительно недавно, некоторые из них еще вообще спят. Да о чем мы говорим, если у нее даже когтей нет!

А должны быть? Воображение живо представило несколько сочащихся кровью царапин на физиономии главного зверолода... Да, такое оружие мне бы сейчас пригодилось.

— Слабая. И наверняка проблемная, как все полукровки. — Этот второй мне уже не нравился. Хотя, если он сейчас договорится до того, что меня выкинут вон, буду только благодарна. — Что думаешь с ней делать? Кто у нас есть из свободных мужчин?

— Неважно, — тягуче отозвался Эд и снова погладил мои волосы, задев и щеку. Приоткрыть глаза я пока не рисковала, но чутье

подсказывало, что он улыбается. — Эту девочку я оставляю себе. Учитывая, сколько с ней будет проблем, вряд ли кто-то станет оспаривать такое решение. К тому же я и так трех предыдущих невест уступил другим, хотя имел на них все права.

Какая прелесть! А мнение «невест» у них тут спрашивать вообще не принято?

— Вожак и полукровка? — с сомнением пробормотал пока еще неизвестный, но от этого не менее противный тип.

— Будет интересно. — Эд питал странную слабость к моим волосам и щеке, а мне уже отчаянно хотелось «очнуться» хотя бы для того, чтобы попросить тазик с водой и кусок мыла. Чужие прикосновения сводили с ума, и отнюдь не в приятном смысле. — Правда, милая? Не притворяйся, я знаю, что ты уже не спишь. Ты дрожишь под моими руками.

От отвращения. Но тебе я скажу об этом позже.

Приподняв веки, я издала слабый стон, потом подумала немного и изобразила дрожь.

— Как плохо... Все кружится... И голова болит. Вы меня отравили!

Мужчины опасливо переглянулись.

Вот уж не ожидала, что это сработает во второй раз!

— Слэй, живо дуй за лекарем! — скомандовал побледневший Эдвин. — Бегом!

Второго рисса и след простыл.

Сам же глава стаи склонился ко мне, пощупал лоб, который от страха был немного влажный, и участливо забормотал:

— Потерпи, скоро все пройдет. Через минуту тебе дадут снадобье, ты еще поспишь, а потом начнется совсем другая жизнь.

Угу. Вот это-то и пугает.

Бояться одной было скучно, а может, это опять сработали инстинкты, которые почему-то всегда действовали совсем не так, как ожидал зверолод. В том смысле, что к риссам я была холодна, а вот за Тавиша готова убить. В моменты опасности все страхи пропадали, вот как сейчас. И я, ни на секунду не задумавшись о последствиях, резко выбросила руку вперед и прошлась ногтями по смазливой физиономии.

Когтей у меня действительно не было, зато силы — в избытке, особенно когда злюсь. Эд зашипел и отпрянул, на его щеке стремительно набухали кровью достаточно глубокие царапины.

Полюбовалась на них, и на душе немного полегчало.

— Врушка, — беззлобно вздохнул глава стаи, вытирая бегущие к шее капли. Впрочем, безрезультатно, часть из них уже просочились под ворот

его темно-синей рубахи. — И не стыдно тебе?

Мне?! От такого заявления действие снотворного зелья окончательно прошло. Значит, они меня похитили, собираются непонятно что сделать, а стыдно должно быть мне?

— Кто же мог предположить, что ты попадешься на эту уловку дважды? — насмешливо фыркнула я.

— Риссы друг другу не лгут, — объяснил свою доверчивость Марре, недовольно морщась. — Никогда.

— Я не одна из вас! — тут же взвилась я.

Марре оставил напрасные попытки утереть кровь, задумчиво меня оглядел и печально вздохнул.

— Наполовину. Иначе ты бы просто не смогла ранить меня. К сожалению, не всегда эта половина оказывается лучшей.

— Так может, разбежимся? — Я позволила себе понадеяться. — К чему мучиться с ущербной?

Взгляд рисса сделался слегка оценивающим. На четко очерченных губах заиграла улыбка. Еще и дразнит, зверюга неотесанная!

Что-то не нравится мне его настроение.

— Ну зачем я вам такая, а? — спросила жалобно.

— Сила, нежность и терпение могут укротить даже самого неистового зверя, что уж говорить о маленькой полукровке.

Стало немного не по себе. Это ж надо было так попасть! С таким размахом я даже из-за Тавиша не влипала.

На миг наши взгляды столкнулись, но я первая отвернулась. Было действительно страшно, и выхода из сложившейся ситуации не виделось. Совсем никакого.

— Со мной не получится, — заявила с полной уверенностью, подтянула ноги к груди и поплотнее завернулась в одеяло, будто бы оно могло меня защитить.

— Но я все же попробую, — ослепительно улыбнулся заранее считающий себя победителем зверолод.

— Напрасно потратишь время!

Судя по набежавшей на окровавленное лицо тени, мне собирались ответить что-то резкое, но тут распахнулась дверь.

— Вот... лекарь... — пропыхтел Слэй.

Задыхался он не от бега, скорее от боязни не угодить вожаку.

— Уже не надо! — рывкнули мы с Марре в один голос.

Оба мужчины отступили, явно намереваясь скрыться с наших глаз.

Но оставаться наедине с брачно настроенным зверолодом мне как-то

совсем не хотелось, так что я спешно добавила:

— Только если ему, — и указала на Эда.

Всеобщее внимание вмиг оказалось приковано к моей стушевавшейся персоне. Эд смотрел с искренним возмущением. Как это, его, такого сильного и важного, и к лекарю из-за трех кровоточащих... впрочем, уже не кровоточащих царапин?! Слэй — с недовольством и чем-то похожим на отвращение. Ясно, похоже, полукровок тут жалуют не все. Но я не обиделась, этот подхалим мне взаимно не понравился. И лекарь — просто с любопытством.

Глянув на него, я первым делом определила, что он вообще не рисс, и только потом разглядела знакомые черты.

— Вы?!

— Простите, мы знакомы? — удивился пришедший.

И вот как тут ответить? Я-то была уверена, что он вместе со всеми от лихорадки умер, а он... Здесь, у риссов. Как такое вообще возможно?!

— Вы мэтр Пэйн Говард? — справившись с нервами, я на всякий случай переспросила еще раз. — Я — Михаэлла, дочь вашей помощницы. Правда, она умерла, от лихорадки... Но у нас все считают, что вы тоже умерли, а вы — вот он! Я сама вас не помню, но по портрету узнала, он до сих пор в чернолесской лечебнице висит.

Получилось сумбурно, но я не могла остановиться, пока не выдохлась. Фууух!

Глаза мужчины заискрились весельем.

— Я Анб Говард, но тоже лекарь, — с улыбкой представился он. — Пэйн был моим братом, и он действительно мертв. К сожалению.

— Ой, извините, — пролепетала я.

Некрасиво получилось. Но они так похожи!

— Ничего, даже забавно. Видела бы ты свое лицо! — хохотнул Анб. — Кстати, малышка, как, говоришь, тебя зовут? И чья ты дочь? Повтори, пожалуйста, а то я боюсь, неверно понял.

Интерес к моей персоне несколько смущал, но я чувствовала себя немного виноватой, к тому же этот Анб здесь единственный не вызывал во мне резкого неприятия. В общем, исполнить его пожелание я была готова, но тут кто-то вдруг вспомнил, что он вроде как главный, а заодно и заметил, что вокруг что-то происходит и без его ведома и непосредственного участия. Непорядок!

— Эй, я вам тут не сильно мешаю? — в ставшем вдруг тягучем, словно мед, голосе вожака явственно проскальзывали рычащие нотки.

— Да нет, стой себе на здоровье, — не сдержалась я.

Марре крикнул и сжал кулаки. Потом снова разжал. Ну-ка, что он там вещал про нежность и терпение? Кажется, сейчас главному риссу было не до этого, он с трудом сдерживал желание меня придушить.

— Эд, это важно. — Говард отличался куда большей дипломатичностью. — И тебе тоже стоит послушать. Дело касается присутствия в ней вашей крови и того, почему нет нужных инстинктов.

Вообще-то, есть. Хотя работают они как-то неправильно.

Эти двое, похоже, ко всему считались еще и друзьями, так что Эд смерил нас с лекарем подозрительным взглядом, но милостиво кивнул. Слэй, тот вообще потерял дар речи еще несколько минут назад, и сейчас он к нему не вернулся, так что возражений никаких не последовало. Говард мне ободряюще кивнул, и я начала.

Рассказать я могла не много, но честно поведала слушателям все, что знала. О себе, родной маме и хвори, унесшей множество жизней. Упомянула маму Мианну, вырастившую меня, и мага, отправившегося в Черный Лес выяснять причины страшной болезни, которая возвращалась в окрестные селения с завидной регулярностью.

Когда же слова закончились, на минуту воцарилась тишина. Впрочем, много времени, чтобы переварить услышанное и сделать выводы, Анбу не понадобилось.

— Не хочу тебя разочаровывать, друг, но эта девочка — не одна из вас, и получается, что ты удерживаешь ее незаконно.

Поначалу я даже ушам своим не поверила!

Это... это... это же замечательно!

— Вот! — поддержала здравые слова я. — Именно это я тебе в прошлую встречу и пыталась доказать.

И не одна я, если память не подводит. Однако же риссы отличались редкостной твердолобостью, потому что даже слова друга не произвели на вожака никакого эффекта. А на меня он вообще глянул так, что все возражения в горле застыли, а на глаза навернулись слезы обиды. Вот почему все так? Только жизнь стала налаживаться, а тут сразу и зверолюды эти, и Беата, и еще Нарья возле Тавиша так и вьется...

— Что ты несешь? — Раздражение в главе стаи нарастало. — Что я, по-твоему, одну из нас от простой человечки не отличу? Да, кровь в ней слаба, но...

— Она не просто слаба, — спокойно заметил лекарь.

Уголок губ Марре нервно дернулся.

— Хочешь сказать, полукровкой был кто-то из ее предков? — подобрал более-менее логичное объяснение всему рисс. — Это бы многое

объяснило. Хотя я и не понимаю, как мы могли проглядеть своего.

Совесть у риссов все же была, хоть и какая-то кособокая. Ведь могли же разговаривать без моего присутствия, например, в кабинете Марре. Уверена, в этом роскошном особняке таковой имелся. Но нет, прямо при мне обсуждали щекотливый вопрос! Сочли, что имею право знать? Или просто так получилось? В любом случае я была благодарна судьбе, Говарду и немножко Марре за возможность узнать наконец, кто я есть и что собой представляю.

— Помнишь моего брата? — вдруг спросил Анб.

Не меня, разумеется, ибо мы с ним этот вопрос уже выяснили.

— Конечно, — кивнул Эд. — До сих пор жалею, что упустил тогда такого талантливого лекаря, да еще и с магическим даром.

— Он все мечтал пойти по стопам нашего прадеда, который участвовал в создании риссов, и тоже отметиться чем-нибудь эдаким. Потому и осел в захолустье, где работы мало, а надзора вообще никакого нет, — добавил информации Анб, и во мне осторожно шевельнулась догадка. — А когда в Черный Лес пришла неизвестная болезнь, точнее, еще раньше, когда в гости приезжал, скопировал формулу зелья и стащил несколько капель вашей крови. Планировалось, что для исследований, но когда все случилось, ему в голову вдруг пришло сделать ее лечебным снадобьем. Вы же к человеческим болезням невосприимчивы...

Соображал Эдвин со скрипом. Главным образом потому, что не желал воспринимать такую реальность.

— Ты ведь не хочешь сказать, что...

— На ней он испытал зелье? — Анб мотнул головой в мою сторону. — Но продолжить работу не успел. Сам к тому времени был уже болен и просто не дожил до момента, когда стало ясно, что его средство помогает.

Образ героя, коим Пэйна Говарда считали в моем родном селе, рухнул с пьедестала и разбился на осколки. Он сам был болен, но проверить снадобье решил на четырехлетнем ребенке! Трус!

Положительный момент тоже имелся: я до сих пор жива. Но с зельем лекарь все-таки намудрил. Во-первых, риссом я не стала. К счастью. Во-вторых, на лице остались невыводимые следы. Вот за это я бы собственную пэйновскую морду так украсила, чтоб на улицу без маски выйти не мог! Жаль, сие невозможно, ввиду кончины жертвы моих мстительных стремлений.

— И ты знал? — рявкнул Эд, его глаза, устремленные на друга, зажглись желтыми огнями.

— Нет, конечно. — Тот реагировал спокойно. — Узнал, когда мне

передали оставшиеся от брата вещи, там были его научные записи. К тому времени с его кончины прошло несколько месяцев, болезнь утихла, девочку забрала приемная мать, и я подумал, что она умерла, а лекарство не сработало.

Взъерошив свои идеально уложенные волосы, Марре принялся нервно рассказывать по комнате.

— Говорила же, что я не рисс, — напомнила о своем существовании я.

Но на мой укор вожак отреагировал своим:

— Уймись, а! Не то точно прикажу связать и усыпить. Кто бы мог подумать, что одна девчонка способна превратить жизнь в непрерывно извергающийся вулкан!

Кто бы еще жаловался!

— Между прочим, это вы меня украли, хотя не имели на это никакого права, — возмутилась я. — Но раз теперь все выяснилось, живо возвращайте меня назад, и так и быть, никто ничего не узнает.

Желтые огни сверкнули и на меня...

— Не говори, что я не предупреждал, — рыкнул Марре и сделал шаг в сторону кровати.

Инстинкт сработал раньше разума. Я схватила с тумбочки светильник и с силой запустила им в вероятного обидчика.

— Совсем рехнулась?! — заорал Марре, уклоняясь от просвистевшего мимо его уха оружия.

— Вообще-то, она права, — влез Анб. — Девушка вряд ли может считаться риссом. Конечно, можно затеять судебное разбирательство, но, учитывая, что она против, дело будет долгим, затратным, и не факт, что завершится в нашу пользу.

Несчастный светильник ударился о противоположную стену, стеклянная часть разбилась, огонек погас, а бронзовое основание с грохотом покатилося по полу. Эд проследил за ним взглядом, и на него это неожиданно подействовало успокаивающе. Во всяком случае, следующие слова он произнес почти мирно:

— Затеем. К тому времени, как оно закончится, у нас уже будет выводок маленьких риссят.

Отреагировала я нервно — схватила за очередной тяжелый предмет. Но этот гад приткий! От второго светильника и моих туфель с вызывающей улыбкой уклонился, а подушки не только поймал, но и обратно швырнул. И попал, в отличие от некоторых.

— Мазила, — усмехнулся рисс.

Говард же предпочитал отстаивать свою правоту словом, и у него это

почему-то всегда срабатывало.

— Ты не можешь быть с ней, — спокойно сообщил он.

— Имей совесть, — с притворной обидой в голосе отозвался Эд. — Свободных невест, подходящих мне, в стае нет и в ближайшее десятилетие не предвидится. А ждать так долго я не испытываю никакого желания. Так что эта девочка — мой единственный вариант.

Анб лукаво улыбнулся, почему-то мне, и добавил к рассказанной уже истории еще один штрих:

— Только если в дочери.

— Издеваешься? — беззлобно рявкнул зверолод.

— В снадобье использовалась и твоя кровь.

Привязать меня даже после основательной грызни с Эдом не привязали, а вот в комнате заперли. Сколько ни билась, вырваться не смогла. Только ногти больно обломала и голос сорвала. Оно и понятно, тут ведь риссы живут, а значит, все специально под них сделано.

Обреченно осознав этот прискорбный факт, я мстительно разгромила комнату, отказалась от еды и попыталась вылезти в окно. Но была отловлена и после нагоняя переселена в другую комнату. Со звукоизоляцией и магической защитой. После этого дом смог спать спокойно, а я... хотела и это свое пристанище разнести к демонам, тем самым, потусторонним... но что-то я умаялась. И вроде всего на минуточку прилегла, а заснула мгновенно.

Проснулась ближе к вечеру следующего дня. Нос сразу же уловил вкуснящий запах еды. Кажется, там было мясо кролика, рис, овощи, сыр и еще какие-то приправы. Желудок жалобно сжался, напоминая, что в последний раз его кормили давно. И вообще, печенье с чаем не считается!

И все-таки я еще с минуту тихо лежала, прокручивая в голове все события вчерашнего дня, а заодно пытаюсь решить, как быть дальше.

— Просыпайся, соня, — раздался над ухом женский голос, и меня потрясли за плечо. — Сколько можно дрыхнуть?

Сколько нужно! Но так сразу портить отношения с незнакомкой я не стала, все же не она меня похищала. А потому послушно разлепила глаза.

— Я — Юлианна, — радостно улыбнулась уже знакомая мне рисса с животиком. — Тебе надо поесть, вчера бездну сил растратила. И ты обязательно должна мне все рассказать! Ну, то, чего я еще не знаю.

Подумав немного, от еды я отказываться не стала. Голодовка — дело хорошее, особенно когда хочется позлить противника, и мне правда хотелось, но себя было жалко. К тому же представился отличный шанс

выведать что-нибудь о своем положении.

По существу у риссы имелся только один вопрос: правда ли у нас с Тавишем Дивальдом роман. Я быстренько разубедила ее и принялась аккуратно выпрашивать о том, что интересовало меня.

Девушка оказалась словоохотливой, к тому же, как она сама призналась, ей было скучно одной в доме, набитом серьезными мужчинами. Ни посплетничать, ни посеCRETничать не с кем. Так что моему появлению она искренне обрадовалась, как и тому оживлению, которое оно с собой принесло.

К моменту, когда еда на подносе закончилась, Юлианна рассказала мне много интересного. О ней самой я предусмотрительно не спрашивала. Помнила, как на приеме ее обхаживали сразу два близнеца, и испытывала по этому поводу некоторое смущение.

Итак, о важном. Эд в буквальном смысле озверел, к нему даже друзья подходить сейчас боятся. Обычно он спокойный, такое с ним случается редко, а потому вся стая пребывает в некотором волнении. Ну и что будет со мной — не понятно. По-хорошему, следовало бы отпустить и присматривать на случай проблем с пробуждающейся кровью, но вожака переклинило. И хотя брачных посягательств мне можно было не опасаться ни с его стороны, ни со стороны других риссов из-за своеобразного родства, отпускать меня вожак не желал.

Ну не зверюга ли твердолобая?! Ни себе, ни людям!

Нет, правда! Те несколько риссов, которые могли бы протянуть ко мне лапы, были счастливы в браке и обзаводиться второй супругой не планировали. Все же отношения, как у Юлианны с ее близнецами, это скорее исключение в стае, чем правило. Так что Марре вел себя как щенок с прищемленным самолюбием, о чем я и собиралась ему сообщить при первой же встрече. Но он, как назло, все не шел...

Говарда выгнали. Нет, конечно, они через пару дней помирятся, но вчера был знатный скандал, чуть до драки дело не дошло. Точнее, это со стороны рисса — до драки, а со стороны Анба — до дротика с сильнейшим снотворным.

Другие зверолюды, нуждавшиеся в невестах, но тоже оказавшиеся моими «родственниками», были немного разочарованы, и только. Видимо, еще не успели прочувствовать вкус добычи, чтобы сильно беситься, когда она ускользнула из самых рук.

Правило, по которому риссы не могли вступать со мной в какие-либо отношения, помимо покровительственно-родственных, и всего-то из-за какого-то полумагического зелья, изменившего мою кровь, оказалось очень

кстати. Как и другое, о котором мне по секрету рассказала Юлианна: рисс никогда всерьез не обидит самку, даже если она его до печенок достала. Пугать может, злить, но лапу не поднимет и когти не выпустит.

Услышанное настолько подбодрило меня, что я еще и на чашку чая согласилась.

— Сейчас принесу, — воодушевилась Юли.

Но убежать в сторону кухни не успела. Под окнами послышался стук копыт, по мостовой прогрохотал экипаж, потом кто-то рывкнул, и послышалась возня. Будущая мамочка любопытно сверкнула глазками и метнулась к окну.

— Вруша. — Миг спустя она одарила меня укоряющим взглядом.

— Почему это? — После сытного обеда соображалось плохо.

— А говорила, у вас ничего. — Новая знакомая выразительно указала взглядом на окно.

Пришлось вставать и идти туда же, потому что на словах я ее не очень-то понимала. И вовремя, как раз успела увидеть, как Тавиш позволяет двум риссам втащить себя в дом. При этом зверолюды свободными руками утирают окровавленные лица, а Дивальд цел и невредим. Только бледный и помятый. Впрочем, он всегда такой.

— Он пришел... — Помимо воли прошептали губы, потом сложились в улыбку, и стереть ее с лица никакими усилиями не получилось.

— Пойду... чай заварю, — пробормотала Юлианна, бросила на меня понимающий взгляд и попятилась к двери.

— И нечего так смотреть, он просто друг! — возмутилась я, не переставая улыбаться. И когда рисса уже скрылась за дверью, чуть тише добавила: — Нет, не просто, а самый лучший. Таких больше нет.

Ожидание было мучительным, и даже глупейшая улыбка, не сходявшая с губ, его не скрашивала. Хотелось быстрее уже увидеть Тавиша, броситься ему на шею, обнять, уехать из этого дома, узнать, что там с Беатой... Только вспомнив о ней, я почувствовала, что на душе стало будто бы легче. Будто я долгие недели тащила тяжеленный камень, а теперь бросила его. И что это должно значить? Ее привязки больше нет? Или это мы с Тавишем больше не связаны?

Но он же пришел...

Пфффф! Ну где там уже эта Юли с ее чаем?! Я ведь так с ума сойду от неизвестности!

Но новая знакомая все не возвращалась, и никто другой, чтобы забрать меня, не приходил. Это бесило, сводило с ума и ввергало в панику. Вдруг эти животные с Тавишем что-то сделали? Или он с Эдом, и теперь ему

конец?! От неизвестности и страха хотелось на стену лезть.

Наконец Юлианна вернулась. Без чая, о котором, похоже, она уже и думать забыла, зато с жутко таинственной и немного напуганной мордашкой.

— Ну что там?! — Я сразу же метнулась к ней.

— Твой аристократик вызвал нашего Эда на бой, — пролепетала девушка, тяжело опускаясь на кровать. Она вся покраснелась, часто дышала и мелко дрожала. — За тебя. Эд сначала вспылil, а потом взял и согласился. Бой через два дня, Эд дал твоему парню время написать завещание.

Улыбка дымкой сползла с губ. Псина самовлюбленная! Чтоб у тебя хвост вырос и ни в каком обличье не скрывался!

И хотя в отличие от Юлианны я прекрасно знала, что собой представляет «мой аристократик», легче почему-то не становилось. Эд видел его там, в лесу, а значит, тоже знал. Так что непонятно еще, чем все может закончиться.

— Ну почему мужчины такие твердолобые, а? — простонала я и уткнулась носом в плечо риссы.

— Потому что у некоторых из них гордость — болезненное место. — Она обняла меня за плечи и прижала к себе. — Да не реви ты, разберутся. Может, Эд уже остынет к тому времени, и не будет никакого боя. Или хотя бы не до смерти. Не реви, сказала! Видела бы ты, как этот аристократик требовал тебя вернуть. Кажется, Слэю даже нос сломал.

Юли утирала мне слезы до глубокой темноты, пока не явился один из близнецов и не увел ее. У меня как раз лишняя влага в организме закончилась, зато в голову пришла мысль, как остудить пыл Эда и заставить его радоваться, что так просто избавился от меня.

Нет, скандалами и швырянием тяжелых предметов тут не поможешь.

Нужно просто снять маску и продемонстрировать ему мою «неземную красоту». Рисс должен впечатлиться. Все впечатляются. Один Тавиш нашелся такой особенный.

Странно еще, что эти животные проявили не свойственную им деликатность и не сняли с меня магическое кружево, пока я спала...

Поломать голову над этим вопросом не успела, в коридоре послышались шаги, и они приближались. Не знаю, как я его почуяла, но в личности позднего гостя сомнения отсутствовали.

Что ж, отлично, его-то мне и надо. Не придется ждать разговора до утра.

Я как раз уселась поудобнее, когда дверь открылась, являя хмурую

физиономию Эда. Ну, и всего остального Эда заодно.

— Стучать тебя не учили? — Повадки риссов, большинства из них, бесили, и я сразу ринулась в нападение.

— Я в своем доме, — оскалился в ответ вожак.

— Молодец! — оценила отговорку я. — А с бесправной пленницей и без элементарной вежливости можно обойтись.

Помаявшись немного на пороге, рисс все же вошел, аккуратно прикрыл за собой дверь, но дальше двинулся медленно, с большой опаской.

— Ты здесь вовсе не пленница, — устало вздохнул он.

— Ну так я пойду? — И даже встала, демонстрируя готовность немедленно осуществить заявленное действие.

Мужчина помрачнел еще больше и недвусмысленно покачал головой.

— Что и требовалось доказать, — хмыкнула я. — И какие на меня планы?

Интересно не было, вот вообще, просто чтобы снять маску, требовалось еще решиться. Привыкла я к ней. А без нее — все равно что голая. Такое я только с самыми близкими могу себе позволить, а этот тип в их число точно не входит.

— Ну... подождешь, пока в стае появится подходящий мужчина, — неуверенно пробормотал Марре.

— И долго ждать? — уточнила вкрадчиво. — А главное, много нас таких ожидающих?

Заклучение брака у риссов сильно напоминало шахматную партию. В том смысле, что все ходы нужно было просчитывать заранее. Их было всего несколько семей, и почти все они уже были связаны друг с другом, так что подобрать пару, в которой отсутствовала общая кровь, представлялось делом сложным. Чувства учитывались не всегда. А люди не все подходили в плане правильного потомства, и рисковать мало кто решался.

Конечно, если бы Эд отвлекся от своих «шахмат», то сумел бы найти мне другое применение. Например, пристроил в помощь Говарду. Но думать о чем-то, кроме ушибленной гордыни и порушенных планов, он сейчас не был способен. К счастью, наверное.

— Ну... — Речи вожака сегодня разнообразием не отличались.

— Вот именно! — рявкнула прямо в лицо наконец дошедшему до меня Марре. — Может, хватит уже ломать мне жизнь? Я, между прочим, живой человек, со своими планами и мечтами. И, кстати, ты должен сильно недолюбливать кого-то из стаи, чтобы облагодетельствовать его мной.

— Почему это? — непонимающе моргнул вожак.

Говорить ничего не стала, просто сняла маску. Пальцы чуть дрожали, но это ведь сущая ерунда!

Ну что, сейчас проверим, что вы в действительности являете собой, господин Марре...

Рассматривали меня долго. Сперва недоверчиво, потом с ужасом, после проклюнулось сочувствие.

— Это после болезни? — сипло спросил Эд будто не своим голосом.

— Угу.

— И так с детства и не проходит?

— Как видишь.

Ненавижу это обсуждать.

Он неуверенно протянул руку и осторожно, словно боясь причинить боль, погладил испещренную покрасневшими и припухшими от постоянного ношения маски следами щеку.

— Как же ты всю жизнь... с этим?

Вместо ответа просто пожала плечами. Мол, догадайся сам.

Уловка сработала, внешность моя произвела на рисса неизгладимое впечатление. Теперь ему не должно быть обидно, что такое «сокровище» ему не досталось. Хоть оскорблять не стал, и на том спасибо.

— Отпусти, а? — жалобно попросила я после недолгого молчания.

— Про бой ты, наверное, уже слышала? — отвечал вожак вопросом на вопрос.

Кивнула.

— Отменить его я не могу, мои звери просто не поймут, — сообщил Эдвин и, когда я уже готова была высказать ему все, что думаю о нем лично, его стае и всех их глупых правилах, причем не особенно стесняясь в выражениях, добавил: — Но я подумаю, что для тебя можно сделать.

А потом сильно покачнулся и завалился на ковер.

Э-э-э?!

Он что, прямо тут думать решил?

В первый момент я опешила, когда же взглянула в затуманенные глаза вожака, явственно почуяла неладное. Делать-то что?

— А... что это было? — простонал Марре.

Словно из воздуха появился печально знакомый дротик со снотворным и сам собой воткнулся в шею мужчины, рядом с еще одним, уже торчащим там. Эд закатил глаза и отрубился окончательно.

В тот же миг, как он покинул реальность, рядом с его телом, раскинувшимся на ковре, стали проявляться очертания симпатичной женщины в белом бархатном платье. Что примечательно, не риссы. Даже не

полукровки.

И платье такое знакомое...

— Сила и нежность, — ответила она на недавний вопрос Эдвина и ласково похлопала его по щеке. — Ты же это любишь?

Лихорадочно соображая, звать на помощь или просто удирать, я стала отступать назад... но как-то не учла, что комната непривычная, и больно наткнулась ногой на кровать.

— Ай... Фсссс!..

— Тише! — шикнули на меня. — Идем, выведу тебя отсюда.

— На двери и окне магическая защита, а по коридорам бродят риссы. — Сбежать очень хотелось, но я не могла не предупредить.

— Однако я здесь, — улыбнулась эта уверенная белокурая красавица.

— А кто вы? — задала я еще один немаловажный вопрос.

Лицо у нее какое-то знакомое... И это платье... Где-то я их уже видела.

— Без маски не узнаешь? — усмехнулась знакомая незнакомка. — Решайся быстрее, а то у меня было только два дротика, и состав, отбивающий запах, скоро выветрится.

— Аделина? — Да, я догадливая.

— Позже все обсудим. В безопасном месте.

Довериться женщине, которую приговорили к каторге за смерть троих мужей, было непросто. С другой стороны, риссы тоже не много доверия внушали, зато Аделина уже однажды спасла меня и вот теперь снова пришла. Желай она мне зла, могла бы сделать его еще в прошлую встречу, тогда я совсем беспомощна была. Ведь так?

Наверное.

Договорившись с собой, я медленно кивнула.

Тратить время понапрасну беглянка не стала: встала, схватила меня за руку и потащила к двери. Но на полпути остановилась, извлекла откуда-то небольшой пузырек и обрызгала меня его содержимым. Очевидно, это и был состав, отбивающий запах, потому что даже мне с моим отнюдь не таким острым, как у истинных звероловов, обонянием сразу же показалось, будто в воздухе что-то изменилось.

Привычный запах, окружающий меня постоянно, исчез.

Глава 15

Пробирались к выходу, тенями скользя по темным коридорам. Однако безопасности темнота не обещала: риссы обладают ночным зрением, да и с инстинктами у них порядок. Особенно с охотничьим. Поэтому, когда поблизости проходил кто-нибудь из них, возбранялось даже дышать. А шастали по коридорам зверолоуды часто, нам не меньше пяти попало. Бессонница у них, что ли?

Мелкими перебежками добрались до кухни.

Дальше было проще: там дверь оказалась не заперта, видимо, через нее Аделина и попала в дом, а сад радовал отсутствием чужих глаз, ушей и носов, зато наличием всевозможной растительности в огромном количестве. Передвигаться по зарослям можно было смелее. Правда, воротами воспользоваться мы не рискнули, они охранялись. Пришлось лезть через высоченное ограждение.

Я сама поразилась, как легко у меня получилось. Будто всю жизнь этим занималась. В воровки податься, что ли? Вот где меня бы ждал успех. А потом изумилась, как легко то же самое проделала Аделина, все-таки она меня старше раза в два, если не больше. Хотя по виду, конечно, не скажешь.

Еще немного ужаса мне пришлось испытать, пока мы продвигались вдоль владений Эда вниз по улице, но это заняло не больше пяти минут. А за углом соседнего здания нас уже ждал экипаж.

— Странно, что вокруг дома нет магической защиты, — пропыхтела я, забираясь внутрь.

Сердце колотилось быстро-быстро, будто я несколько улиц бежала следом за экипажем, а тело окутала запоздавшая дрожь.

— У риссов с магией отношения неоднозначные, так что защита была только на твоей комнате, пока я не взломала чары, — пояснила Аделина.

А потом как-то странно всхлипнула и прижала меня к себе. Обняла то есть.

Узкое пространство небольшого двухместного экипажа к маневрам не располагало, к тому же я еще не отошла от пережитого, вот и не сообразила увернуться. Но в объятиях странной женщины занервничала. Чего это она?

— Эй... С вами все в порядке? Я тоже рада, что у нас получилось выбраться оттуда, спасибо вам за помощь, но зачем же реагировать так бурно?!

Меня не слушали. А если и слышали, то не воспринимали.

— Девочка моя. — Беглая преступница снова всхлипнула. — Наконец-то ты со мной. Не бойся, я больше никому не дам обидеть тебя. О, покровители, что же эта дрянь, Марта, с тобой сотворила?! Не волнуйся, мы пойдем к самому лучшему магу, и он вылечит твоё лицо. Ни единого пятнышка не останется, я обещаю!

Речи странной женщины немного пугали. Она точно в себе? А то я начинаю бояться.

— Ходили уже, все без толку, — сообщила благодетельнице, почти силком отцепляя её от себя. На этом стоило бы и остановиться, но верх взяла какая-то детская обида. — И моя мама не дрянь!

— Ещё какая! — не согласилась Бернежка, утирая слезы. — Но она тебе не мама.

Точно сумасшедшая. И что это мне так везет?

— А кто? — спросила обреченно, прекрасно понимая, что выпрыгнуть на ходу из экипажа будет больно, а злоключений у меня на сегодня было уже достаточно.

— Лгунья и воровка, — зло сверкнула глазами Аделина. — Вот доберемся до дома, и я тебе все-все расскажу. Нам о многом нужно поговорить.

Из «многого» лично я знала только ларец, и хотя обсудить ситуацию и помощь мне, уже вошедшую у этой странной женщины в привычку, следовало, но, зацепившись мыслями за место назначения, я уже не смогла думать о чем-то другом.

— Извините, но приглашение в гости отклоняется, — выговорила осторожно, боясь разозлить спасительницу. Все же она не милый одуванчик, если вспомнить, что про неё в листовках написано. — Не считите меня неблагодарной, но сейчас я до смерти устала. К тому же мне нужно совсем в другое место. Там друзья с ума сходят, а один из них даже собирается рисковать жизнью из-за меня.

Я приготовилась к спору, но в глазах напротив появилась улыбка.

— Так понимаю, переубедить тебя не удастся? — Аделина не рассердилась.

— Если не отпустите, я на полном ходу выпрыгну! — заявила запальчиво.

На красивом лице женщины появилось совершенно неуместное выражение умиления. А мне вдруг подумалось, что как-то уж слишком хорошо она выглядит для той, что провела двадцать лет на каторжном острове. Руки у неё загрубевшие, это я прочувствовала, когда мы из владений Эда выбирались, но лицу любая светская красавица позавидовать

могла бы. И оно вдруг снова показалось мне знакомым, таким, как если бы я его видела много раз, а теперь отчего-то не могла вспомнить, где именно.

— Ладно, едем к Дивальдам. — Осведомленность беглой каторжницы о моих друзьях почему-то не удивила. — Но завтра же утром мы с тобой все обсудим.

Условие было принято, высунувшись в окно, Аделина крикнула несколько слов извозчику, и вскоре экипаж замер у знакомых ворот.

— До завтра! — крикнула я, выскакивая из него.

В лицо тут же ударила ночная прохлада, напоенная ароматом цветов, которые в изобилии росли в богатой части столицы.

— Ну уж нет, мы подождем, пока тебя впустят, — заупрямилась Аделина. — Состав еще действует, но риссы — не дураки, просчитают, куда ты подашься в первую очередь.

Выслушала, осознала, прониклась и со всех ног рванула к воротам. Но там меня поджидала новая неприятность. Нет, риссы во главе с Эдом из-за угла не выскочили, просто ворота оказались закрыты, что неудивительно, ночь на дворе, а вот охрана куда-то запропала. Привстав на цыпочки, я попыталась их высмотреть, но никого так и не увидела. Странно... Уже не ожидая ничего хорошего, тронула дрожащими пальцами звонок.

Звонить так можно было до утра, все же звонок предназначен, чтобы известить охрану о появлении гостя, а она уже разберется, стоит ли беспокоить хозяев. Но мне повезло. То есть это я так решила, когда после третьего нажатия дверь распахнулась и из дома кто-то вышел.

Но увидев Нарью, мнение свое пересмотрела.

Что она вообще тут делает? Меня похитили, Тавиш собрался биться с Эдом... В цепочку событий присутствие неприятной девицы несколько не укладывалось, но она была здесь, стремительно приближалась к воротам, на ходу поправляя платье.

— Где все? — звенящим от волнения голосом спросила я, когда она еще не успела подойти, и сама вздрогнула — слишком громким получился звук.

Так и чье-нибудь внимание можно привлечь, а мне этого не надо.

— Спят, — спокойно сообщила противная особа. — Ночь на дворе, если ты вдруг не заметила.

Разговор начался как-то не так Будто меня дома и не ждали.

— Открой, — чувствуя себя глупо и жалко, как побирушка у ворот дворца, попросила я. — Я от риссов сбежала, до сих пор трясет.

Однако Нарья в сторону ворот даже не шелохнулась.

— А это кто? — кивнула она на экипаж за моей спиной.

— Друзья. — Объясняться с ней не было никакого желания, вот и сказала первое, что в голову пришло.

После того как дважды пришла мне на выручку в трудный момент, Аделина вполне могла считаться таковой. И плевать мне, откуда она там удрала и в чем ее обвиняют.

— Вот к ним и иди, — выдала совсем уж неожиданное эта лицемерка.

Признаться, я растерялась. Да и что мне было делать? Через ворота лезть? Или голосить на всю улицу, дозываясь Тавиша? Так и городской патруль или тех же риссов дозваться можно.

— Я думала, отношения мы выяснили... — Хотя подсознательно нападения с ее стороны ожидала, просто не прямо сейчас.

— Считаешь меня круглой душой? — приподняла аккуратные бровки мерзавка. — Мы поговорили, вы с Тавишем так и продолжаете друг на друга облизываться, а в последнее время он меня вообще в сторону задвинул. Попользовался и забыл? Ну нет, со мной такое не пройдет!

Все-таки не ошиблась я в ней. Корыстная лицемерка и есть.

— Но стоило тебе ненадолго пропасть, как интерес ко мне вернулся, — сочащимся ядом голоском сообщила паршивка. — Поэтому, если он тебе так неинтересен, как ты говоришь, пожалуйста, уходи! Поживи пока у друзей, а к нам приходи в гости. Не мешай чужому счастью, а?

И пока я пыталась собрать расплывающиеся мысли в кучу, эта поганка ядовитая развернулась и зашагала к дому.

Она еще не успела взойти на крыльцо, когда по моей щеке скатилась первая слезинка. Сдерживаться не было сил. Большого унижения я даже в Черном Лесу, где изуродованную сироту не пинал только ленивый, не испытывала!

Хотелось сползти на мостовую и рыдать в голос, но я вовремя вспомнила о риссах, которые тут станут искать пропажу в первую очередь, и на подгибающихся ногах направилась к экипажу.

Разговора не получилось. В экипаже Аделина утирала мне слезы и пыталась воззвать к здравомыслию: мол, разве стал бы тот, кто рискует жизнью за меня, одновременно путаться с какой-то сомнительной девицей? Но какая трезвость мышления в таком состоянии? К тому же она не знала Тавиша так, как знала его я. Стал бы, да еще и как!

Потом был темный силуэт дома, который я толком и не разглядела из-за неиссякающих слез, новая порция утешений, мягкая кровать, успокоительное и какой-то чаек с малиновым ароматом, после которого я почти мгновенно уснула.

Крепко, без сновидений. Значит, не так прост был чаек.

Утром голова была тяжелая, как всегда случается после слез. Но хотя на душе по-прежнему кошки скребли, жалеть себя расхотелось. В конце концов, Тавиш мне не жених и в верности не клялся, чтобы я могла обижаться на присутствие Нарьи в доме. Да, момент был неподходящий и повела она себя подло, но это уже другая история. Лишнее напоминание мне, что пора бы и честь знать. Не вечно же на шее у Дивальдов сидеть! Лицо выправить не удалось, поиграла в аристократку на выданье — и хватит. Пора снять деньги со счета, присмотреть себе милый домик в безопасном квартале столицы или в ее предместье и подумать о будущем. Может, получится помощницей к какому-нибудь лекарю устроиться? Или даже к ведьме.

Такие размышления придали сил. Приподнявшись на локте, я оглядела незнакомую светлую комнату, нашарила взглядом развешенное на спинке кресла платье, явно приготовленное для меня, и даже испытала к Аделине прилив благодарности. Прошлое я не снимала три дня, так что новое платье оказалось очень кстати.

Быстро привела себя в порядок и осторожно выглянула за дверь. Защиты или еще какой-нибудь магической гадости на ней не оказалось, ничто не мешало беспрепятственно покинуть комнату. Может быть, и дом, но идти мне пока было некуда, а внизу поджидал отложенный со вчерашнего дня разговор и завтрак, запахи которого долетали до второго этажа.

Дом, где меня приютили, не мог сравниться ни размерами, ни роскошью с особняком Дивальдов, но все же был далеко не нищенским. За окнами шумел самый настоящий лес. Надо же, а я вчера и не заметила, что мы выехали за пределы города.

Аделина и мужчина, которого я уже видела рядом с ней, нашлись в столовой.

— Доброе утро, дорогая, — поприветствовала меня спасительница светлой улыбкой. — Я думала, после всего пережитого ты до обеда проспишь. Но не стой на пороге, присоединяйся.

Чувствуя себя крайне неловко, я направилась к столу.

— Надеюсь, я не создаю неудобств своим присутствием? — Голос не хотел слушаться и звучал хрипловато, будто бы у меня болело горло, а взгляд непрестанно метался по комнате, выискивая что-то пока мне неведомое. — Честное слово, это не продлится долго. Но вы хотели со мной поговорить, и...

— В нашем доме ты желанная гостья, — зычно проговорил мужчина, вставая и отодвигая мне стул. — Оставайся хоть навсегда.

Чувство неловкости усилилось. Эти люди так добры... А я не понимаю почему. Не совсем понимаю. Реальности не хватало какого-то важного кусочка, который бы все объяснил и расставил по своим местам. Вероятно, за разговором я его получу. Немного пугающая перспектива, учитывая, кто именно сегодня пригласил меня на завтрак.

— Кстати, познакомься с моим мужем, — продолжала улыбаться ничего не подозревающая о моих мыслях беглянка. — Новак Аольский, успешный купец и просто хороший человек.

Определения, данные беглой каторжницей супругу, сомнению не подлежали. Опять она за свое!

— Муж? — холодея, переспросила я.

— Ага, — подтвердил мужчина, улыбнулся в ухоженную бородку и вернулся на свое место. — Столько лет ждали, и вот, наконец, свершилось.

Но у меня что-то обрадоваться не получалось. Он что, не знает, с кем связался? Хотя на глупца вроде бы не похож... А если знает, зачем тогда?..

— Живой? — Знаю, не самый умный вопрос. Но хотелось как-то предупредить несчастного, а как это повернуть при Аделине, я представляла плохо.

— Во всяком случае, умертвием себя не ощущаю. — У Новака улыбались не только губы, но и яркие голубые глаза, и морщинки-лучики в уголках глаз. А мне как-то особенно жаль его стало.

Хороший же человек пропадает!

— Четвертый? — выпал из меня еще один вопрос.

— Да нет, только второй, — внесла точность Аделина. Потом обозрела мою вытянувшуюся мордашку и звонко, точно юная девушка, рассмеялась: — Не верь всему, что в листовках пишут.

Ну да, было бы странно, если бы она тут же созналась во всех злодеяниях и потребовала немедленно вернуть ее на остров.

— И из заточения вы не сбежали? — думала, что поддела ее, я.

— Нет! — радостно объявила госпожа Аольская, щурясь от ослепительного солнечного света, льющегося сквозь большое окно.

На поведение мое она совершенно не рассердилась. Ну если только не считать гору блинчиков, политых медом, кои эти двое навалили мне на тарелку. Однако любопытство отогнало аппетит.

— Ваше лицо кажется мне знакомым, — все никак не получалось уgomониться, — словно я его много раз видела. Но не могу вспомнить где...

— А ты себя без шрамов когда-нибудь представляла? — хитро взглянула на меня Аделина.

Ой...

И точно!

Понятное дело, почему я не догадалась: ведь запретила, давным-давно запретила себе думать, как было бы без всего этого. И, по возможности, следовала внутреннему запрету. А тут...

Какое сходство!

Но как...

Догадка ледяным водопадом обрушилась на голову. Вот почему они мне помогали и были добры!

Ой, мамочки! Что ж теперь делать?!

— Получается, не было никакого ларца с сокровищами? — чувствуя себя героиней самой настоящей волшебной сказки, где возможны любые чудеса, с замиранием сердца спросила я. — Вы Марте меня отдали?

— Конечно же, был, — возмутилась Аольская.

— Я понятия не имею, где он, — уточнила на всякий случай.

А то еще начнут трясти! Может, мама все деньги на дом истратила?

— Не волнуйся, я знаю, где мои сокровища. — Она отмахнулась от этого так легко, будто содержимое ларца не имело никакого значения. — И тебе скажу. Но давай обо всем по порядку, ладно?

Слушать ее было легко, действительно как волшебную сказку из детства. В рассказ верилось и не верилось одновременно, и я даже есть не забывала. Кстати, блинчики были возмутительно вкусные, так что кто-то с маленькими задатками рисса скоро потянулся за добавкой.

А рассказывала Аделина просто невероятные вещи...

— У меня всегда был особый дар нравиться мужчинам. Помню, еще в детстве соседские мальчишки делали за меня всю работу по дому, лишь бы только я вечером посидела с ними на веранде. Кумушки с рынка, где торговала мама, судачили, что в свете у меня бы отбоя от поклонников не было, но мы были бедны и безродны, о сборищах богатых господ только из старых газет, которые носил по улицам ветер, узнавали. — Она рассказывала не слишком-то веселые вещи, но, когда глаза затуманились воспоминаниями, на губах появилась слабая улыбка.

Никогда бы не подумала... Сейчас Аделина выглядела и держалась как знатная дама.

— По мере того как я выросла, симпатия некоторых поклонников становилась навязчивой. Кое-кого папа гонял, иногда даже пускал палку в ход. — Она хихикнула, как девчонка, и тут же снова стала серьезной. — Но особенно отличился один. Бартош Брунт. Он рос по соседству и долгие годы сходил по мне с ума. Но я боялась его, чувствовалось в этом парне что-то темное. А он трижды сватался и не счесть сколько раз был бит

палкой. Не потому что родители ко мне прислушивались, мама к тому времени уже умерла, а отец лелеял надежду пристроить меня за знатного, хотя бы содержанкой, чтобы можно было тянуть из «зятка» деньги. Он у меня любил карты, но они отвечали ему холодным равнодушием.

М-да... И я еще жаловалась, что это мне трудно живется. Как выяснилось, красота тоже не всегда гарантирует безоблачное существование.

Рассказ еще не дошел до сути, но Аделину почему-то уже было жалко.

— Потом Бартоша забрали служить в армию, и жить стало гораздо спокойнее, а то я в последние перед этим месяцы даже по улице ходила с опаской, — продолжала она рассказывать. — Но покой продлился недолго. Отец крупно проигрался и отдал меня замуж за того, кто согласился покрыть долги.

— Жуть! — не сдержалась я.

Аделина посмотрела на меня с нежностью и, кажется, не погладила по щеке только потому, что не могла дотянуться.

— Тебе так кажется, потому что ты еще молода и ждешь большой любви. — Она читала меня, как открытую книгу. Даже те строчки, которые были замазаны толстым слоем чернил. — Я переехала в хороший район, в богатый дом. Меня стали называть госпожой. Справедливости ради надо признать, что страсть к молоденьким девушкам была единственным недостатком пожилого профессора теоретической магии. Он был добр ко мне, даже по-своему любил. И именно мне завещал сокровища, которые долгие годы собирал в своих экспедициях. Даже несмотря на то, что у него были дочери от предыдущей жены.

Ну и правильно, я бы Нарье и цветок в горшке не доверила. Загубит ведь. А тут целые сокровища!

— Зачем же ты его отравила? Или не ты? — А еще мне было жуть как интересно, куда из истории делись оставшиеся два мужа, о которых писалось в листовке, но об этом спросить не успела.

— Не я, конечно, — нервно повела изящными плечиками Аделина. — Мы прожили четыре года. Мужа я не любила, скорее терпела, но как-то приспособилась. Тогда появился Бартош. Не представляю, как ему это удалось, но за сравнительно короткий срок он сделал в армии карьеру, потом немного сменил род деятельности, вернулся домой, и когда мы встретились на одном светском приеме, его как раз должны были назначить заместителем главного дознавателя Ирганны.

В голове сегодня было светлее, чем вчера, и картинка начала складываться вперед слов.

— Он не забыл тебя?

— Теперь у него была власть, — горько скривилась рассказчица. — Сначала он, конечно, попытался меня соблазнить, потом стал давить, один раз даже силой увезти к себе с какого-то приема хотел. Помню, перепугалась жутко, еще и дома досталось, потому что Нарья, которая подглядывала за гостями из интереса, наболтала отцу, будто у меня любовник.

И почему я не удивляюсь? Подлая дрянь...

— А когда сделать меня своей любовницей не вышло, он устроил отравление, в котором обвинил, конечно, меня. Пока меня судили и приговаривали к каторге, Бартош получил должность главного дознавателя. Ну а на острове и меня получил, там мне от него деваться было некуда.

Новак Аольский придвинулся ближе к жене и обнял ее за плечи.

Меня успокаивать было некому, так что я могла позволить себе дрожать. Нет, я, конечно, как всякая порядочная безотцовщина, в мечтах представляла, что он у меня все-таки есть, сильный и смелый, даже военным его представляла. Кто ж знал, что оно сбудется?!

Хотя нет, я никогда не мечтала оказаться дочерью главного негодяя королевства!

— Но этого ему было мало, он хотел, чтобы я по своей воле была с ним. — Аделина собиралась рассказать свою... нашу с ней историю до конца, чтобы перевернуть страницу и больше к этому уже не возвращаться. — Тогда он сказал, что заберет ребенка. И или я остаюсь на острове и терплю его редкие визиты, или вместе с дочкой и с ним еду в город и живу так, как он велит. И я бы поехала, себя бы возненавидела, а поехала, но в это время на остров назначили помощницей лекаря Марту. Мы сразу поладили, она поддерживала меня. И в конце концов я доверилась ей, рассказала о своей проблеме и попросила помощи. Для этого пришлось ей сказать, где мой первый муж спрятал свои сокровища, чтобы она взяла часть из них и позаботилась о тебе. Так и получилось, она уволилась, увезла тебя, четыре года моталась по разным местам, потом наконец осела в глуши. Другой медсестре мы хорошо заплатили, и она убедила Бартоша, что ребенок родился мертвым. Первых четыре года все шло прекрасно, мы с Мартой даже свой шифр разработали, чтобы никто не смог понять, о чем в действительности наши письма. Но потом она вдруг перестала писать.

Почти незнакомая женщина вдруг показалась мне такой родной и близкой. Я перетащила тяжеленный стул к ней ближе, но обнять так и не осмелилась.

Три мамы... Судьба оказалась щедрой ко мне. Ведь если вдуматься, даже Марта Ритара, хоть она и перепрятала все сокровища, вместо того чтобы взять немного на содержание доверенного ей ребенка, не сделала мне ничего плохого. Наоборот, спасла, заботилась!

— Жизнь на острове оказалась сносной. — Голос Аделины звучал все тише, но она упрямо продолжала. — Я пользовалась привычными уловками, чтобы получать работу полегче и еду получше. А к визитам Бартоша старалась себя запускать, чтобы он ко мне охладел. Не знаю, поэтому или из-за женитьбы и нового назначения, но приезжал он все реже. За последний год вообще ни разу.

— И ты решилась на побег? — Хотелось до нее дотронуться, хотя бы за руку взять, но смелости не хватало.

А тонкие пальчики с загрубевшей, даже на вид шершавой кожей дрожали и в конце концов опрокинули вазочку с джемом, и по белоснежной скатерти расплылось вязкое оранжевое болотце.

— Все куда прозаичнее, — вяло улыбнулась моя новая мама. — Срок заключения закончился, и я вышла. С Новаком мы еще на острове познакомились, он там закупал для своего магазина кое-что из того, что делают заключенные. Это выгодно, отдают почти за бесценок, а продать можно и подороже. Он меня несколько лет ждал, а в тот день встретил и сразу же предложил свое имя. И очень кстати. Признаться, я думала, твой отец уже уgomонился, но тут эти листовки.

— Но зачем? — Понять логику безумца было сложно. — Хочет тебя обратно на остров упечь?

Поразмыслив немного, Аделина отрицательно мотнула головой.

— Вряд ли. Но если меня будут хватать всякий раз, как где-то отметится моя фамилия, он будет осведомлен о каждом моем шаге.

Что ж, в таком случае, новая фамилия у нее появилась в самый подходящий момент. Правда, это наводит на некоторые сомнения по поводу искренности Аделины к мужу... Ну да это не мое дело, взрослые люди — сами разберутся. Вон как он счастлив и смотрит на нее с обожанием, обнимает все время.

Неожиданно в доме Аольских мне понравилось. Всего второй день здесь, а чувствую себя легко и свободно. И хозяева мне рады. Они ничего такого не говорили и не делали, но это читалось на лицах и отражалось в глазах. Правда, звать Аделину мамой я как-то стеснялась, но она и не настаивала. И сама мои личные границы уважала, в душу не лезла, ничего не требовала.

Время пронеслось быстро. Я ела, спала, гуляла в саду. В лес ходить боялась, мало ли что? Пока проблема с риссами не решена, лучше особенно не высовываться. И Тавишу о своем побеге так и не сообщила. Главным образом потому, что тогда с ним придется встретиться, а вчера я к этому готова не была. Сегодня же утром хозяева отсутствовали, а отдавать распоряжения чужим слугам как-то невежливо. Так что я вышла в сад и стала ждать возвращения Аделины.

Попрошу ее, пусть передадут Тавишу записку. Может, еще удастся отменить бой?

Сад был не такой роскошный, как у Дивальдов, но по-своему уютный. Вместе с цветами здесь росли яблони, вишни, а чуть в стороне — ягодные кусты. Этого хватало, чтобы спрятаться от палящего дневного солнца и подышать свежим воздухом, наполненным еле уловимыми запахами листвы и земли. Над пестрыми бутонами жужжали пчелы, а в верхних ветвях деревьев чирикали птички, склевывая уже созревшие ягоды. Я устроилась на простой деревянной скамейке, скрытой от посторонних глаз нависшими ветками и стеной из мощных высоких стеблей каких-то цветов с большими закрытыми бутонами. Наверное, красиво будет, когда распустятся. Наслаждалась безопасностью, пыталась размышлять о будущем, но появление Аделины спутало все планы и решить что-либо теперь не получалось... кажется, под конец начала клевать носом.

— Вот ты где! — В голосе госпожи Аольской прозвучало облегчение.

Раздвинув ветки, она пробралась в мое убежище и уселась рядом.

— Смотри, что мне Новак подарил!

Сморгнув сон, я сфокусировала взгляд. Аделина обнимала мелкую патлатую собачку. Та крутилась, так и норовя вывернуться, жадно разглядывала меня, хозяйку и вообще все вокруг глазками-бусинками, при этом успевала ворчать, лизаться и пытаться стянуть с шеи смешной розовый бант.

— Чудо какое. — Я не смогла остаться равнодушной и тут же потянулась гладить и тискать забавную живность, в наказание за что была мокро облизана в нос и шею.

— Я назвала ее Соней. — Подарку Аделина радовалась, как девчонка.

А меня вдруг охватило легкое беспокойство.

— Он любит тебя. — Вчера обещала себе не затрагивать эту тему, но сейчас прорвалось. — А ты?

— Уважаю мужа и ценю такое его отношение. — Аделина была честна. Впрочем, у нее имелся собственный взгляд на чувства, которым она решила со мной поделиться: — Видишь ли, мы с Новаком — зрелые люди,

а в таком возрасте редко вспыхивает страсть с первого взгляда. Куда крепче любовь, которая вырастает из дружбы и взаимного уважения.

Что-то похожее я планировала для себя, когда грезил о спокойной жизни. А послушала Аделину и так скучно стало, что зевать захотелось. У наших ног тоненько заскулила вырвавшаяся на свободу Соня, которая, похоже, тоже была не согласна с хозяйкой.

Но, по крайней мере, Аделина в безопасности и не собирается причинять зла Новаку. Уже хорошо.

Было бы еще лучше, если бы его не трогал мой кровный отец, когда узнает обо всем, но это пока несбыточное. Тут надо с Тавишем советоваться.

Вот мы и подошли к главному:

— Можешь попросить кого-нибудь передать Тавишу записку? Хочу сообщить, что со мной все в порядке, и отговорить его от авантюры с боем.

Собеседница так понимающе улыбнулась, что я не сдержалась и фыркнула.

— Дорогая, тут записка не поможет, — возразила она. — Новость об этой, как ты говоришь, аванюре еще в первые часы облетела всю столицу. Твой парень не отступится, если не хочет, чтобы его до конца жизни считали трусом.

А он не хочет, это я точно знала.

— Но что же делать?! — в бессилии простонала я.

Придумать выход удалось за минуту, хоть и не мне.

— Предлагаю перехватить его перед боем и поговорить, — предложила Аделина. — Кстати, билеты на само мероприятие я уже купила.

Еще примерно час обсуждали подробности планируемой вылазки. Состояться все должно было в уже знакомом мне месте на окраине Ирганны. Я боялась идти открыто, но Аделина уверяла, что это не так уж и опасно. Мол, понятия о чести у риссов несколько своеобразные, но они все-таки есть, да и Эд уже должен был остыть. Если Тавиш выиграет, посягать на мою свободу никто не станет. А если проиграет, Аделина обещала придумать какой-нибудь вариант отступления. И все же я жутко нервничала, даже боялась, что и в случае победы Тавиша меня с подземной арены просто не выпустят.

Аольская изображала знатную госпожу, поэтому к наступлению темноты облачилась в роскошное синее платье с белыми кружевами и обвесилась жемчугом. Ну и белая кружевная маска привычно была на ней. Я еще раньше спросила, отчего не черная, ведь женщине ее возраста

полагается именно этот цвет. Оказывается, она прикидывалась «дебютанткой»! А что, фигурка стройная, голосок звонкий, еще ни разу ни у кого сомнений не возникло. Кроме меня, конечно, но тут она сама раскрыла свое инкогнито.

Я же влезла в то, что дали. Наверное, наряд был хорош, но я так переживала, что даже цвета не заметила.

По дороге, чтобы как-то отвлечься и не поддаться панике, думала об Аделине. Они с Новаком сидели напротив, так мило держались за руки и изредка перешептывались, что сомневаться в возможном счастье для этой пары не приходилось. Пусть у них все будет хорошо, они заслужили! Особенно Аделина. И ничего не ради денег она вышла за богатого торговца. Пока помогала мне с платьем, она призналась, что уже забрала часть наследства от первого мужа. Только ларец почему-то до сих пор не у нее. Впрочем, о нем мы так нормально и не поговорили.

Экипаж остановился и, едва выпустив нас, поспешил на охраняемую площадку. Так же все происходило и в прошлый визит в эти трущобы, поэтому удивляться было нечему. А вот дальше мои спутники отклонились от обычного порядка действий и, вместо того чтобы торопливо скрыться в здании, под которым расположилась арена, нашли укромное место и притаились среди развалин соседнего дома. По виду — заброшенного, но как знать.

Прибыли мы сильно заранее, но ждать пришлось совсем недолго. Тавиш скоро появился. С ним была взволнованная Нала и, к моему удивлению, ее любимый Адриан.

Ну и что это должно означать?

Однако обдумать этот, несомненно, очень интересный вопрос я не успела. В глаза бросилось отсутствие Нарьи. И так приятно на душе стало, что, несмотря на напряжение, не оставлявшее меня уже несколько часов, на губах появилась улыбка.

— Надеюсь, чувства взаимные? — истолковала все по-своему Аделина.

Я встрепенулась, вспомнила, где нахожусь, и улыбаться перестала.

— Если ты о дружбе, то да.

— И это, конечно, от простой дружбы ты рыдала, застав ночью в его доме другую? И от нее же сходишь с ума сейчас? — Мне не поверили.

Бросив на родительницу быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц, я решила обязательно познакомить ее с Налой. Интуиция подсказывала, что они обязательно поладят.

— Все сложно. — Объяснять было долго, да и не могла я это

произнести вслух, а пререкаться не хотелось. Пришлось искать компромисс. — Но вам, госпожа Аольская, по возрасту не полагается быть столь мечтательной и романтической. Разве не вы сами на это напирали сегодня в саду?

Подловить Аделину на слове не удалось.

— Тогда речь была обо мне, а сейчас — о тебе. Каждая мать желает своему ребенку самого лучшего, пусть и несбыточного. — Умолкла на несколько секунд, после чего, подавшись к моему уху, таинственным шепотом предложила: — А хочешь, мы его приворожим? У меня на острове некоторые связи завелись, я тебе такую ведьму найду...

— Дорогая, чему ты учишь ребенка? — нашипел на нее подслушавший наш разговор Новак, поцеловал жену в щеку и быстрой тенью направился к моим друзьям, пока те не скрылись за дверью.

— Быть счастливой, — обиженно проворчала Аделина. — Что в этом плохого!

— Мама! — не выдержала я.

И тут же прикрыла рот ладошкой.

Ой... Оно само вырвалось.

— Что «мама», я, может, как лучше хочу, — никак не могла угомониться беглянка.

— Я буду на уровне звезд от счастья, если, для начала, его не убьют и не покалечат, — попыталась направить ее энергию в мирное русло я, пока эта неумемная не перешла к активным действиям.

Сомнений, что она правда может, вот вообще не было. И почему я вечно притягиваю каких-то авантюристов? Как тут мечтать о спокойном существовании?

Выяснить, получилось ли, я не успела. Раньше, чем Аделина заговорила вновь, к нам подошли Новак и хмурый Тавиш. Общество невоздержанных, сумасбродных личностей на меня дурно влияет, не иначе. Но стоило Тавишу оказаться близко, как радостный возглас вырвался сам собой, и я повисла на шее наколдованного, прижалась лбом к горячей коже, тихо всхлипнула и зажмурилась, чтобы сдержать льющиеся слезы.

Дивальд меня подхватил, закружил, что-то жарко зашептал в макушку.

— Эй, вы, вообще-то, не одни. — Аделина выбрала не самый подходящий момент, чтобы растерять недавнюю романτικότητα. — И, молодой человек, если хотите обнимать эту девушку, вам следует для начала испросить разрешения у ее семьи. Нечего ее хватать, как какую-то разносчицу в таверне.

Над моей головой шумно выдохнули. А в следующий миг меня

отцепили и поставили рядом. Аделине с Новаком достался уничтожающий взгляд, который так и вопрошал, что это еще за людишки тут смеют замечания делать? Но ту, что двадцать лет провела на каторжном острове, так просто не проймешь. И ее муж, раз уж подрядился быть опорой и защитой, вынужден был держать лицо.

Заварушка имела все шансы начаться без всякого участия риссов, нужно было срочно приводить атмосферу в норму.

— Я тебе потом все объясню, — дернула за рукав Тавиша.

Мою руку словно в тисках сдавило, но Дивальд уступил.

Поговорить нормально не удалось. В запасе оставалось всего несколько минут перед тем, как Тавишу нужно было идти готовиться к бою, и все, что я успела, это заверить его в благих намерениях Аделины и ее мужа. Потом принялась уговаривать вообще не ходить на арену, но тут напоролась на категоричный отказ. У него, видите ли, гордость! А то, что у меня ужас и паника, это ерунда, да?!

Шипели друг на друга мы так вдохновенно, что даже крысы, шныряющие под ногами, с писком бросились в стороны. Но заразить этого сорвиголову своей рассудительностью мне не удалось.

— Время, — опомнился Дивальд. — Все, я ушел.

— Когда тебя порвут на мелкие кусочки, не говори, что я не предупреждала, — борясь с подступающими слезами, бросила ему в спину я.

Тавиш остановился, обернулся, потом решительно шагнул назад... у меня даже от сердца отлегло... а он взял и поцеловал! Так крепко, будто собирался выпить душу. Аж земля из-под ног ушла.

— На удачу, — заявило это недоразумение магическое. — Все, теперь точно не порвут.

И ушел, не оборачиваясь.

В то время как я еще целую минуту сжимала и разжимала кулачки, борясь с желанием высказать все, что думаю про такое поведение некоторых бывших демонов. И высказать было надо! Одна беда — некому.

Парочка супругов наблюдала за безобразием с умилением. Правда, и счет времени они не теряли, и ровно в тот момент, когда перед входом на замаскированную арену выпустили своих пассажиров сразу три экипажа, мы тоже направились туда. Смешавшись с небольшой толпой, вошли внутрь и беспрепятственно заняли свои места.

Заметили меня быстро, хоть и сидели мы не в первых рядах. Один из вездесущих близнецов прожег взглядом и что-то шепнул пробегающему мимо риссу, после чего тот изменил направление и молнией скрылся с глаз.

Но на этом все, больше я ничего такого не заметила. Шея и плечи слегка зудели от ощущения чужого взгляда, но достать меня никто не пытался.

Двух дней Эду должно было хватить, чтобы разобраться со своим самолюбием. А моя сногшибательная в самом прямом и худшем смысле этого слова красота наверняка надолго отбила у жожака желание запутаться в брачных узах.

Наконец все три удара гонга прозвучали.

Медленно, словно хищники, готовящиеся к атаке, противники вышли на арену.

Я вся сжалась.

Надежда, что за два дня их головы остыли и бой станет всего-навсего необходимостью, чтобы ни один из противников не прослыл трусом, в первые же минуты лопнула как мыльный пузырь. В отличие от прошлого раза сегодня играм не было места. Едва их взгляды встретились, мужчины взревели и бросились друг на друга. Эд на ходу обращался. Тавиш — отращивал когти и высвобождал свою магию. Ведущий еле отпрыгнуть успел!

Хотелось зажмуриться и просидеть так до конца, пока не станет известен победитель, но я не могла. Кажется, вообще моргать не могла, а сердце будто не билось, камнем повисло в груди.

Аделина попыталась ободряюще взять меня за руку, но я так сжала ее ладонь, что женщина зашипела от боли.

— Прости. — Руки я решила на всякий случай держать при себе. В такие моменты напрочь забываю, что я немного рисс.

Она болезненно улыбнулась и украдкой потрясла пострадавшие пальчики.

Кругом стоял настоящий гвалт, все хлопали, выкриками поддерживали своего фаворита, бурно реагировали на любое движение на арене. Среди этого сумасшествия сновали несколько полукровок, принимающих ставки. Но несмотря на всю эту какофонию мой ставший необычайно острым слух разбирал отдельные фразы и даже разговор разряженных и надушенных девиц, которые сидели сзади.

— Все ставят на Эда. Хотя лично я слышала, как какой-то шутник специально поставил на Дивальда, чтобы отличиться от большинства.

— Ну и правильно. Хоть в нем и проснулась магия, с риссом ему не тягаться. Что этот нахал о себе возомнил? Да Эдвин его по арене тонким слоем размажет!

Р-р-р-р! Сейчас кого-то покусая, если этот кто-то не заткнется. Или хотя бы не начнет болеть за того, кого надо.

— Дорогая, на людей рычать неприлично, — тронула меня за плечо госпожа Аольская и спешно отдернула руку, пока я опять в нее не вцепилась.

Пришлось больно прикусить губу, чтобы чувство реальности вернулось. Но солоноватый вкус, поселившийся во рту, сделал только хуже. Тем более что как раз в этот момент на арене пролилась первая кровь. И она принадлежала Тавишу! Зал взвыл. Покровители, как же мне хотелось броситься туда, в самую середину! И не сделала я это только потому, что в ту же минуту светло-коричневое покрытие окрасилось и кровью рисса.

Тонкий слух разобрал сразу несколько вопросов о том, можно ли поменять ставки.

— Жаль красавчика, перспективный был, — все никак не могли уговорить девицы.

— Если о чем и жалеть, так это о том, что никто не успел заманить его в брачные сети, — не забывая хихикать, отвечала вторая. — Такое наследство бы привалило...

Нет, точно покусую! Надеюсь, у риссов это не означает что-нибудь неприличное?

Черно-белый, искрящийся магией клубок, в который превратились противники, с бешеной скоростью метался по арене. Защитная сетка почти постоянно искрилась и звенела, сдерживая их. Алых брызг становилось все больше. Но, несмотря на сумасшедшее напряжение, продлилось все не очень долго. Не больше двадцати минут. Это мне от страха и переживаний казалось, что бой растянулся на целую вечность.

Когда Тавиш пролетел через всю арену, упал и на несколько мгновений так и замер, я готова была биться в истерике. Из разорванного бока хлестала кровь, левая рука была вывернута под каким-то невыносимым углом. Эд, подозрительно наблюдавший за противником с противоположного края поприща, сильно шатался, его шерсть некрасиво слиплась от крови, хотя понять, куда именно он ранен, мешала мохнатость.

Нет, только не так! Совсем немного до победы осталось... Ну пожалуйста!!!

Происходил бы сейчас обычный бой риссов, уже звучал бы отсчет, отмеряющий последний шанс проигрывающему встать и продолжить сражаться. Но бой был настоящий, в самом худшем смысле этих слов. То есть закончиться все должно было смертью одного из мужчин.

Кажется, я только сейчас осознала это и жалобно заскулила.

Как же я без тебя, горе магическое?! Не смогу. Не сумею. Я готова быть только другом, смотреть на бесконечную череду сменяющих друг

друга подружек, а по ночам плакать в подушку... Но совсем без тебя не смогу.

Отвернуться не было сил. Словно зачарованная, я не могла отвести взгляд от арены.

Покачиваясь, Эдвин направился к бесчувственному противнику. Когда он склонился над ним, примеряясь когтями к шее, я не выдержала:

— Не смей!!!

Голос сорвала. Во рту еще сильнее стал привкус крови.

Весь зал смотрел на меня. Но и Эд тоже. Прямо в глаза. С сожалением.

В этот самый момент ожило доселе неподвижное тело. Бросившись на рисса, Тавиш пол-арены с ним пролетел, пока наконец не вырубил мощным ударом в подбородок. Лишь на миг, но этого хватало. Когда же Эд разлепил веки и недоуменно моргнул, когти были уже у его шеи.

Зал загомонил. Потом замер в ожидании.

Но мгновения утекали, а ничего не происходило.

Точнее, что-то на арене все же творилось, но со зрительских мест не разберешь подробностей. Видно было, лишь что Тавиш склонился к Эду и что-то сказал, вожак яростно оскалился и попытался перевернуться, подмять под себя противника, но худощавый маг внезапно оказался сильнее. Еще немного возни — и росс смирно растянулся на полу, затих, его лицо вновь обрело человеческие очертания. Не ручаюсь за правдоподобность своих наблюдений, все же нас разделяло приличное расстояние, но мне показалось, что зверолод смиренно ждет последнего удара.

Собравшиеся понаблюдать за необычным поединком даже с мест своих повскакивали... Однако добивать противника Тавиш не торопился.

Он склонился к ожидающему своей участи Эду и что-то сказал.

По рядам пронесся недовольный гомон.

— Громче! — потребовал бывший демон, явно продолжая разговор, оставшийся недостижимым для сторонних ушей.

— Я признаю поражение, — рявкнул Марре. — Ты победил. Давай, убей меня и покончим с этим.

Дивальд торжествующе улыбнулся окровавленными губами.

— Все слышали? — спросил он зал, будто упиваясь моментом.

Зрители взвыли. Столь захватывающего зрелища с таким же неожиданным финалом на боях им не доводилось видеть уже давно.

— Я не собираюсь тебя убивать. Не хочу оставить стаю без вожака, — наконец изрек этот любитель потрепать другим нервы. — К тому же жаль будет лишить того, кто рискнет повторить мой подвиг, такого достойного

противника.

Речь ведущего, заключительное рукопожатие и почести победителю заняли немного времени. Сегодня полный зал зрителей набился ради всего одного боя, и как только он закончился, народ потянулся к выходу, эмоционально обсуждая увиденное. Некоторые смельчаки уже планировали «повторить подвиг» и вызвать Эдвина на бой. Да уж, устроил ему Тавиш веселенькую жизнь! Они ведь не скоро уймутся. Я же так и сидела на своем месте, всхлипывая и дрожа, не в силах подняться.

Сбылось невероятное! Покровители еще никогда не были ко мне так добры.

Аделина меня не торопила, прекрасно понимая мое состояние. Она вообще замечательная. Мама... Подумать только! Какие резкие повороты иногда совершает жизнь в считанные мгновения!

Поглощенная своими переживаниями, я как-то пропустила момент, когда к нам подошел риссий лекарь.

— Пойдешь? — Аделина мягко тронула меня за плечо.

— А?! Куда?

Вместо нее ответил Анб, снисходительно поглядывая на меня и улыбаясь:

— К своему мужчине. Могу проводить.

— Никакой он не мой! — привычно уже отговорила я, радуясь, что маска скрывает пылающие щеки, и встала.

Заладили они все!

— Прошу прощения. — В отличие от многих других Говард был прекрасно воспитан и настаивать на своем мнении не стал. — За десятилетия работы с риссами я отвык общаться с нормальными людьми. У звероловов все на порядок проще: если есть чувства, значит, твое, и никто не помеха. Это люди, особенно аристократы, вечно придумывают себе дополнительные проблемы.

Кто бы говорил! Если бы не «простые и понятные» законы хищников в человеческом обличье, этой бойни вообще бы не случилось! Хорошо еще, Тавиш тот, кто он есть. А что бы случилось, будь он действительно обычным аристократом, пожелавшим вступить за беззащитную девушку?

Впрочем, меня больше сейчас другое волновало:

— Он в порядке?

— В полном, — преувеличенно бодро заявил Говард, и так у него это получилось, что я не могла не насторожиться. — Не считая кучи синяков и ссадин, раны в боку, сломанной в нескольких местах руки и трещины в бедре.

Мне подурнело. Пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть. Горе магическое! Но хоть живой остался, уже радость.

— Но знаешь, — заметив мое состояние, решил добавить ложечку меда в ведро чего-то горького и противного Анб, — у него какая-то совершенно невероятная магия. Парень даже от снадобий отказался, говорит, через два часа организм сам разберется со всем, что ему мешает.

Ну да, магия. Скорее наследство, оставшееся от потусторонней сущности. Но отказываться от лекарств... Сейчас я кому-то устрою незабываемые два часа!

Влетая в небольшую комнатку, я была настроена именно так, но едва увидев Тавиша, всхлипнула и присоединилась к уже висящей на нем Нале.

— Горе магическое...

Он стонал и шипел, но стойчески терпел. Ровно минуту, потом все же не выдержал.

— Девчонки, мне, конечно, приятно, что вы переживали, но хватит уже на мне виснуть, я и так на части разваливаюсь, — простонал Дивальд и попытался нас от себя отодрать, за что был вознагражден двумя тычками с разных сторон.

— Может, хоть обезболивающие капли примешь? — попыталась проявить заботу Нала.

— Мне не надо, — упрямо заявил наш герой.

Совести у него все-таки нет. Мы чуть не посидели, а он...

После того как вволю наплакались, наобнимались и, наконец, поверили, что родному существу больше ничто не угрожает, мы с Налой оставили болезного в покое и разместились на стульях. От лечения Тавиш категорически отказался, но ему требовалось некоторое время, чтобы справиться с самыми опасными повреждениями, и желательно было его пока не тревожить. Риссы великодушно разрешили нам остаться в комнатке, где отдыхали и настраивались перед схваткой бойцы, и раз уж мы все собрались вместе, а заняться все равно было чем-то надо, я как раз успела рассказать друзьям о своих злоключениях и о том, что узнала сперва от Говарда, потом от Аделины.

Разговор получился насыщенный, зато в конце его вопросов ни у кого не осталось.

— Утром сообщу Ридушу про снадобья на риссией крови, — устало вздохнул Тавиш. — Как знать, может, в этом и кроется ключ к излечению Михаэлле?

Окружающие заулыбались и дружно кивнули, а я вдруг поймала себя на том, что в последние дни вообще не думала о лице. Не до того было.

И даже если ничего не получится, теперь рядом со мной есть люди, которым я дорога такая, как есть. Это ли не главное?

— Ну что, Михаэлла, едем домой? — Тавиш встал с кресла, которое занимал, и протянул мне руку.

Совесть неприятно оскалилась, но принять его жест я заставить себя не смогла.

— Прости, но я лучше поживу у Аделины.

— Почему? — глухо рыкнул мужчина, и мне почудилось в этом звуке вязкое, ледяное отчаяние.

Глупость какая. А впрочем, каждый слышит то, что хочет услышать.

— Как это — почему? — вжилась в роль мамочки госпожа Аольская. — При наличии живых родственников незамужняя девушка не может жить в доме совершенно чужого мужчины. И он не может ей покровительствовать.

Тавиш побледнел, хотя, кажется, куда уж больше. Черты его лица будто заострились. Он так полыхнул глазами на Аделину, что без слов стало ясно, сейчас тут будет еще один бой, сравнимый по жестокости с тем, что произошел на арене.

Такого я допустить не могла. К тому же внутри все просто свербело от желания сказать правду.

— Освободившись от риссов, я первым делом пришла к тебе. Но меня оттуда выгнали! Даже не открыли ворот.

Нет, я ошиблась, бледнеть дальше ему еще было куда. Теперь цвет лица Дивальда сравнялся с цветом его белоснежных волос и приобрел легкий оттенок синюшности.

— Этого не может быть...

— Нарья сказала, что я мешаю вашим отношениям, и попросила больше тебя не беспокоить.

Наколдованный сжал кулаки, но это не помогло, когти все равно вылезли, и на каменный пол упали крупные капли крови. Тавиш хрипло выругался и обвел собравшихся беспомощным взглядом.

— Нарья? Она была там?

— Хорош хозяин, который не знает, что творится у него в доме, — фыркнула Аделина.

Ранить его не хотелось, особенно после того, как он едва не лишился жизни из-за меня. И все же я чувствовала, что поступаю правильно. Не вечно же у него на шее подопечной висеть! Это сейчас все хорошо, а ведь когда-то он женится... Предпочитаю наблюдать за этим с некоторого расстояния.

— Прости, но я не вернусь, — сказала тихо и осторожно взяла его за руку, чтобы опять не поранился. — Не хочу никому мешать. Будет лучше, если я немного поживу у Аольских. Пока не обзаведусь собственным жильем.

Глава 16

Решение мое приняли, но ведь в покое оставить никто не обещал! Они и не оставили. И следующее утро началось с окрика Аделины:

— Михаэлла, просыпайся, к тебе подруга пришла!

Однако смиренно ждать, пока я изволю одеться и выйти, Нала даже не подумала, и когда я со стоном села в подушках и потерла глаза, она уже входила в мою комнату, еще и распоряжения насчет завтрака на ходу давала.

— Привет, соня! — просияла подруга, падая рядом со мной на кровать. — У нас вчера такое было... Ни за что не угадаешь!

Аделина заглянула в приоткрытую дверь, обозрела безобразие, неодобрительно покачала головой, но предпочла оставить нас в покое. Великодушно, учитывая, что подруг у нее самой никогда не было, а потому поведение Налы вызывало легкое недоумение.

— Запросто! — За дни, проведенные в доме Аольских, а до того у риссов, я успела жутко соскучиться по друзьям, так что с энтузиазмом включилась в процесс обсуждения новостей. — Тавиш разрешил вам с Адрианом пожениться?

Ну а что еще было думать, после того как они вместе пришли на бой?

— Нет, — как-то уж слишком легко отмахнулась воспитанница Дивальдов. — Брат еще ничего не знает. Это касается вас!

— Нас? — Все догадки разом затихли.

Нахлынувшее беспокойство заставило меня нервно комкать одеяло. Каких еще нас?

Пауза получилась мучительно долгой. Сначала эта вредина дразнила меня молчанием, потом служанка принесла завтрак и пришлось ждать, пока она установит поднос и уйдет.

— Он Нарью едва не убил, — возбужденно зашептала подруга, как только лишние уши ушли. — Ты представляешь, возвращаемся вчера домой, а эта липучка там! И обниматься к Тавишу лезет! Мол, соскучилась, сил нет, что же ты меня забыл, дорогой?!

— А он что? — вроде бы безразлично спросила, а внутри разлетелись щекотные пузырьки, словно от шампанского.

— За волосы ее из дома выволок и приказал больше на глаза ему не попадаться, — широко улыбнулась Нала. — Миш, может, вернешься, а? Его ведь правда в ту ночь дома не было, он к бою готовился. А эта гадина

заявилась и все испортила.

Небольшой соблазн имелся, но я предпочла переключить свои желания на творог со свежей малиной.

— Ладно тебе, я ведь никуда из столицы не уезжаю, — прозвучало печальнее, чем мне хотелось. — Мы будем часто видеться! А Тавишу правда надо личную жизнь устраивать.

Эта сваха неумная сунула в рот малинку и смерила меня насмешливым взглядом.

— А между прочим, со дня нашего безумного свидания у него женщин не было, — заговорщицки сообщила она мне и прямо из-под носа увела очередную ягоду.

Вот что с ней поделаешь?

— Откуда ты знаешь?

— Сама присматриваю и слуг попросила, — заявила паршивка мелкая. — А что, хорошая сестра должна знать, что с братом происходит, пока не передаст его в надежные ручки. Миш, возьми, а? Сделай одолжение. Тогда я с чистой совестью смогу заняться собственной личной жизнью.

Я наморщила лоб в притворной задумчивости. Правда, предметом размышлений было не совсем то, о чем мы говорили.

— Это как же? — любопытствовала наконец. — Обзаведешься детьми, пока Тавиш не видит?

Теперь притворялась, что обдумывает соблазнительный во всех отношениях вариант, уже она.

— А что, это идея... Тогда Тавиш точно разрешит нам с Адрианом пожениться!

— Угу, только сначала твоего Адриана прикончит, — фыркнула я.

Подруга осознала мою правоту и с обреченным видом спрятала голову под подушку.

— Злая ты! — проныла она из укрытия. — И Тавиш злой!

— Я не злая, я просто реально смотрю на вещи, — не согласилась с ней. — А вот Тавиш точно будет в бешенстве, когда поймет, сколько времени его водили за нос.

Как уже не раз бывало, ко мне не только не прислушались, но и перевели разговор на другую тему. А именно, на наши с наколдованным несуществующие отношения. Заклинило их всех, что ли?

— Угу, с тех пор, как ты перестала постоянно быть рядом, глухая ярость стала его обычным состоянием.

— Нала, не начинай!

— Когда я уезжала, он кабинет громил...

С такими успехами выбралась из кровати я только после полудня, когда Нала, недовольная тем, что не смогла меня переубедить и увезти с собой, отправилась домой. Но не успела вздохнуть с облегчением, как в комнату осторожно заглянула Аделина.

— Выгляни в окно, — таинственно прошептала она.

Не ожидая никакого подвоха, пребывая в полной уверенности, что ураган под названием «лучшая подруга» я сегодня уже пережила и теперь мне ничего не страшно, отодвинула штору — а там...

— По-моему, он за тобой ухаживает, — подавляя улыбку, отметила родительница.

Справедливости ради, стоит признать, что улыбающийся Тавиш под окном, да еще с гейром на поводке несведущего в наших взаимоотношениях человека, именно на эти мысли и должен был натолкнуть. Я смотрела на ситуацию реальнее. Впрочем, это несколько не помешало мне обрадоваться.

— Просто он сдержал давнее обещание, — выдохнула дрожащим шепотом.

Я-то искренне полагала, что этим все объяснила, но на лице новоявленной родительницы лишь отчетливее отразилось недоумение.

Ничего, привыкнет со временем! Улыбнувшись своим мыслям, я рванула к двери.

— Стой, безумная! — понеслось вслед обеспокоенное. — А одеться?!

Ой, точно. И хотя Тавиш меня еще и не в таком виде лицезрел, пришлось потратить несколько драгоценных минут, чтобы придать себе приличный вид. Зато потом с чистой совестью понеслась к лестнице, от переполняющих эмоций чуть кубарем не скатилась по ней, выскочила из дома и с визгом повисла на Тавише.

Мрак, я же маску закрепить забыла! Но какое это имело значение, когда меня обнимали, тискали, кружили и тепло дышали в макушку? Меня! Такую, какая есть! И, если на минутку поверить поцелуям в щеки, уродливые рубцы Тавиша мало волновали.

— Без тебя дом словно вымер, — пожаловался Тавиш, все никак не желая поставить меня на ноги.

— Не удивлюсь, если так оно и есть, особенно после погрома, который ты учинил. — Не взывать к чему-то светлому в этом бывшем демоне я не могла. Хоть и понимала, что этому светлому там неоткуда взяться.

Словно поддерживая меня, рядом осуждающе всхрапнул гейр.

— А ты помолчи, предатель, — тут же сверкнул на животное взглядом

Тавиш, и то виновато прижало внушительных размеров ушки с кисточками к лобастой голове. — Откуда знаешь?

— Утром приезжала Нала и сдала тебя со всеми потрохами, — не стала ничего скрывать я.

— Это заговор! — притворно вознегодовал наколдованный.

Продолжать в таком духе мы могли сколько угодно, и плевать нам на приличия, но тут подзабытый подарок решил напомнить о себе более действенным способом, чем какой-то там звук. А именно, улегся на траву, вытянул шею и ткнул носом Тавиша под колено.

Мы едва не завалились! Устояли, конечно, но во избежание Дивальд наконец решил поставить меня на ноги.

— Совести у тебя нет, — сообщил он невозмутимо принимающему солнечные ванны пушистому созданию.

Я присмотрелась к серой усатой морде, потом к дарителю, решила, что эти двое друг друга стоят, и снова переключила внимание на морду. Она пофыркивала от удовольствия, а заметив, что на нее смотрят, поспешила принять позу поэффектнее.

Хм...

— Уверен, что это мальчик? — Почему-то захотелось прояснить этот немаловажный вопрос.

— Ну... — Даритель замешкался под насмешливым взглядом желтых глаз своего подарочка. — Я гейра покупал. Вроде.

Мы с живностью дружно фыркнули. Ясно все с ним!

— По-моему, это девочка, — глубокомысленно заметила я.

— Думаешь? — позволил себе усомниться Тавиш.

— Мужчины не бывают такими наглыми. — Я обосновала свою точку зрения, как могла.

— Вот как? — Светлые брови насмешливо приподнялись.

— Ты исключение, — сдаваться не хотелось.

Все время пререканий живность с любопытством наблюдала за нами, будто ее пол зависел именно от нашего решения. Но оно все не приходило. Я упорствовала, Тавиш тоже не желал сдаваться, отстаивая свое мужское право быть вредным, наглым и совершенно бессовестным. Я с его исключительностью спорить не стала, но заявила, что раз так, то и проверять истину ему. Я-то девушка тактичная и к ни в чем не повинной живности под хвост точно не полезу! В итоге дело кончилось моей победой, потому что гейр оказался все-таки женского пола, тремя глубокими и исправно кровоточащими царапинами на руке Тавиша и разобиженной серебристо-серой красавицей, которая согласилась простить

нас, только умяв пару сладких булочек.

Зато, сменив гнев на милость, меня разок прокатили над домом. О, это было незабываемо! Ветер в лицо и ощущение полной невесомости, будто это я сама лечу. И все внизу такое маленькое: особняк, люди, даже деревья...

Час спустя мы с Тавишем сидели в саду, на скамейке, ставшей уже моей любимой. Я вообще на удивление быстро прижилась в этом доме, так хорошо здесь было, светло и уютно. Невозможно поверить, что скоро придется снова куда-то перебираться и опять привыкать к новому месту.

С Дивальдом хорошо было просто молчать, а его тяжелая рука, обнимающая меня за плечи, служила своеобразным якорем, который удерживал меня в реальности, не позволял подумать, что этот миг — всего лишь девичья мечта. И все же я должна была спросить:

— Как прошло с Беатой?

— Привязки больше нет, — медленно выговорил наколдованный, подставляя лицо редким солнечным лучам, просачивающимся сквозь низко нависшие ветки. — И Беаты тоже нет.

— Рада за тебя. — Простые слова не могли передать того облегчения, которое омыло меня изнутри, и я, придвинувшись к Тавишу вплотную, прижалась щекой к его плечу.

Милостивые покровители, неужели все закончилось?

— Желаете услышать кровавые подробности? — Тавиш не был бы собой, если бы не подпортил момент.

— Нет уж, избавь! — Я даже отстранилась.

Вот почему он такой, а? Бывает же нормальным! А потом как выкинет что-нибудь... демон демоном!

— Когда пойдем нашу привязку снимать?

Договаривались ведь. И поэтому я ожидала какой угодно ответ, от конкретной даты до шутливого предложения оставить все как есть, но только не тот, что в итоге получила:

— Миш... Тут такое дело... — Наколдованный смущенно отвел взгляд. И поскольку это точно не было очередным его дурачеством, мне стало слегка не по себе. Не зря, как выяснилось: — Это особая привязка, она может быть уничтожена только со смертью «хозяйки».

Инстинкт самосохранения требовал шарахнуться от чудовища, сидящего рядом со мной, и со всех ног бежать прочь, но я так и осталась сидеть на месте. Еще меланхолично подумала, что госпожу ведьму постигла та же участь. Не то чтобы незаслуженно, а все равно жалко.

Вот же Тавиш! И как только я тогда ничего не поняла?!

Понаблюдав за моей реакцией, наколдованный горько усмехнулся и развил свою мысль дальше:

— Я всего лишь пытаюсь сказать, что мы не будем трогать привязку. Ты ни разу не попыталась воспользоваться властью надо мной, я к тебе уже привык. По-моему, нам и так неплохо. — А в следующий момент в необычных, нечеловеческих глазах зажглись искренние, лукавые смешинки. — Да прекрати же ты от меня отодвигаться, не то сейчас с лавки свалишься!

С этими словами меня притянули обратно, обняли во избежание новой попытки бегства и дружески чмокнули в висок.

Смириться с ситуацией не получалось.

— И я тебе так и буду нравиться из-за колдовства? — Это было обиднее всего.

— Михаэлла, привязка — это своего рода ритуал подчинения хозяйке. Так она не работает, — терпеливо принялся втолковывать мне Тавиш. — Рыжая стерва хотела послушного раба, а не любящего ее мужчину. Чувствуешь разницу?

Прочувствовала, осознала, прониклась.

Значит, мы правда друзья? Без всякой магии? И лицо мое его не смущает, потому что он в прошлом демон, а не потому что его чарами одурманили?

Часть страхов, мучивших меня долгие дни, отпала.

— Ну что ты молчишь? — В этот раз Дивальд не мог обойтись без слов, хотя обычно прекрасно понимал меня, будто в душу смотрел. — Скажи уже что-нибудь? Злишься на меня? Не хочешь видеть?

Вместо долгих объяснений я чуть отстранилась и с силой заехала поганцу локтем под дых. Он так и согнулся!

— Это тебе за ведьму Арину. — Он сегодня непонятливый, пришлось пояснить, чтобы не придумал себе чего лишнего. — С остальным согласна. И только попробуй надолго пропасть, отловлю и еще раз врежу!

Угроза была воспринята серьезно. Мы оба смеялись до слез.

— Да ты опасная женщина, — дразнился этот вредный тип, с притворной гримасой потирая ушибленное место.

— Между прочим, от тебя плохого нахваталась. — И это была чистейшая правда.

Разве могла я подумать, скажем... полгода назад, что моя жизнь так круто изменится? А всего-то надо было оказаться не в то время, не в том месте.

Или наоборот, в то и там, где нужно?

Судя по лицу, Тавиш собирался шутить и дальше, но потянул носом и вдруг передумал.

— Слушай... А чем это так смердит?

Я принялась и сама поразились, как прежде не заметила отвратительной вони, будто под скамейкой крыса сдохла... Дня три назад. Но клянусь, еще недавно никакого запаха не было! Я же тут каждый день сижу, и нюх у меня почти как у рисса. Решительно ничего не понимаю!

И птички больше не чирикают. Их вообще рядом нет.

Под скамейку мы заглянули, но ничего интересного не обнаружили. Тавиш прощупал местность магией, но и это результатов не принесло. Рядом никто давным-давно не колдовал.

Захваченные новой загадкой, мы рванули искать Аделину. Кто, как не хозяйка дома, мог разъяснить все его странности? Только если хозяин, но он как раз уехал в один из своих магазинов.

Поиски заняли примерно полчаса. Когда же мы привели вяло упирающуюся Аольскую к скамейке... никакого запаха не было! Вообще. Пахло зеленью, разными цветами, яблоками и жарой, но никак не чем-нибудь неприятным.

— Но ведь было же... — смущенно лепетала я.

— Подтверждаю, — поддержал Тавиш. — И вообще, если кажется сразу двоим, значит, что-то в этом есть.

Родительница обвела нас насмешливым взглядом и ехидно хмыкнула:

— Да у вас даже галлюцинации одинаковые. Вот же парочка подобралась! — и, шурша юбками, ушла обратно в дом.

Следующие дни, несмотря на то что я почти безвылазно сидела дома, выдались насыщенными. Некоторые хлопоты были приятными. Дивальды прислали мои вещи, но я не стала их распаковывать, так и оставила в коробках, достав только самое необходимое. А зачем, ведь все равно собираюсь скоро переезжать! К вечеру того же дня прибыли еще коробки... и тогда же выяснилось, что это Аделина не удержалась и, когда выезжала в город, накупила новообретенной дочери всего разного, большей частью совершенно ненужного, но красивого.

Новак хохотал, а вот мне было неловко. Приятно, конечно, но и непривычно тоже. Как выяснилось, я еще до конца не осознала, что больше не бедная сирота, которая едва сводит концы с концами и которую может пнуть каждый.

Но родительница на этом не уgomонилась и вечером явилась в мою комнату с баночкой приятно пахнущего крема. Им надлежало мазаться

дважды в день, утром и вечером. Якобы его изготовила одна могущественная ведьма, и уже через неделю от рубцов останутся одни воспоминания.

Ну что, прошла неделя. Даже две. А красота моя так и осталась сильно неопишуемой. Разве что уродливые следы больше не краснели и не припухали, но тут дело скорее всего в том, что эти дни я почти не надевала маску и кожа дышала, а не в чудо-креме.

Честно, я даже не расстроилась. А вот на Аделину смотреть было больно.

Жизнь за пределами загородного дома тоже кипела и бурлила и иногда затрагивала нас. Риссы хоть и разочаровались на мой счет и оставили идею заполучить меня в стаю, но о существовании «родственницы» не забыли. И в одно утро я получила цветы. Белые розы были прекрасны, но личность дарителя пугала... С другой стороны, уезжать далеко от столицы я не планировала, соответственно, иногда мы с Эдом можем пересекаться. Этим удалось себя успокоить, и от двух букетов, полученных на следующее утро, я уже не так шарахнулась. С ними были записки. С извинениями и обещанием покровительства — мне и со словами восхищения — Аделине. А однажды вечером к нам полстаи заявились! Оно-то хорошо, Аделина им быстренько условия выставила и даже заставила какой-то документ подписать, но я перепугалась до полусмерти. К счастью, после этого зверюды из моей жизни исчезли.

Записку Гордику с указанием нового адреса и приглашением в гости я сама отправила. Ввиду моей тайны, скрывающейся под маской, настоящие отношения между нами не были возможны, но прерывать их так резко не хотелось. Хороший он, жалко его обижать. А как иначе разрубить этот узел — я не знала.

Может, попросить Аделину заявить, что она мне другого мужа выбрала? Гордик парень воспитанный, родительское мнение для него много значит...

Мы проговорили несколько часов, гуляя по саду. Я рассказала про жизнь в деревне, появление Тавиша, переброшенного ко мне пробуждающейся магией, кровь риссов и встречу с настоящей мамой. Ожидала сочувствия, но он был в восторге. И почему мужчины, даже самые спокойные из них, внутри сплошь вояки и охотники за приключениями?!

Кстати о неугомонных особах... Дивальды навещали меня часто, особенно Тавиш, мы даже на воздушную прогулку летали. Только вдвоем, часа на три. После чего Аделина два дня не могла успокоиться, все

дразнилась, мол, он за мной ухаживает. Заладили они все! И вот как им, непонятливым, объяснить, что у нас другие отношения? Может быть, даже ближе, чем если бы мы были просто влюблены.

Сидя на скамейке в своем укромном месте, я прокручивала в голове все эти мысли и потихоньку лакомила сладкими ягодами. Пальцы уже были липкие и местами красные от сока, но это нисколько не смущало. Кто меня здесь увидит?

Надо сказать, что после памятного случая с запахом я почти неделю сюда не приходила. Вернее, подходила, насколько смелость позволяла, раздвигала низко нависшие ветки и нюхала воздух, надеясь снова уловить что-то странное. Но ничего, кроме ароматов цветущего сада и созревающих ягод и яблок, ни разу не почуяла и в конце концов успокоилась. Наверное, правда померещилось. Или же это было что-то одноразовое, источник чего теперь не найти.

Но сегодняшний день, очевидно, судьба отвела для очередного открытия.

Сначала я увидела тень. Она скользнула у моих ног, щерясь гигантской пастью, хрумкнула, издала еле слышное повизгивание и... пропала. Странная это была тень. Будто у нее, кроме пасти, ничего и не было. Один висящий в воздухе огромный зев.

Она появилась и пропала, а я еще некоторое время так и сидела, оцепенев от страха, не в силах даже шевельнуться. Но ничего не произошло.

Несколько минут спустя возле скамейки, с которой я никак не могла встать, поплыл знакомый гнилостный запах разложения, рвоты или чего-то подобного. Он-то меня и привел в чувства, а заодно и согнал с насиженного места. Но только я, зажимая нос, выскочила из-под завесы ветвей вишен, на крыльцо вышла Аделина и звонким голосом принялась звать мужнин подарок:

— Соня! Соня, ко мне! Ты уже нагулялась. Обедать!

Шумную, везде сующую нос и разгромившую полдома собачонку моя мама просто обожала, не ругала ни за одну шалость, кормила, мыла и расчесывала только сама, никому не доверяя эти ответственные занятия. Так что в появлении ее на крыльце не было ничего из ряда вон выходящего. Странно было другое: Соня, которая обычно, заслышав голос хозяйки, неслась к ней со всех лап, сшибая все на пути, сейчас даже не откликнулась.

— Соня! — В голосе Аделины промелькнули нотки беспокойства. —

Соня, домой!

Ноль реакции.

Мама прошлась по крыльцу, но остановилась на нижней ступеньке, не желая мочить в еще не сошедшей росе тонкие домашние туфли.

— Михаэлла, ты ее не видела?

— Нет... — Все лишние мысли мигом вывалились из головы, я быстрым шагом направилась к крыльцу. — Наверное, залезла куда-нибудь и спит, тебя не слышит. Поискать?

Аделина напряженно кивнула и с благодарностью посмотрела на меня. Однако благодарность эта была несколько преждевременной.

Сначала я искала одна. Через десять минут, плюнув на туфли, мама присоединилась к процессу. Еще через полчаса, облазив весь сад, мы позвали на помощь слуг и даже Новака. Были заброшены все дела, отложены деловая встреча, обед и уборка, все искали пропавшую собачку. Но даже вместе еще раз осмотрев сад, задний двор со всеми хозяйственными постройками и, наконец, дом, никаких следов Сони мы не нашли. Она будто сквозь землю провалилась.

— Может, как-нибудь просочилась сквозь защиту и в лес убежала? — неловко предположил Аольский, поглаживая по спине рыдающую жену.

— Как?! — всхлипнула Аделина и жадно приложилась к стакану с водой. — Там забор и магический контур, она не могла пройти!

— Подкоп сделала? — Второе предположение оказалось еще более абсурдным.

Расстроенная женщина сдавила стакан с такой силой, что он треснул и ей на подол пролились остатки воды. Хорошо хоть не поранилась!

— Дорогой, торговать у тебя получается лучше, чем успокаивать плачущих женщин, — прошипела она.

— Извини, дорогая, — покаянно вздохнул купец. — Непривычный я к этому. Но я научусь.

Смотреть на них было одно удовольствие, несмотря на удручающую ситуацию. Аделина так безутешно плакала, а Новак с таким искренним сочувствием ее обнимал и предлагал, если Соня не отыщется, завтра же купить жене новую собаку, кота или кого ее душе будет угодно, что все сомнения насчет их пары окончательно развеялись. Этот союз долговечен. Не о чем беспокоиться, мама в хороших руках.

За несвоевременное предложение на Новака сердито нашипели, но его это не проняло. Он только крепче сжал в объятиях плачущую супругу, отправил слугу в город за ее любимыми конфетами и кивнул в сторону двери мне, показывая, что с Аделиной справится сам, присутствовать не

обязательно. Я уже некоторое время чувствовала себя лишней, поэтому, получив разрешение, сразу же встала и заспешила к выходу, но далеко уйти не успела.

Дорогу перекрыла одна из служанок.

— Госпожа Михаэлла, к вам подруга приехала.

Нала.

— Как не вовремя... — сорвалось с языка.

Нет, я всегда рада ее видеть, но пропажа всеобщей любимицы, безуспешные поиски и слезливый поток изрядно подпортили настроение. Сейчас хотелось закрыться в комнате и немного прийти в себя. Но, похоже, это дело откладывается.

— Кажется, она чем-то расстроена... — доложили мне.

Этого только не хватало!

— Уже иду, — вздохнула я и вслед за женщиной прошла в сад.

Там поджидало очередное нерадостное открытие: Нала была не просто расстроена, у нее глаза были на мокром месте. Картинку мирской скорби дополняла бледная мордашка и дрожащий подбородок.

— Что случилось?! — перепрыгивая через ступеньки, я бросилась к подруге.

— Он... Он... Он хочет выдать меня замуж!!!

Остановилась, обозрела несчастное создание перед собой — и концы с концами сошлись быстро. Повторюсь, но: этого только не хватало!

— Так понимаю, не за Адриана, иначе ты пришла бы ко мне с другим настроением?

Нала уныло кивнула:

— Угу.

— А ты уверена? Просто не похоже это на него, чтобы вот так, с наскока...

Обещал же дать ей время! А насколько я успела изучить этого наколдованного, слов на ветер он не бросает. И Налу искренне любит, вряд ли бы он стал ее к чему-то принуждать. Хм. Не сходится что-то...

— Вчера он друга в гости позвал, мы поужинали, тот парень уехал. А потом Тавиш мне и говорит, мол, присмотрись к нему, хорошая партия! Якобы он мной еще с праздника интересовался, и Тавиш подумывает одобрить наши отношения, — захлебываясь слезами, верещала страдальца. — Одобрить, ты представляешь?! А у него ноги кривые и левый глаз косит! И вообще, я Адриана люблю!!!

Пока вслушивалась в эмоциональный поток речи, не заметила, как мы дошли до укромной скамеечки. Опомнилась, только когда ветка царапнула

по носу. На миг внутри поднялся протест, но тут взгляд упал на дрожащую Налу, и я решила на время забыть о своих страхах. Не рассказывать же ей в таком состоянии еще и непонятные страшилки!

Раздвинув ветки, мы сели.

— Пришло время все честно рассказать, — озвучила очевидное я. — Заодно и проверим, насколько серьезны намерения твоего танцора.

Тщательно все обдумав, еще раньше я решила сама это выяснить, не впутывая Тавиша. Во избежание непоправимых последствий, так сказать. Но за всеми событиями просто не успела познакомиться с Адрианом поближе. И вот теперь ситуация накалилась.

— Даже не сомневайся! Он любит меня! — взвыла подруга и опалила меня негодующим взглядом.

Хорошо бы, дорогая. Но пока подтверждением этому служат только твои слова, ничего больше.

Спорить с влюбленной женщиной себе дороже, тут железные факты нужны, так что я похлопала ее по руке и вымученно улыбнулась.

— Значит, тебе нечего бояться.

— Он не разрешит!

— Я с ним поговорю. — Поверить в самодурство Тавиша в отношении сестры не получилось бы даже при желании, так что серьезностью проблемы я как-то не прониклась.

Чего не скажешь о Нале...

— Он тебя не слушает! — снова затряслась в рыданиях она.

Мученически вздохнув, я как раз собиралась придумать какое-нибудь действенное утешение, но... не успела.

Снова пахло сладковатым запахом гнили. Над нами нависла жуткая тень. А в следующее мгновение меня с силой потянуло вверх и спеленало чем-то горячим. Очень горячим. И влажным.

Где-то внизу пронзительно закричала Нала. Мне же оставалось только завидовать ей, кокон сжимался так крепко, что не оставалось ни малейшей возможности ни шевельнуться, ни издать какой-нибудь звук. И вся сила, данная мне кровью риссов, здесь оказалась совершенно бесполезной.

Оно было сильнее.

Но это все мелочи, пусть бы лучше придушило меня, но не пытаюсь сварить заживо. Покровители, как же горячо! Хотелось кричать и извиваться, но это было невозможно. Слезы же, выступившие на глазах, лишь усилили боль. Мамочки-и-и-и, что же это такое?!

Особенно досталось лицу. Оно словно оказалось в эпицентре маленького пожара.

И в тот момент, когда сознание начало ускользать, я почувствовала, как кожа пузырится, плавится. Еще подумала, что любая другая девушка впала бы в панику еще и из-за этого, но мне все равно, как именно быть уродливой... Если вообще выживу...

Внизу слышались топот и голоса, но разобрать что-либо я уже не успела. Я тонула в темноте. Но даже она была раскаленной до муки.

Глава 17

Сознание прорезалось вспышками. Первая из них окатила меня такой болью, что разум тут же снова померк. Надолго. Во всяком случае, выпастись успела на год вперед и, когда попыталась очнуться в следующий раз, голова была такой тяжелой, словно она увеличилась в два раза. Потом только до меня дошло, что это из-за бинтов, которыми обмотали лицо, оставив лишь маленькие щелочки на месте глаз и рта. Больно уже не было. Видимо, меня накачали снадобьями, потому что ни пошевелиться, ни заговорить не получилось. Я словно плавала в прохладном тумане, но слушать и ощущать запахи могла. Хоть что-то. Уже не так страшно.

Вокруг столпились близкие, кто-то плакал. Маленькой частичке моего существа на мгновение стало жаль, что нет возможности прямо сейчас открыть глаза и успокоить волнующихся за меня людей. Я жива. Нигде не болит, значит, и здорова тоже. А лицо... Оно у меня и прежде красотой не отличалось. Переживу как-нибудь. Обидно только, что на Бал Масок уже точно не попаду. Мне бы хотелось.

Туман сделался менее плотным, и к хорошо знакомым запахам примешался еще один. Тоже знакомый, но совсем не такой родной.

Анб. Риссий лекарь.

А через минуту стали слышны голоса. Они доносились совсем слабо, словно через слой ваты, и все же я смогла разобрать, о чем говорят.

— Этот цветок чуть не сожрал заживо мою дочь!!! — Аделина рыдала и явно искала, на ком бы выместить отчаяние.

Ну а для чего еще женщине нужен муж?

— Я собственноручно вырубил их все топором, — поспешил утешить ее благоверный. — А Тавиш иссушил корни и заговорил землю, больше там никакая гадость не вырастет.

Гневное сопение перемешалось с всхлипами.

— Это все ты виноват. — Уничтожения врага маме показалось недостаточно.

— Я?! — ужаснулся Новак.

— Конечно! Насажал вокруг дома хищных цветов, а они собаку мою съели, теперь на дочку посягнули. Вот как бедной девочке теперь жить с сожженным лицом?!

Честное слово, я бы рассмеялась, если бы могла.

Зато пока они разбирались, кто больше виноват и в чем именно, я

наконец поняла, что именно случилось. Цветы, оставшиеся от прошлых хозяев и, справедливости ради, не имевшие к бедному Новаку никакого отношения, оказались хищными. По вечерам они пробуждались и заглатывали кого-нибудь съедобного. Поначалу жертвами были птицы. Потом несчастная Соня. И в конце концов я.

Повезло еще, что рядом оказалась Нала! Было кому на помощь позвать.

Поймав жертву, цветок зажимал ее в бутоне, обездвиживал своим ядовитым соком и принимался переваривать. Меня он схватил за голову. Лицо оказалось ближе всего к сердцевине, ему-то больше и досталось. Если верить всеобщим причитаниям, когда меня вытащили, там одно кровавое месиво было.

Тавиш с Анбом сделали все возможное, но что окажется под бинтами, когда их снимут, не брался предсказать ни один из них.

Имея дело с молодой девушкой, так ужасно пострадавшей, лекарь несколько дней продержал меня под сонными зельями. Боялся, что приду в себя и впаду в отчаяние. И не знаю, сколько бы это продолжалось, но на четвертый день мой организм к этим снадобьям привык, и я проснулась раньше, чем все рассчитывали. Ну и сообщила страждущим, что убиваться по поводу загубленной внешности не собираюсь.

Досадно, конечно, но я уже как-то смирилась с тем, что до конца жизни придется носить маску. Подумаешь, сменю белое кружево на черное! И не стану покупать в новый дом зеркала.

Анб усмехнулся, собрал все свои пузырьки и скляницы и усыплять меня перестал. О чем я вскоре люто пожалела, потому что лежание в постели оказалось настоящей пыткой, а всеобщая забота порой доводила до зубовного скрежета. А еще и кушать в повязке было страшно неудобно. Один Тавиш радовал. Он появлялся дважды в день, чтобы что-то там поколдовать над моим лицом, когда Говард делал перевязку, ну и чтобы просто побыть со мной. Шутил, дразнил — не всегда по-доброму, но на фоне всеобщего приторного сочувствия это казалось глотком свежего воздуха. Как раз то, что нужно!

Перевязки новых открытий не приносили, но и больно уже не было. Все же иногда магия — полезная штука. И Тавиш тоже полезный. Иногда. Что там под бинтами, я не спрашивала, не хотела знать. Зеркал в комнате не было. Видимо, мама приказала их убрать. Рядом что-то говорили о регенерации риссов, особом яде цветка и непредсказуемых последствиях, но я не стремилась понять детали.

Не больно — и ладно.

После очередной процедуры меня поджидал сюрприз.

— Дорогая, к тебе гость, — улыбнулась Аделина, сунувшись в дверь. Потом отодвинулась, а ее место занял бледный и весь какой-то торжественно серьезный Гордик с огромным веником мелких желтых цветочков.

— О, вижу, вас лучше оставить одних, — понимающе хмыкнул риссий лекарь. И уже на пути к двери себе под нос добавил: — Удивительно, как Тавиш Дивальд еще не прикопал где-нибудь это чудо. Все-таки я прав: у нормальных людей все слишком сложно!

И, продолжая ворчать, скрылся за дверью.

— Как ты себя чувствуешь? — будто боясь чего-то, поинтересовался Гордик, который так и не решился подойти ближе.

Мысленно я скорчила рожицу. Его неуверенность и воспитанность, граничащая с затюканностью, начинали раздражать. Ну да сейчас не о том. Надо собраться. Я думала о наших отношениях и решила, что теперь, когда лицу точно конец, надо с ними заканчивать. Хватит уже тянуть кота за хвост. Будет несправедливо, если ему придется продолжать знакомство из чувства сострадания ко мне.

— Нормально, — отмахнулась я. Еще бы и улыбнулась с удовольствием, но от мазей, которые использовал Анб, лицо становилось не очень подвижным, да и бинты мешали. Приходилось ограничиваться одними словами: — Да подойди уже наконец, хватит там маячить!

Парень положил букет рядом со мной и взял себе стул.

— Ужасно получилось, — пробормотал он.

— Да. Кстати об этом. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Вот так. Вдох-выдох. Смелее, Михаэлла!

Но прежде чем я успела подобрать слова, он резко вскинул руку, призывая молчать. И уверенно попросил:

— Можно, я первый?

Идея так себе, но в его голосе вдруг появилось столько уверенности, что я, как слабая девушка, уступила.

— Ладно, давай.

— Ты хорошая, правда. И очень мне нравишься. — Так, начало предсказуемое. Но этот прямой взгляд... Что-то с Гордиком сегодня не то. — И мне стыдно, что приходится это говорить сейчас, но я много думал и... Прости, я не могу. Все будут видеть твое лицо и жалеть нас обоих. И даже блеск камней, которыми я могу осыпать тебя, не прикроет уродства. Михаэлла, давай останемся просто друзьями! Хотя я пойму, если после

сегодняшнего разговора ты возненавидишь меня.

А... Э-э-э... Мне не послышалось? У меня не галлюцинации? Он это правда сказал?!

— Вот, возьми. — Из кармана дорогого камзола появилась обтянутая бархатом коробочка и легла рядом с букетом. — Это тебе. Можешь продать, в твоём нынешнем положении деньги лишними не будут.

Молчу. Осознаю.

Странно, я ведь и сама собиралась попросить его поискать другой объект для ухаживаний. Но когда этот парень оказался не совсем таким, как я о нём думала, почему-то впала в ступор. Умеют же некоторые удивлять!

— Ну, я пойду? — Так и не дождавшись какой-нибудь реакции, он встал и направился к выходу.

И тут у меня вырвалось:

— Я же все время была в маске! Под ней могло оказаться любое лицо...

— Брось, всем известно, что под белым кружевом скрываются самые красивые девушки! Это для Бала Масок — Гордик сочувственно взглянул на меня через плечо. — К тому же в остальном ты очень красивая, Михаэлла. И хорошая. Прости, пожалуйста, мне искренне жаль, что так получилось.

Он вышел, тихонько прикрыв за собой дверь, я же откинулась на подушки, прикрыла глаза и испытала странное облегчение. Даже хорошо, что так все кончилось. Ненавижу врать.

— Михаэлла? Все хорошо? — долго пробыть одной мне не дали. Минуты не прошло, как в комнате появилась Аделина.

Да. Но когда у тебя есть заботливая мама, волей-неволей становишься немного нытиком. Особенно если перед этим тебя чуть не съел большой цветок.

— Кажется, от меня только что попытались откупиться. — Понимание принесло с собой приступ смеха, но поняли меня немного не так.

— Вот негодяй! — Аделина в момент оказалась рядом, смела с кровати подношения и уселась рядом со мной, обняла. — Хочешь поплакать?

— А может, лучше поесть? — реагировала я как истинная рисса, разве только загрызть никого не рвалась.

Видимо, судьба выбрала этот день для чего-то важного, потому что визиты на Гордике не закончились. Едва мы с Аделиной успели отойти от его появления, как приехала Юлианна. И хотя лично я была рада видеть риссу, мама все ещё находилась под впечатлением от предыдущего гостя,

так что наотрез отказалась оставлять нас одних. Вдруг и эта что-нибудь выкинет?

Но тут обошлось. Разговор вообще получился живым и интересным. Приятно было, что еще кто-то, кроме Тавиша, обращается со мной как с нормальным человеком, а не как с любимым ребенком на смертном одре. Мы болтали, смеялись. Мама и Юли пили чай и трескали пирожные, мне же такая роскошь пока была недоступна. Только чуть теплый бульон через трубочку, чтобы не сместить случайно повязку. В итоге за маленький кусочек корзинки с кремом я готова была душу продать!

А под конец, уже собираясь уходить, Юли по страшному секрету рассказала, что Эд собирается появиться на Балу Масок, чтобы присмотреть себе возможную невесту. Вот это будет зрелище! Я ведь знаю, что если вожаку что-то нужно, он сметает все на пути. И как люди относятся к риссам, считая их животными в человеческом облике, тоже знаю. Предчувствую, этот бал запомнят надолго! Жаль, сама не увижу...

Ушла рисса, когда уже начало темнеть.

День оказался выматывающим, или это я еще не полностью оклемалась, но когда Анб что-то там колдовал над повязкой, я уже почти спала.

Совсем спала...

Сладко. Но недолго.

Потому что над ухом рявкнули:

— Щенок малодушный! Придушу уродца!

Я так и подпрыгнула, естественно, не испытав ни малейшей радости от пробуждения.

— Миша, ты как? — Стоило разлепить глаза, как перед носом оказалась хмурая физиономия Тавиша.

Да что ж за день-то такой! Даже ночью покоя не дают!

— Была в норме, пока ты не явился и не начал рычать над ухом, — проворчала, закутываясь поплотнее в одеяло.

Присутствие в комнате незамужней девушки вроде как постороннего мужчины уже не только меня не смущало, но и домочадцы вели себя так, словно это в порядке вещей. И когда этот «посторонний» уселся рядом со мной на кровать, никто даже ухом не повел.

— Не раскисла. Хорошо, — оценил мое состояние Тавиш. А потом в своей обычной манере принялся раздавать указания: — Выйдите все, нам с Мишей надо поговорить. А лучше идите-ка спать, у нас это надолго.

Проводив взглядом маму, Новака и двух служанок, невеста как здесь оказавшихся в поздний час, я внимательно всмотрелась в лицо Тавиша, но

понять, что он задумал, в этот раз не смогла. А что-то задумал точно! Уже очень таинственный у него был вид.

— Ты меня пугаешь, — сказала честно, усаживаясь в подушках. — Может, не стоит ничего говорить, а? Разговоры у меня сегодня не ладятся.

С мужчинами, во всяком случае.

Но этот выпад удостоился лишь недовольного взгляда.

— Миша, помолчи, пожалуйста! И послушай.

Куда деваться, внимаю. А он молчит! Минуту, другую... кажется, целую вечность.

А потом как выдаст:

— Выходи за меня замуж.

Запрещенный прием. Удар под дых. Захотелось спрятаться под кроватью.

— Мне не нужна твоя жалость, — через несколько мгновений, справившись с собой, проговорила ровно. Только заморгала чаще, чтобы он не заметил навернувшихся слез. — Ты же знаешь, я справлюсь.

Мужчина, сидящий рядом, облизал пересохшие губы и громко, как-то болезненно сглотнул.

— Разве я похож на человека, способного жениться из сострадания?

Любой, но не он. Да что там, даже правильный Гордик сбежал, поджав хвост.

Нет. Точно нет.

— Тогда почему? — кажется, одними губами спросила.

Подавшись ближе, Тавиш приласкал дыханием мое плечо.

— Я люблю тебя, наивное создание, — почти так же тихо признался он.

Чуткие пальцы пробежали там, где миг назад кожи касалось его дыхание. Меня будто молнией пронзило. Пришлось натянуть одеяло до самого подбородка. Мне сейчас нужна светлая голова!

— Знаю, тебе нужен не такой, как я, — продолжал говорить наколдованный. — Правильный. Спокойный. Может, даже немного скучный. Я принял твое право решать и отступил в сторону. Но сейчас... прости за откровенность, но спасти лицо уже вряд ли удастся. Маловероятно, что кто-то сможет принять тебя вот такой. А я могу. И хочу. Так, может быть, ты обдумаешь мое предложение? Если, конечно, я тебе не совсем противен...

«Романтичнее» предложения свет не видывал... Но я улыбалась под повязкой, изрядно намокшей от слез, дрожала и боялась поверить в услышанное. Так не бывает! Не может быть!

Безумный день.

Может, я сплю?

— Кто тебе сказал, что мне нужен... ну, другой? — спросила, захлебываясь эмоциями.

Но мне так хотелось понять. Поверить.

— Ты, — чуть отстранившись, сообщил Тавиш.

Да, я говорила что-то такое. Старалась убедить себя.

Покровители, что же я наделала!!!

Чуть было не наделала.

— Девушки много чего говорят. — Прошедшие месяцы изменили меня, раньше бы я даже подумать ничего такого не посмела. — Откуда мне было знать, что ты... Уф! Ты ведь даже не пытался за мной ухаживать!

Обидно немного было, но это глупое чувство пересиливало искрящееся, дурманящее счастье. А вдруг преждевременное? А...

— Я пытался, — серьезно заявил наколдованный.

— Когда? — опешила я.

Не припомню что-то...

— В домике на болотах, — пояснил Дивальд. — Ты тогда чуть не утопилась. И я понял, что не нравлюсь тебе. А там, откуда я родом, это значит все, продолжать настаивать нельзя. Последнее слово всегда за женщиной, она выбирает себе мужчину. Один раз, но решать ей.

Захотелось его прибить. Вот как можно быть таким твердолобым?

Поддавшись эйфории, я схватила подушку и изо всех сил треснула его по голове. А сил из-за крови риссов у меня было много. Так что перья полетели!

— Это нет? — обреченно уточнил этот непонятливый тип.

— Да! — воскликнула я. Сдерживаться больше не было сил, и я бросилась ему на шею. — Я тоже тебя люблю! Хоть ты и бестолковый, упертый, твердолобый... мм... мм... мм-м!..

Да, рот заткнули мне самым действенным способом. Сладким, упоительным, долгим поцелуем.

И промокшая от слез повязка совсем не мешала!

Неприметный экипаж неспешно петлял по улицам города. В третий раз подавив желание отодвинуть шторку и выглянуть в окно, я покрутила на пальце кольцо — простой ободок из потемневшего от времени серебра, испещренный древними символами, его Тавиш презентовал мне на следующее утро после сумбурного объяснения. И не успокоившись этим, перевела настороженный взгляд на сидящую напротив Аделину:

— Куда мы едем? Ну скажи! Я ведь на улице всех прохожих распугаю...

Маску поверх повязки не натянешь, даже волшебную. А девица в роскошном платье, но с перебинтованным лицом выглядит, мягко говоря, диковато. Так что опасения мои были вполне обоснованны.

— Хочу сделать тебе подарок к помолвке, — улыбнувшись, пояснила мама.

Легче не стало.

— Не надо!

Я не скромничала, просто то, что случилось у нас с Тавишем, и помолвкой-то назвать сложно. Никаких объявлений делать мы не собирались праздников устраивать не планировали, в нарушение всех мыслимых и немыслимых приличий один из богатейших женихов столицы собирался уехать в отдаленный замок и там тихо сочетаться браком с неизвестной девушкой. Из гостей — только родственники. Единственное, я настояла, чтобы отъезд состоялся уже после окончательного снятия повязки. Должен же он знать, на что подписываемся.

— Заодно и расскажу кое-что. — Но Аделина меня не слушала. — Тебе наверняка любопытно.

Вскоре экипаж остановился возле одного из рынков. Я похолодела.

— Ни за что не выйду!

— И не надо, просто смотри в окно — отмахнулась эта авантюристка и с помощью слуги выскользнула на многолюдную улицу.

Исполнить ее просьбу оказалось непросто, но я постаралась. И даже смогла проделать так, чтобы никто ничего лишнего не заметил. Благо столичных жителей, даже беднейших из них, мало интересовали прохожие и экипажи, все были заняты собственными делами.

Из щелки, появившейся, когда я чуть сдвинула занавеску, открылось занятное зрелище Аделина подошла к фонарному столбу магического освещения, чуть коснулась его пальцами... и открылся небольшой тайник. Женщина победно улыбнулась, подмигнула мне, забрала то, за чем пришла, вернула все как было и через минуту забралась обратив в экипаж.

— Это тебе. Владей. — Мне на колени упала прямоугольная коробочка, обтянутая кожей. — Я же говорила, мой первый муж наделал тайников и все их мне показал.

Открыв неожиданный подарок, я увидела ожерелье — два плотно сплетенных ряда жемчуга, а в центре черная жемчужина покрупнее.

— Очень красивое, — смущенно признала я.

— Если бы твоя мать не была такой невезучей, ты могла бы быть

законной наследницей всего этого, — вздохнула Аольская.

Развивать тему не хотелось, тем более что тогда мне пришлось бы напомнить ей о еще двух не менее законных наследницах. Из прошлых разговоров я уже знала, что девицам достался дом, набитый антиквариатом, права на труды отца и еще много всякого. А еще из общения с Нарьей знала, что теперь большей части этого уже нет. Может, не так уж не прав был пожилой маг, не желая оставлять им главного?

— Ларец тоже в тайнике? — Прежде я остерегалась касаться этой темы, считая вопрос невежливым, но уж лучше говорить об этом, чем выяснять, у кого больше прав на наследство.

Судя по тому, как азартно блеснули ее глаза, Аделине понравилось, куда свернула тема.

— Был, пока Марта его не украла. Я ей сказала, где он, и попросила перепрятать, боялась, что Бартош или падчерицы доберутся до него раньше меня. Это было возможно, он прямо в доме хранился, — охотно поддержала разговор она. — Но паршивка решила все присвоить себе. Впрочем, я знаю, где мои сокровища, и собираюсь получить их. Сегодня.

О...

— Они в столице? — Так и знала, что Ффруа ищут не там!

— Нет же! — нетерпеливо мотнула белокурой головой эта охотница за приключениями. — Они надежно спрятаны рядом с местом, где ты раньше жила.

— В Черном Лесу? — ойкнула я.

— На болотах, — уточнила Аольская.

— И как ты собираешься оказаться там сегодня? — Глупый вопрос. Если бы не растерялась, я бы его не задала.

— Я уже заказала портал, — ослепительно улыбнулась Аделина.

Чувства были смешанные, но чего я точно не испытала, так это радости. Возвращаться в те места не хотелось. Это все равно что окунуться в прошлую жизнь, хоть и на час или два, а неприятно. Да еще получается, что мы переносимся тайно. Дома Аделина сказала, что мы по магазинам, даже Новак не в курсе. Или все-таки в курсе?

В конце концов мое настроение не осталось незамеченным.

— Что-то не так? — приподняла брови зачинщица безобразия.

Вот как им всем объяснить, что я просто хочу жить спокойно, а потому отнюдь не испытываю восторга, когда близкие втягивают меня в свои авантюры. А делают они это с упорством, достойным лучшего применения. Только Тавиш успокоился, как эстафету перехватила мама!

— Мне нужно предупредить жениха. — Я честно пыталась быть

благоразумной.

На что родительница лишь расхохоталась.

— Дорогая, не следует растворяться в мужчине, иначе очень быстро ты перестанешь быть ему интересной, — выдала ценный, но непрошенный совет она, а потом подвела всему итог: — Обойдется.

Гневное сопение не подействовало. Все уже было решено.

— Там сейчас лихорадка, ты можешь заразиться. — Я попробовала зайти с другой стороны, но и это не сработало. В своем стремлении заполучить ларец Аделина была неудержима.

— А мы не станем заходить в само селение, только на болота за ларцом — а потом сразу обратно в город. Ничего со мной не случится.

Еще несколько минут я безуспешно пыталась отговорить ее от рискованной затеи, упирая на то, что лучше будет поехать через несколько дней, всем вместе и без порталов. Новак не откажется, и мне было бы спокойнее, если бы рядом был Тавиш. Кто бы меня еще послушал! На все уговоры Аделина не обращала никакого внимания, будто разговаривала с капризничавшим ребенком. И в конце концов я сдалась.

Мы пересекли весь город, чтобы оказаться на очередной окраине. Обозрев трущобы и пустынную улицу, я обреченно вздохнула и выбралась из экипажа.

Клянусь покровителями, это мое последнее приключение! Больше никогда, ни за что, ни с кем!

— Смелее, дорогая, — подтолкнула меня в спину мама.

Путь наш лежал в дом, похожий на развалину. Протяжно скрипнула дверь, и я практически ослепла от контраста темноты и сияющих зеленою узоров на полу. Точь-в-точь такой же узор я уже видела на острове каторжников. Тогда все закончилось плохо. Надеюсь, хоть в этот раз пронесет.

— У меня все давно готово, госпожа. — В стороне, так, чтобы не наступать на горящие в темноте линии, стоял молодой маг с хитрым лицом.

— За это я тебе и плачу. — Аделина швырнула ему туго набитый кошель, который парень ловко поймал. — Остальное получишь, когда мы вернемся целые и невредимые.

— На все про все у вас примерно два часа, — сознательно кивнул маг.

Он мне сразу не понравился. Наверное, тем, что избегал смотреть нам в лица, все время отводил взгляд. Хотя, может, это из-за моей повязки, а я себе напридумывала всякого.

— Вперед! — скомандовала Аделина и решительно толкнула меня на узор.

Ощущения тоже были знакомыми. Знакомо мерзкими. Видимо, маги все-таки мазохисты.

Зато действительно быстро: минуты не прошло, а перед глазами уже раскинулся знакомый с детства пейзаж.

— Идем, действовать надо быстро. — Аделина мне и опомниться толком не дала, вцепилась в руку и потащила в лесную чащу.

Надо заметить, она неплохо ориентировалась в местных безопасных тропинках. Но я все равно следила за дорогой. На всякий случай. Скоро стало понятно, что путь наш лежит к самому дальнему домику, тому самому, где мы прятались с Тавишем несколько дней. Теперь кажется, это было целую вечность назад!

— Давно ты знаешь, где ларец? — спросила я, чтобы как-то отвлечься.

— Достаточно, — напряженно отозвалась мама.

Замолкать я не собиралась. Сама потащила меня сюда, теперь пусть терпит.

— А почему не забрала его раньше?

— Мне нужна была ты. — Аделина бросила на меня пристальный взгляд через плечо и крепче сжала руку. — Он тяжелый. А ты у нас девочка сильная. Еще он заразный, а у тебя иммунитет.

Это все кровь риссов. Но я не в обиде.

Помолчав немного, Аольская добавила еще подробностей:

— Однажды я уже пыталась его достать. Когда меня освободили, мы с Новаком сразу же отправились сюда, заплатили одной побирушке за помощь, но ничего не вышло. Она подхватила лихорадку, удрала от нас, разнесла болезнь... Как видишь, без тебя с твоей защитой перед заразой здесь не обойтись.

— Расскажешь, что в нем?

— Даже покажу, когда достанем, — легко согласилась родительница. — Ты учила историю? Слышала когда-нибудь о Мирдиганне? Это древнее поселение когда-то находилось недалеко от современной Ирганны и по преданиям было сказочно богато. А еще говорят, что его последний правитель до безумия любил свою единственную дочь. Ко дню ее свадьбы он приказал изготовить необычные украшения: роскошную корону с символами всех земель, входящих в его владения, и к ней в комплект ожерелье, браслеты, серьги и три кольца.

— Они в ларце? — Я никогда не слышала этой легенды и вообще не верила во всякие рассказы.

— Дослушай, если уж спросила! — шикнула на меня Аольская. И продолжила: — Но выйти замуж за самостоятельно выбранного жениха

принцессе было не суждено. Налетели кочевники, Мирдиганн почти сравняли с землей, а девушку и ее драгоценности увезли в подарок своему вождю. Но не прошло и месяца, как все их племя вымерло от неизвестной болезни. Только похищенная уцелела, а потом вернулась домой вместе со своими богатствами. Что с ней и ее владениями было дальше, неизвестно, но драгоценности эти с тех пор считаются проклятыми. Якобы того, кто попытается присвоить их, ждет страшная смерть. Я в эту чушь не верю. Мой первый муж привез их с раскопок еще задолго до нашей свадьбы, и ничего, жил себе, на здоровье не жаловался. Но на Марте сработало.

Последнее было шуткой. Не смешной.

Печальная история окончательно испортила настроение, и до места мы добирались в молчании. Не знаю, какие мысли бродили в голове Аделины, но лично я старалась представить какой-нибудь счастливый финал для принцессы, вернувшейся в разоренные земли. Пусть, например, ее отец и жених как-то сумели выжить и вместе они смогли все восстановить. Хотя на самом деле было, наверное, не так, учитывая, что то древнее государство до наших дней вообще не дожило.

— Пришли, — выдернула меня из царства грез родительница. — Достанешь?

Ну а зачем еще я здесь?

Наклонившись, я обзрела изрядно подгнившую веревку. Если не знать, ее ни за что не заметишь, потому что по цвету она полностью сливается с местной растительностью. Виден только узел, остальное утопает в болоте. Представляю, как бы вытянулись лица местных, узнай они, что столько лет прожили бок о бок с несметными богатствами! Но действовать надо осторожно, веревка слабая, может порваться, а нырять в болото как-то не хочется.

Присев на корточки, я осторожно потрогала веревку: точно не выдержит.

— Давай, только аккуратно, — поторопила Аделина.

Справляясь с нервами, она расхаживала взад-вперед по тропинке, а я постоянно отвлекалась на нее. Боялась, что поскользнется и свалится в болото.

Хрусь... Тонкий слух уловил один выбивающийся из общей гаммы звук. Я напряглась и настороженно взгляделась в сторону, откуда он слышался.

— Что там? — прошипела над головой Аделина.

— Кажется, идет кто-то...

Нет, не кажется. Я уже отчетливо различала шаги. Этого еще не

хватало!

Аделина плавно повернулась и стала всматриваться туда же, куда и я. Испуганной она не выглядела. Разве что немного заинтересованной. Мое же чутье просто вопило об опасности.

И оно оказалось право.

— Дамы, — слегка поклонился Джереми Ффруа. — Так вот где мои сокровища!

Шок оказался таким сильным, что я сама чуть в затхлую жижу не бултыхнулась.

Откуда здесь Ффруа? Он что, следил за нами?! А с другой стороны, какая разница. Важно, что теперь делать?

Следующая мысль получилась какой-то отстраненной: интересно, если сейчас брошусь на него, смогу справиться? Сил вроде бы должно хватить, хотя я толком не умею драться. И вот что стоило попросить Тавиша научить?

Пока я обдумывала план, Аделина действовала.

Я не разглядела, что у нее в руках. Лишь уловила одно молниеносное движение.

Ффруа страшно захрипел, схватился за шею, покачнулся и рухнул прямо в болото.

Плюх — и все. Вокруг установилась страшная, пробирающая до доньшка души тишина.

— Это оказалось слишком легко, — нарушила ее Аделина. — Что замерла, действуй!

Последние слова относились ко мне, но я даже не шелохнулась. Она только что убила человека, а говорит об этом так, будто воды попила.

— Что это было? — Голос звучал сипло и слушался с трудом.

— На острове я научилась всяким штучкам, — равнодушно отозвалась родительница. — Отравленные иглы, например. Хочешь, и тебя научу? Правда, надо готовить состав и искать мага, который немного зарядит их.

Сглотнуть получилось с трудом.

— Спасибо, не нужно.

— Вытаскивай уже, не то к portalу опоздаем!

Примерившись к веревке во второй раз, я поняла, что придется сунуть руку в воду и перехватить пониже. Только так есть шанс вытащить. Но восторга от этого само собой не испытала.

Сдвигала рукав нарочито медленно, будто старалась отсрочить неприятный момент. Почему-то все внутри противилось, не желало касаться болотной жижи. Когда же больше отвлекаться стало не на что и я

примерилась, как лучше ухватиться, чтобы веревка не рассыпалась в труху, из-за деревьев слышалось:

— Миша, не трогай. Я достану.

Аделина плавно развернулась, как тогда, с Ффруа.

И мне пришлось сопротивляться инстинкту, требовавшему броситься на нее и свалить с ног. Защищать.

— Не смей в него ничем швырять! — зашипела я, еле сдерживаясь.

Мрак бы подрал кровь риссов!

— Прости, я просто испугалась, — сквозь зубы процедила родительница, пряча что-то за отворот рукава.

Определив, что стало безопасно, Тавиш вышел из своего укрытия и направился к нам. Как водится, по дороге раздавал команды:

— Миша, отойди шагов на десять, вон к тем деревьям. Не хочу, чтобы тебя случайно обрызгало.

— Но...

— Делай, как говорю! — Напряжение, вибрировавшее в его голосе, заставило подчиниться.

Да что тут вообще происходит? Откуда на болотах взялся Тавиш? Он же не задумал присвоить ларец? Нет, навряд ли. Денег у него своих хватает, а на сумасшедшего любителя редких вещиц он тоже не похож. А вот авантюры бывший демон обожает. Видимо, просто хочет первым заглянуть внутрь.

Рассуждая таким образом, я почти успокоилась, остановилась на безопасном расстоянии и стала наблюдать. Аольская же осталась рядом, ничуть не боясь запачкаться.

Схватился за веревку Тавиш так, как и я собиралась. Поначалу все шло хорошо. Вязкая буро-зеленая жижа всколыхнулась, на миг показался край ларца... а потом веревка лопнула и ларец вернулся туда, где провел последние годы. Тавиш глухо ругнулся и бросил беглый взгляд на Аделину:

— Достану.

Впрочем, энтузиазма в его взгляде, брошенном на болото, в которое предстояло нырнуть, не наблюдалось.

Происходящее явственно пахло безумием. В конце концов я не выдержала:

— Может, ну его, этот ларец. Кому он вообще нужен?

— Помолчи, — довольно грубо одернула меня Аделина. — Мне нужен. Он мой по праву.

Обидно стало почти до слез. Мама Мианна со мной так никогда не разговаривала!

— Сказал, достану, — глухо рыкнул Тавиш, снимая сапоги. Потом повернулся ко мне, тихо сказал: — Мишка, я люблю тебя.

И скрылся в мутной, мерзко пахнущей жиже.

Я всхлипнула и зажала рот ладошкой. Аделина напряженно ждала.

Его не было, наверное, несколько мгновений, но они показались вечностью. Когда же над болотом показалась светловолосая голова, мы обе выдохнули с облегчением. Правда, причины у каждой были разные.

Живой!

Достал!

Водрузив ларец на тропинку, Тавиш выбрался сам. Наверное, он очень сильный, раз смог нырнуть в болото и вернуться вместе с ношей. Даже я не уверена, что справилась бы, а ведь я отчасти рисс. Аделина к желанной добыче не бросилась и тому, кто ей ее добыл, руку помощи не подала. Это отозвалось глухим раздражением. Никогда бы не подумала, что она может быть такой... Мне же приблизиться к любимому попросту не дали. Стоило сделать шаг в том направлении, как Тавиш это засек и упреждающе зарычал:

— Стой там!

Определенно, что-то тут происходит. И я единственная, кто не в курсе. Даже обидно.

— Теперь открой, возьми ткань, которой прикрыты драгоценности и положи сюда. — Аольская бросила на землю перед Тавишем небольшой кожаный мешок.

Он сделал, как она велела. И особого восторга на непривычно раскрасневшемся лице что-то не наблюдалось. Странно, ведь он любит разгадывать загадки. Однако сейчас Дивальд был решителен и угрюм, и вообще вид имел какой-то болезненный. На несметные богатства, сверкающие в ларце, едва взглянул. Меня тоже сокровища не интересовали, я лишь заметила, что они на месте. А вот Аделина не могла отвести от переливающегося великолепия глаз и даже не пыталась сдержать улыбку.

Стоило заколдованному отложить кожаный мешок в сторону, как раздался хлопок, мешок вспыхнул и осыпался горсткой пепла. Тавиш смахнул его в болото, а потом еще и заклинание туда швырнул. Сияющая белая сеть легла на воду и исчезла, будто утонула.

Вроде бы все прошло хорошо. Но с Тавишем явно было что-то не так. Я чувствовала это и едва могла дышать от страха.

— Тавиш... — прошептала беспомощно.

— Не подходи, — без всякого выражения прошелестел мой жених и завалился на землю.

Меня опалило таким ужасом, от которого захотелось скулить.

А Аделина смотрела на расprostертое у ее ног тело так, будто с трудом сдерживается, чтобы не спихнуть его в болото. Впрочем, ничего такого она сотворить не пыталась. Напротив, повернулась ко мне и воодушевленно сообщила:

— Ну вот, больше никаких болезней с этих болот не придет. Мы уничтожили лихорадку, а Тавиш запечатал выход наружу заразе, оставшейся в болоте.

Да. Но какой ценой?!

Кто бы мог подумать, что совсем скоро мне вновь придется выхаживать больных. Одного больного.

Тавиш третий день метался в горячке.

Я за это время поспала только раз, когда Ридуш напоил меня чаем, который, по словам мага, должен был помочь восстановить силы. Но о том, что все это я получу после нескольких часов сна, он как-то запечатывал упомянуть.

Остальное время я трясущимися руками выполняла привычные едва ли не с детства действия и молила покровителей, чтобы все обошлось.

— Он сильный, выкарабкается, — неизменно «подбадривал» Оргис. — Видишь, даже язв почти нет.

— Зачем он вообще полез туда?! — Паника третьи сутки не отпускала, меня трясло. — Это должна была сделать я! Мне бы ничего не было!

— Мы не знаем этого точно, — не мог остаться безучастным риссий лекарь. — И если бы раньше ты хоть немного интересовалась своей судьбой, была бы в курсе. Сок того цветка значительно ослабил твой иммунитет.

Прав ли он, мне было неинтересно.

Они на пару пытались вытолкнуть меня прочь, но я уперлась. И не заболела же! Как Аделина и сказала, новых случаев заражения больше не случилось. Тавиш оказался последним. Но покровители что-то не спешили его спасать, видимо, не их царства подданный. А какие силы еще можно попросить о помощи, я просто не знала.

Оставалось надеяться на Анба с Ридушем.

Как я потом узнала, Тавиш появился на болотах не случайно. Из-за привязки он почуял мое беспокойство и логично предположил, что я нахожусь в опасной близости от очередных неприятностей. Найти портал для бывшего демона, а ныне сильного мага труда не составило, как и «разговорить» нанятого Аделиной парня. Осознав, во что втравила меня

родительница, Тавиш рванул спасать. Хорошо, по дороге сообразил связаться с Ридушем и предложить ему поучаствовать в этом нелегком деле. Он-то бессознательного друга до селения и волок. А по дороге рассказывал о своих успехах: в лечении они были, но в причинах болезни разобраться он пока не успел, времени на это просто не оставалось, все его отнимали больные. Поэтому куда ценнее был мой рассказ про ларец и все наши приключения.

Анб появился к вечеру. Аделина... Ух, зла на нее не хватает! В общем, она все-таки успела к portalу и, прихватив ларец, умчалась в столицу, а оттуда уже прислала нам на помощь лекаря. И денег прислала, много. На борьбу с лихорадкой, в которой вроде как есть и часть ее вины.

Самое забавное, что в искренности Аольской я не сомневалась. Равно как и понимала, что она бы ни перед чем не остановилась, чтобы заполучить сокровища. Хотя справедливости ради надо признать, что про действие сока цветка она тоже не знала.

Местные приняли меня как родную, даже листовку на новостном столбе поменяли. Теперь вместо «разыскивается» и списка злодеяний там висело объявление о возвращении и восторги по поводу этого радостного события. Вот, оказывается, что может сотворить с общественным мнением платье подороже. Когда была нищей сиротой, хоть и полезной, они носы воротили, теперь же величали едва ли не спасительницей, и это при том, что здешними больными занимались маг и лекарь, а я не отходила от Тавиша.

Еще через день паника завладела мной окончательно, а вера в счастливый исход практически сошла на нет.

Жизнь без Тавиша мне представлялась бессмысленной. Кажется, совсем недавно мы даже не знали друг друга, а вот теперь... Ну как я без него? Кто станет втравливать меня в приключения, а потом и вытаскивать из неприятностей? А изводить бесконечными подначками?

Никакие драгоценности не стоят человеческой жизни. Особенно его.

— Это все Аделина с ее проклятыми сокровищами, — шептала я, вглядываясь в бледное, осунувшееся лицо любимого. — Никогда ее не прощу!

— Не надо громких слов. — Голос Говарда, раздавшийся от двери, заставил меня вздрогнуть. — Госпожа Аольская очень помогла, выделила средства на лечебницу, а ее муж хлопочет о назначении сюда постоянного лекаря. А еще, по непроверенным слухам, они собираются открыть здесь несколько магазинов.

— Какой в этом смысл, если из-за лихорадки селение почти

вымерло? — Своего Анб добился, я отвлеклась от Тавиша и повернулась к нему.

— Через пару лет Черный Лес оживет, и здесь будет проходить важный торговый путь, — не согласился собеседник.

Как человек, который постоянно вращается в кругах сильных мира сего, хоть и не является одним из них, Анб в таких вещах понимал побольше моего. Мне же было без разницы. Хочет Аделина таким образом свои прегрешения перед обитателями этих мест искупить — пожалуйста! Может, и ее изображение на новостном столбе повесят с восхвалениями.

— Легко быть добренькой на расстоянии и за чужой счет, — все же сорвалось с языка.

Анб понимающе улыбнулся.

— Постарайся ее понять, — терпеливо увещевал он, подойдя ко мне и проникновенно заглянув в глаза. — Ей многое пришлось пережить: нужду, тяжелую работу, несправедливое заточение, годы страха. И тебя она любит, как может, но и постоянно помнит о том, что ты — дочь ее мучителя.

Угу. А еще ключик к желанным сокровищам. Ведь она знала, что только я могу вытащить ларец и уничтожить источник страшной болезни. Может, потому и была со мной мила. Вот как теперь ей верить?

Отвечать я не стала, не желая продолжать препирательства, но по моему лицу Говард и так все понял. А потому, как разумный человек, поспешил сменить тему:

— Дай-ка пока посмотрю, что там у тебя под повязкой, а то за всей этой беготней я как-то подзабыл свою главную пациентку.

— Не нужно, — буркнула и еще больше насупилась.

— Ведешь себя как ребенок, — удрученно покачал головой Анб. — Нельзя так наплевательски относиться к своему здоровью.

— Какая теперь разница? — отмахнулась я. — Хуже, чем есть, точно не станет.

Неодобрительно поджав губы, Анб все же попытался придержать меня одной рукой, а второй что-то там проделать с повязкой, но я с силой мотнула головой и почти выкрикнула:

— Да отстаньте вы уже, наконец!

Его недовольство усилилось. Но раньше, чем Говард смог выразить это словами, меня одернул другой человек.

— Михаэлла, Анб прав. — Слабый голос подействовал лучше подзатыльника. — Когда ты успела стать такой капризной? Эх. Говорили мне, что у рисс характер тот еще... Теперь, видимо, придется прочувствовать на своем опыте.

Поначалу я замерла, не веря ушам. Он... живой... дразнит... Потом резко повернулась. Бледная физиономия Тавиша выглядела неважно, волосы спутались, щеки запали, но необычные глаза горели живым огнем, и их взгляд был привычно нахальный. Без всякого целителя ясно: жить будет. Осознала это, всхлипнула и рухнула рядом. Ну, в смысле, попыталась обнять, чтоб не сильно придавить, и уткнулась лбом в тонкое одеяло, прикрывающее плечо.

Прохладная ладонь прогулялась по волосам, но говорил Тавиш нарочито строго:

— Анб, можете осмотреть ее, пока не сильно дергается, — и сам меня придержал, когда я вздрогнула от возмущения.

Недовольство прошло, стоило тонким пальцам запутаться в моих волосах. Какая разница, пусть себе вредничает! Зато живой.

Когда, размечтавшись, воображала этот момент, думала, что расплачусь. Но сейчас просто вдыхала его запах, слушала биение сердца и ощущала ни с чем не сравнимое облегчение. Да что там, я даже Аделину готова была простить!

Но Тавиш не был бы собой, если бы не допек меня:

— А потом накормите ее и уложите, пусть выпится, — обращался он все еще к Говарду. — Наверняка же вымоталась, пока за меня переживала.

И вовсе я не... То есть да, но после такого заявления ни за что не признаюсь!

— Вот умеют же некоторые очнуться так, что через минуту окружающие их уже прибить готовы, — проворчала, тоже обращаясь к Говарду, который с умилением наблюдал за нами. — Вам не кажется, что без сознания он как-то приятнее был?

Тавиш аж крикнул. Еще бы, с кем поведешься! И я уже неплохо наловчилась отбиваться от его уколов. Он, наверное, так же подумал, потому что в следующую минуту заговорил куда более ласково:

— Я знаю, что ты любишь меня, моя хищная прелесть.

Вот что с ним поделаешь?

— Люблю, — не стала отпираться я и, приподняв голову так, чтобы видеть его лицо, угрожающе продолжила: — Но если посмотришь на сторону, придушу, клянусь! И это отнюдь не преувеличение.

— Понял. — Необычные глаза озорно сверкнули.

— Дивальд, я серьезно! — И сама несколько опешила, расслышав в своем голосе рычащие нотки.

Этот наколдованный меня до белого каления доведет! Когда мы одни, с ним и говорить и молчать легко и приятно, но стоит рядом оказаться кому-

то еще, он словно за маской прячется, язвит, дразнит и просто сводит с ума.

— Все другие нужны были, чтобы как-то продержаться без тебя, — словно прочитав мои мысли, с убийственной откровенностью выдал этот... бывший демон. Ну а кто еще может вот так, с нескольких слов, вогнать девушку в краску? — Теперь с этим покончено. Ты же моя?

Слезы все-таки навернулись. Ох!.. Знал бы он, как я этого ждала! Хотя и не смела надеяться.

— Ведь моя, Миша? — все никак не могло угомониться мое вредное счастье.

— Ага. — Горло сдавил спазм, говорить было трудно.

— И если мое лицо покроется язвами, ты все равно будешь меня любить? — не отставал этот неугомонный тип.

Ясно уже, что не покроется. По заверениям лекаря и мага, он вообще легче других перенес болезнь. Язв было всего несколько — на руках и шее, но они уже начали затягиваться. Ридуш уверял, что следов остаться не должно.

— Больше всех на свете, — тем не менее правдиво ответила я и, чтобы не вздумал сомневаться, крепко-крепко его обняла.

Совесть у Говарда все же была, так что он дал нам наобниматься вволю, потом бегло осмотрел Тавиша и заставил его принять все необходимые снадобья и только после этого занялся мной. Еще не до конца осознавая, что все происходящее — явь, я обводила узкую комнатку немного осоловелым взглядом, сонно моргала и больше не сопротивлялась.

Повязка выглядела ужасно, ибо в последние дни всем было как-то не до нее. Впрочем, даже это всяко лучше того, что скрывалось под ней.

Пока Анб разматывал бинты, я с любопытством разглядывала потрескавшуюся краску на противоположной стене. А про себя тихо радовалась, что зеркала здесь нет. Ни к чему портить такой замечательный день.

Из уютной задумчивости меня вырвал изумленный возглас Говарда. Ну и что там? Все так плохо? Новые язвы? Хотя больной я себя не чувствовала.

— А чему ты удивляешься? — меланхолично спросил Тавиш из-под одеяла. — Должно же ей было от риссов достаться что-нибудь, кроме паршивого характера! Регенерация — самое оно.

Опять он меня дразнит. И в такой момент! Я, конечно, держусь, но можно иметь хоть каплю сострадания к девушке, которая теперь уже точно пропустит долгожданный бал?!

— Однако, неожиданно, — пробормотал Анб.

А потом ка-а-ак улыбнется! Ну совершенно счастливо!

Мне даже обидно стало. Нашли время радоваться.

— Все зажило, да? — сделала вполне логичные выводы из всего услышанного я.

Чудесно! Не придется больше ожившей мумией ходить. Можно надеть любимую маску.

— Миша, ты должна... нет, обязана это увидеть! — сверкнул очередной улыбкой Анб и попытался меня куда-то утащить. — Идем со мной.

Но я уперлась.

— Мне и здесь хорошо. Чего я там не видела, в самом деле?

Помимо регенерации мне от риссов перепала еще и сила, так что сидеть на стуле я так и осталась, а к двери лекарь направился один. Почти побежал!

— Ладно, я сейчас! — на ходу крикнул он.

Пожав плечами, я перевела растерянный взгляд на Тавиша, но лицо того было совершенно непроницаемо. И я снова попыталась сделать выводы из имеющейся информации:

— Стала еще страшнее, да? Извини, маска осталась в доме Аольских. Но я могу поискать какой-нибудь платок. Сейчас, подожди...

Встать мне не дали, перехватив за запястье. У некоторых выздоравливающих наследственность похлеще моей, так что Тавиш со мной легко справился.

— Не надо платка, посиди спокойно. Пожалуйста.

Прохладные пальцы, коснувшиеся моей кожи, немного отрезвили. Что это я в самом деле? Будто есть какая-то разница!

Договориться с собой толком не успела. Говард вернулся. Со здоровенным зеркалом, видимо, только что снятым где-то со стены. Он пыхтел и отдувался, и руки, не привыкшие таскать тяжести, тряслись. Выглядело это до того забавно, что я прыснула.

Только поэтому не отвернулась.

Ой...

Первой мыслью было растерянное: что в зеркале делает незнакомая особа, почему на ней мое платье и куда запропастилось мое отражение? Когда же недоверие чуть померкло и мне хватило смелости взглянуть реальности в глаза, из горла вырвался тихий всхлип.

Краснота на щеках еще осталась, все же жара в этом году стояла неимоверная, а я все это время ходила в плотной повязке... Но застарелых струпов от язв не было. Их не было! Они пропали!

И новые шрамы и ожоги не появились!

— Но есть и плохая новость: мы не уверены, есть ли у тебя еще иммунитет, — не сумел остаться равнодушным к чужому счастью риссий лекарь.

Всхлип сменил счастливый писк. Какая разница?! Лихорадки больше не будет! А если и будет, всегда можно выяснить, что это был за плотоядный цветок, и использовать его в приготовлении лекарства.

На радостях я бросилась Анбу на шею, опрокинула его на кровать и обняла еще и Тавиша за компанию.

Кажется, я все же иду на бал!

Невероятный день.

Эпилог

Розовато-оранжевое платье эффектно подчеркивало фигуру, а в смелом разрезе при ходьбе иногда мелькали ноги. По уверениям Тавиша, стройные и соблазнительные. Полгода назад... да что там, еще неделю назад я бы ни за что не согласилась надеть такое, но сейчас восхищенно-недоверчиво оглядывала хрупкую белокурую девушку со спрятанным под зачарованным кружевом лицом, отражающуюся в зеркале, и совершенно счастливого мужчину рядом с ней и не верила, что все это происходит со мной. Это моя новая жизнь! Видимо, покровители таким образом рассчитались за годы невнимания.

— Учти, домой переодеваться я тебя не повезу. — Изумлялась произошедшим со мной переменам я долго, и Тавиш забеспокоился. — Иначе пропустим самое главное.

Зла на Гордика я не держала, но, думая о моменте, когда сниму маску, почему-то представляла именно его лицо. Вытянувшееся, с упавшей челюстью и выпученными глазами! Это был бы последний штрих к началу новой жизни.

Но в замок мы все же уедем и проживем там некоторое время. Я устала от столичной суеты, хочется просто побыть счастливой. Гейра с собой возьмем. Тавиш говорил, там горы, сосны и река... Все это должно потрясающе выглядеть с высоты полета моей пушистой прелести.

— Даже в мыслях не было. — Я прижалась щекой к плечу любимого и счастливо вздохнула.

— Хватит уже обниматься, идемте! — поторопила нас Нала.

Зеркал в холле королевского дворца было достаточно, и мы никому не мешали, так что воззвание к совести не сработало. Но пропустить что-нибудь интересное не хотелось. Ладно, еще минутку... Мне нужно собраться с духом.

— Леди, не торопите их. — Пока Тавиш смотрел исключительно на меня, Адриан погладил свою неугомонную возлюбленную по спине. — Они только обрели друг друга. Естественно, что им не хочется расставаться ни на миг.

Да, они пришли вместе. И нет, в своих тайных отношениях так и не признались. Просто накануне Нала подошла к Тавишу и попросила разрешение и Адриану присутствовать. Мол, она хочет, чтобы он видел ее успехи.

Простое прикосновение вызвало у Налы волну плохо скрываемой дрожи и румянец на щеках. Я внутренне поморщилась. Да сколько ж это будет продолжаться!

— Они все время обнимаются, — проворчала девушка, только что носом не шмыгнула от обиды, — а мне, между прочим, завидно!

Тот, что называл себя ее братом, кажется, только этого момента и ждал:

— Завидно? — вкрадчиво уточнил он и опасно сузил устремленные на враз стушевавшуюся сестренку глаза. — Завидно тебе?!

— Ой! Я ничего такого, честно... — пролепетала девушка и даже попятилась.

Я мысленно потерла ладошки. Так им!

Похоже, кто-то попался...

— Точно ничего? — Он еще и брови сдвинул.

— Ага!

— А, например, о своем романе с учителем танцев поведать любимому брату не хочешь? — почти миролюбиво уточнил он, разве что в голосе проскользнули какие-то непонятные нотки. — Я все понимаю, но такое недоверие, знаешь ли, обидно. И не надо мне тут возмущенно сопеть, Миша тебя не сдавала. А будешь отпираться, у меня найдется с десяток холостых знакомых. Договоримся о помолвке сегодня же.

Девушка спала с лица, сжала руки в кулачки и решительно устремилась к обидчику.

— Так ты знаешь?! И давно?

— Достаточно, — меланхолично ответил Дивальд, разве только не зевнул.

Воинственно настроенная особа притормозила и нервно закусила губу.

— И до сих пор никого не убил? — произнесла вслух свой главный страх она. — Значит, ты не против?!

— Только при одном условии, — серьезно заявил мой жених. Хотя быстро исправился: — Нет, при двух. Мы составим брачный договор, по которому воспользоваться деньгами из приданого можешь только ты на свои личные нужды. И ты больше никогда не станешь мне лгать.

Ответом ему стал счастливый писк и удушающие объятия.

Ну вот, одной проблемой стало меньше. Еще один груз с души упал.

Пока подходили к двустворчатым дверям и ждали, когда о нашем появлении объявят, Адриан успел извиниться и как положено попросить руки Налы, а Тавиш предложил объединить свадьбы. Тогда же я и узнала, что это радостное событие ожидается через месяц, платье для меня заказано, осталось только детали с портнихой обсудить и выбрать ткань, а

драгоценности через две недели должны доставить из какого-то отдаленного княжества.

Возражения застряли в горле комом счастливых слез. Что тут скажешь? Хорошо я еще узнала не в день торжества и не после оногo.

— Прелесть моя, не дуйся. — Тавиш поймал мое состояние, притянул к себе, раздвинул носом волосы и слегка прикусил свободное от маски ушко.

— С чего бы это? — фыркнула я.

Против я, конечно, не была, но неплохо бы, чтобы некоторые в дальнейшем со мной считались.

— Гостей я приглашать не стал, — вытащил козырь из рукава Тавиш. — Сколько их будет и нужны ли они вообще, решать тебе.

Знает, на какие точки давить. И что я хочу тихую, скромную свадьбу, тоже знает. Из груди вырвался умиротворенный вздох, на губах под маской растеклась довольная улыбка.

Ладно, сдаюсь.

Нас объявили, и, нежно держа за руку, Тавиш ввел меня в зал.

Успели пройти шагов пять, как позади раздался голос, возвещающий о прибытии следующих гостей.

Помещение было огромное, а большое количество нежно-розовых и белых цветов и окна во всю стену, хоть за последними и царила темнота, будто делали его еще больше и светлее. Народу здесь скопилось столько, что мне в первый момент стало не по себе. И гости все прибывали...

— Не бойся, будет весело, — шепотом подбодрил меня Тавиш.

Первым делом полагалось выразить свое почтение королеве. Пары или даже целые семьи подходили к ней, говорили несколько слов, мужчины кланялись и целовали ручку, женщины делали реверансы, после чего место уступали следующим желающим.

Все прошло быстро и как-то механически, но я успела ее рассмотреть. Ухоженная женщина в невероятно роскошном и невыносимо тяжелом, судя по количеству на нем камней, платье, уже не молодая, что заметно, и чем-то недовольная. Последнее тоже было заметно, хоть она и улыбалась.

Неудивительно. Я бы тоже не очень-то радовалась жизни, если бы от меня муж сбежал к молоденькой фаворитке, еще и выстроил ради нее вторую столицу.

Соблюди приличия, и стало можно полакомиться фруктами и шампанским. Как раз охотились на кого-нибудь с подносом, когда к нам подошли Аделина и Новак.

— Не ожидала увидеть вас здесь.

— Поймать тебя где-нибудь в другом месте не вышло, — развела руками утратившая доверие родительница. — Пришлось доставать приглашения.

Затеряться в такой толпе немудрено. И все-таки мне стало страшно. Очень страшно. За нее.

Несправедливо, что человеку не дано управлять своими чувствами!

— Я еще не готова к разговору. — За жениха прятаться не стала, понимая, как глупо это выглядит, но не сдержалась и отступила. Всего на шаг.

Особенно нужно это стало, когда Аделина протянула мне руку, в которой был зажат свернутый трубочкой и перевязанный лентой листок. Не то письмо, не то документ.

— Прости, я не собиралась причинять тебе боль, — внезапно обретенная и опять почти потерянная мама смотрела на меня сияющими от слез глазами. — Если бы знала, что для тебя это опасно, нашла бы какой-то другой способ. Клянусь!

Теперь говорить можно что угодно. Но почему она не остановила Тавиша, когда он полез в болото?!

На языке вертелся с десятков злых слов, но произнести их не дал «виновник» моих обид:

— Обошлось, — склонившись к моему уху, шепнул он так тихо, чтобы только тонкий слух почти риссы смог разобрать. — Надо забыть.

В этом весь Тавиш. Наколдованный. Бывший демон. И он прав: надо жить сегодняшним днем, не тратя себя на мысли о том, что могло бы быть... или не могло. Из груди вырвался рваный вздох. Мне действительно стало легче.

— Что это? — Пока пыталась разобраться с эмоциями, я решила переключить всеобщее внимание на другое и кивнула на листок.

— Завещание, — пришибла меня ответом Дольская. — Когда-нибудь все мое станет твоим. В том числе и сокровища, которые были в ларце.

Забавно. В голову вдруг пришло, что проклятие и впрямь существует: все, кто соприкасается с сокровищами, хотят, просто жаждут ими обладать и зачастую из-за этого гибнут.

Себе печального конца я не желала, поэтому сразу решила: как только древности попадут в мои руки, разделю их и продам богачам. А лучше переделаю во что-то другое и продам. Деньги потрачу на что-нибудь полезное, например, открою лечебницу для бедных. Глядишь, и развеется проклятие.

В момент, когда утвердилась в таком решении, Тавиш притянул меня к

себе и крепко обнял за плечи. Опять догадался, о чем думаю.

— Я зайду завтра? — наконец определилась с отношением к Аделине я. — Нужно взять кое-что из вещей.

— Конечно, дорогая, — болезненно улыбнулась она.

— Заодно посоветуешь мне что-нибудь со свадебным платьем. — Я дам ей еще шанс. Но если она опять что-то выкинет, прощения больше не будет. — И... приходите на свадьбу. Оба.

Маловероятно, что «лишних» гостей заметили бы, и все же эти двое поспешили уйти. На празднике их интересовала я, а со мной они уже поговорили. И, подозреваю, остались довольны результатом. Более чем.

Охота на вкусности провалилась. Не успела я наметить новую жертву, как зазвучала музыка и объявили первый танец. Как «маске», мне нужно было участвовать обязательно, всего и оставалось, что завидовать счастливце Нале, которая еще и пальчик, измазанный в чем-то сладком, демонстративно облизала к тому же.

Вредина! У-у, я тоже хочу...

Но даже это полушутливое раздражение испарилось, стоило зазвучать музыке. Атмосфера была волшебная: насыщенные звуки, цветы, восхитительные ароматы. «Маски» со своими партнерами кружились в центре, а вокруг них в противоположную сторону двигались все остальные. И Тавиш. Так близко, что я ощущала его тело, тонула в этом танце, всю себя вкладывала в каждое движение.

Действо длилось бесконечно долго. Но это была счастливая бесконечность.

Когда же все закончилось, часы как раз пробили полночь, и сама королева велела снять маски.

И я, проказливо улыбаясь, вместе с другими девушками исполнила повеление.

Как же это приятно — не стыдиться себя! Пожалуй, это и есть настоящая свобода.

Взгляд скользил по заинтересованным зрителям. Это были в основном мужчины, поскольку «маски» действительно считались самыми завидными невестами, но щекотать себе нервы и ухаживать за девушкой до бала решались не все. Наименее смелые теперь выбирали объект ухаживаний из тех, рядом с кем не было постоянного поклонника. Получила я и свою награду — вытянувшуюся физиономию Гордика. Но уже в следующий миг ответила ему тем же, увидев рядом с парнем Тину — вечно угрюмую и неразговорчивую сестру Нарьи. В симпатичном зеленом платье и с улыбкой на губах она не казалась такой уж неприятной, но все же я была удивлена.

А потом наткнулась взглядом на Эда. Но вожаку риссов было не до меня, он выбирал себе девушку. Что ж, удачи ему. И терпения той несчастной!

— Ты довольна, радость моя? — потерся носом о мое ушко Тавиш, когда, чтобы сбежать от следующего танца, мы пробирались в сторону мягких диванчиков и подносов с засахаренными фруктами.

— Не совсем. — Быть с ним честной уже вошло в привычку.

— Кого убить? — И он это серьезно!

— Да нет, просто теперь мне срочно нужна новая мечта, потому что все старые взяли и сбылись. — Кто бы мне сказал, что когда-нибудь моей самой большой проблемой станет это!

Жених негромко рассмеялся и поцеловал меня в макушку.

— Уверен, с этим ты как-нибудь справишься, — хмыкнул он и проложил влажную дорожку из поцелуев от ушка вниз по шее. Я задохнулась. Есть как-то расхотелось. — А если что, я с удовольствием помогу. Прямо сейчас и начну. Миш... может, домой, а?

Он опалил меня таким взглядом, что сомнений в причине бегства не осталось вот вообще никаких.

— Ну уж нет, привыкай быть приличным человеком, — мстительно улыбнулась я. — Брачная ночь будет после свадьбы. И она будет действительно первой.

Уголки его губ забавно опустились, выражая печаль и недовольство. Тавиш откровенно гримасничал, и я не могла сдержать веселья.

— Быть приличным скучно, — пожаловался он.

— Зато полезно. Для окружающих. — Я потянулась и слегка коснулась губами его носа. — Кстати, о целях и планах. Есть еще кое-что. Проблема.

— Кого-то все-таки нужно убить? — прозвучало даже с предвкушением. Правильно, избыток энергии ему куда-то же нужно девать!

Обдумав предложение, я медленно кивнула. И это тоже было серьезно!

— Наверняка мой отец уже знает об Аделине и обо мне. Ну или скоро узнает. И мало нам тогда не покажется. — За бурными событиями последних дней Бартош Брунт как-то вылетел у меня из головы, а теперь вот вспомнился. И стало жутко.

Потерять то, что имеешь, в разы больнее, чем этого так и не обрести. Только сейчас это поняла.

— Хорошо, я разберусь, — сжал мое плечо любимый.

Однако у нашего разговора были свидетели, которые только и ждали момента вмешаться.

— Не надо крайних мер, — беззаботно улыбнулся Адриан. — Я решу проблему.

— Вот как? — недоверчиво приподнял брови Дивальд.

— И как? — полюбопытствовала я.

Нала, опирающаяся на плечо своего мужчины, светилась от гордости.

— Напишу Эллине, — спокойно пожал плечами учитель танцев. — Ночная кукушка иногда кукует о том, чего ей самой хочется. И конкретно у этой кукушки неплохо получается добиваться своего.

Эллина — это, я так понимаю, и есть та самая фаворитка. Ну что ж, вторую столицу она себе уже «накуковала». Стоит попробовать.

— Какие интересные у тебя знакомые... — Судя по азартному блеску в глазах, Тавиш идею оценил.

— Мы раньше в одном театре танцевали, какое-то время даже были любовниками, — объяснил свои связи Адриан. — Потом я получил травму, а ее заметил король. Но мы расстались друзьями.

Мужчины еще некоторое время обсуждали нюансы затеи, мы же с Налой наконец дорвались до сладкого. Настроение было бесшабашное, кругом все веселились, танцевали, пили вино, лакомились вкусностями, а некоторые парочки вышли в полутемный сад и бродили по зеленым лабиринтам. Все-таки и в сборищах знати есть своя прелесть. Время от времени.

Хотелось есть, танцевать, смеяться и целоваться, причем всего одновременно, а еще сотворить какое-нибудь безумство и... еще много разного, поэтому, когда Нала вдруг спросила:

— Получается, то, что ты нажелала Тавишу про девушку, которая его вдоволь помучает, сбылось? И даже самое заветное твое желание исполнилось — теперь у тебя здоровое лицо? — Да, делилась я с ней как-то сокровенным, было дело. — Так, может, загадаешь что-нибудь на будущее? Для всех нас.

Я вдохновенно подхватила идею.

— Ну... — На несколько мгновений я замолкла, прикидывая варианты будущего и выбирая из них самые счастливые. — Мы с Тавишем поселимся в уединенном замке и пару раз в год станем навещать столицу. У нас родятся сын и дочка, и он никогда не будет мне изменять. Хотя останется такой же заразой, и шуточки его до конца жизни будут меня бесить. Ты выйдешь за Адриана, и вместе вы откроете свою школу танцев... хотя лично мне все же видится брачное агентство. Эллина сделает так, что Брунт впадет в немилость и потеряет всю свою власть. Мы с ним познакомимся, конечно, но когда он будет уже не опасен. Эд найдет себе избранницу из «масок», но ему придется из шкуры выпрыгнуть, чтобы ее завоевать. Ему полезно, в воспитательных целях! Гордик женится на Тине,

и я понятия не имею, что из этого получится. А Нарья наверняка найдет себе богатого покровителя, с ее-то характером. Ну как тебе?

Ответить она не успела. Подошли наши мужчины, Адриан сразу же увел свою неугомонную невесту танцевать, Тавиш же одним неуловимым движением затащил меня за статую какого-то вельможи и настырно прижался к губам. Поцелуй был упоительный, страстный, такой, что пол ушел из-под ног. Рискуя упасть, я обхватила жениха руками за шею. И это была самая надежная опора во всем нашем безумном, изменчивом мире. Я запрокинула голову, полностью отдаваясь ощущениям, улетела, позволила себе минутку побыть неприлично счастливой, прежде чем мы присоединимся к танцующим.

Тогда я и подумать не могла, что мое шутливое предсказание сбудется. Точь-в-точь.